

Управление культуры мэрии города Ярославля
Муниципальное учреждение культуры
«Централизованная система детских библиотек г. Ярославля»
Центральная детская библиотека им. Ярослава Мудрого

**МАТЕРИАЛЫ IX МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ**

**ЯРОСЛАВ МУДРЫЙ.
ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ,
СОХРАНЕНИЯ
И ИНТЕРПРЕТАЦИИ
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО
НАСЛЕДИЯ**

Ярославль
2018

УДК 94(47).026
ББК 63.3(2)41
Я 76

Редакционная коллегия:

Труфанова Т. А. (ответственный за выпуск)
Данилова М. Д. (ответственный редактор)
Аверьянов К. А, доктор исторических наук,
(научный редактор)

Я 76 **Ярослав Мудрый. Проблемы изучения, сохранения и интерпретации историко-культурного наследия** : сборник материалов IX Международной научно-практической конференции, Ярославль, 1–2 марта 2018 г. / Управление культуры мэрии г. Ярославля, МУК «Централизованная система детских библиотек г. Ярославля», Центральная детская библиотека им. Ярослава Мудрого. – Ярославль : Канцлер, 2018. – 240 с. : ил.

Сборник включает 31 доклад – ученых, практиков из городов Беларуси – Минска и Полоцка; Сербии – Сопота; России – Москвы, Санкт-Петербурга, Владивостока, Ростова-на-Дону, Кемерово, Томска, Великого Новгорода, Череповца, Ржева, Арзамаса, Ростова Великого, Ярославля. В статьях представлен широкий круг тем, связанных с историей Древней Руси и Ярославом Мудрым, историческим и литературным краеведением, новыми исследованиями и интерпретациями, сохранением и использованием историко-культурного наследия. Отдельный блок докладов посвящен памятным датам Великой Отечественной войны (1941–1945) и Первой мировой войне.

Материалы конференции предназначены для ученых, сотрудников музеев, библиотек, архивов, представителей вузовского и среднего образования, а также для всех изучающих средневековую историю России и Русской Православной Церкви.

ББК 63.3(2)41

ISBN 978-5-91730-745-9

© Коллектив авторов, 2018
© МУК «Централизованная система
детских библиотек г. Ярославля», 2018
© Типография «Канцлер», 2018

**ПРИВЕТСТВИЕ УЧАСТНИКАМ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ЯРОСЛАВ МУДРЫЙ. ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ,
СОХРАНЕНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ»**

Дорогие друзья!

Сердечно поздравляю всех с началом работы Международной научно-практической конференции «Ярослав Мудрый. Проблемы изучения, сохранения и интерпретации историко-культурного наследия».

Мы часто приводим в пример известных исторических личностей, внесших в значительный и добрый вклад в историю. И всегда деятельность таких людей вызывает удивление. Им удавалось за относительно короткий жизненный путь сделать многое. Одним из таких исторических деятелей для нас является великий благоверный князь Ярослав Мудрый.

Каждый раз, обращаясь мысленным взором к образу князя, мы поражаемся глубине личности этого великого мужа, той силе духа, которая была у него, что даже в памяти народной его образ – это образ мудрого правителя, государственного деятеля, образ святого человека.

Он основывал города. И город Ярославль, также основанный великим князем, носит его имя. Он возводил храмы, в том числе и киевский собор Святой Софии. При князе возникли первые русские монастыри. Он издал «Русскую Правду» – свод правовых законов. При нем Церковью нашей стал управлять первый русский митрополит – Иларион Киевский. Он очень любил книги и был грамотным человеком, поэтому много внимания уделял переводу византийских книг. Именно князь Ярослав основал в Новгороде первую большую школу.

И все это было возможно сделать в XI веке, когда невозможно было опереться не на тысячелетнюю традицию, не на созданные предками культурные и материальные блага. С того времени сменили друг друга множество поколений. Но, несмотря на сотни лет, отделяющие нас от той эпохи, мы ощущаем культурную и духовную близость. Есть то, что роднит нас, несмотря на современную действительность, на все внешние

перемены, затронувшие наше общество, то, что позволяет нам идти вслед за нашими предками и хранить традицию.

Нас соединяет православная вера. Мы – члены Церкви, Церкви земной воинствующей и странствующей в этом мире и Церкви торжествующей, жительствующей на небесах. И каждое наше молитвенное обращение к великому благоверному князю Ярославу, прославленному в лике святых, и каждое наше обращение к его памяти только тому подтверждение.

Я хотел бы пожелать всем участникам конференции помощи Божией в добрых трудах на ниве просвещения и служения народу Божию.

С уважением,

МИТРОПОЛИТ ЯРОСЛАВСКИЙ И РОСТОВСКИЙ

1 марта 2018 г.

УВАЖАЕМЫЕ УЧАСТНИКИ КОНФЕРЕНЦИИ! УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Уже в девятый раз на Ярославской земле, богатой выдающимися людьми и историческими событиями, проходит международная научно-практическая конференция, посвященная Ярославу Мудрому и его эпохе, проблемам изучения и сохранения историко-культурного наследия.

Наша конференция объединяет сотрудников библиотек, музеев, архивов, представителей вузовского и среднего образования, краеведов, писателей, издателей, любителей истории из городов Беларуси – Минска и Полоцка; Сербии – Сопота; России – Санкт-Петербурга и Владивостока, Москвы и Ростова-на-Дону, Великого Новгорода и Томска, Ярославля и Кемерово, Череповца, Ржева, Арзамаса, Ростова Великого.

Такая география участников не может не радовать. Современные экономические условия не благоприятствуют дальним поездкам, поэтому конференции в стране все чаще проводятся в заочной форме. Преимущества очной конференции очевидны – участники имеют возможность личного знакомства и общения друг с другом, непосредственного обмена исследованиями и практическим опытом; это – расширение связей и партнерских отношений.

В ходе работы конференции будет обсуждаться широкий круг проблем, тем, связанных с историческим и литературным краеведением, новыми исследованиями и интерпретациями, сохранением и использованием историко-культурного наследия. Отдельный блок докладов будет посвящен памятным датам Великой Отечественной войны (1941–1945) и Первой мировой войне.

Надеюсь, что актуальность и разнообразие заявленных к выступлению докладов, возможность представления широкой аудитории новых наработок и исследований, обмен опытом сделают нашу конференцию территорией для профессиональных открытий!

От всей души желаю участникам конференции плодотворной работы и реализации намеченных планов!

*Труфанова Татьяна Алексеевна,
директор муниципального учреждения культуры
«Централизованная система детских библиотек г. Ярославля»*

КОГДА БЫЛ СОСТАВЛЕН «РЯД ЯРОСЛАВА»?

В статье приводятся аргументы в пользу того, что завещание Ярослава Мудрого было составлено не в 1054 г., как предполагают исследователи, а задолго до его кончины, причем в двух вариантах: первый, предположительно, между 1036–1038 гг., а второй – около 1040–1041 гг. Выяснение данного факта позволяет объяснить встречающуюся в летописях разницу числа сыновей Ярослава, между которыми были распределены его владения.

Ключевые слова: Ярослав Владимирович Мудрый, Древняя Русь, княжеские духовные грамоты.

Одним из важнейших документов Древней Руси являлся «Ряд Ярослава» – завещание Ярослава Мудрого, распределявшее княжеские столы между его сыновьями. В период наступившей удельной раздробленности и вплоть до монгольского нашествия именно к этому документу постоянно апеллировали многочисленные потомки Ярослава Владимировича, разбившиеся на два клана – Мономашичей и Ольговичей.

Данное обстоятельство заставляет задать вопрос – когда было составлено завещание Ярослава Мудрого? К сожалению, оно дошло до нас только в пересказе летописца. И хотя между исследователями существуют разногласия: был ли данный документ оформлен в письменном виде, или же воля великого князя русского была изложена им устно, – все они единодушно датируют его 1054 г. Именно под этой датой «Повесть временных лет» помещает известие о смерти князя и о том, что еще при жизни («и еще бо живущю ему, наряди сыны своя») он распределил свои владения между детьми: «Се же поручаю в собе место столь старейшему сыну моему и брату вашему Изяславу Кыевъ; сего послушайте, яко же послушайте мене, да той вы будете в мене место; а Святославу даю Черниговъ, а Всеволоду Переяславль, а Игорю Володимерь, а Вячеславу Смолинескъ» [5, с. 70].

Издатели данного памятника не случайно выделили слова «а Игорю Володимерь» курсивом. Как известно, «Повесть временных лет» дошла до нас в составе Лаврентьевской (XIV в.) и Ипатьевской (XV в.) летописей. Обратившись к указанным источникам, видим, что слова «а Игорю Володимерь» в них отсутствуют, и, таким образом, получается, что Ярослав Мудрый разделил свои владения между четырьмя, а не пятью сыновьями [6, т. 1, стб. 161 ; т. 2, стб. 150]. Поскольку далее в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях, уже после рассказа о завещании Ярослава, под 1155 г. идет текст, где упоминаются уже пять сыновей: «Начало княженья Изяслава в Кыеве. Пришедь Изяславь седе Кыеве, Святославь Чернигове, Всеволодь Переяславли, Игорь Володимери, Вячеславь Смолинське» [6, т. 1, стб. 162 ; т. 2, стб. 151], – издатели посчитали, что летописец пропустил слова «а Игорю Володимерь», и добавили их в текст памятника.

Данное несоответствие подметили уже летописцы XV в., в частности, составитель Комиссионного списка Новгородской первой летописи. В рассказе о предсмертных распоряжениях Ярослава он добавил слова «а Игореви Володимерь», приведя текст «ряда» Ярослава Мудрого в полное соответствие с тем порядком, в каком его сыновья сели на свои уделы [6, т. 3, с. 182].

Но, исправив ошибку в одном месте, он не заметил ее еще в двух местах. Под 989 г. новгородский летописец, рассказывая о потомках Владимира Святого, сообщает: «И преставися Ярославь, и ошастася 3 сынове его: вятшии Изяслав, а среднии Святославь, меншии Всеволод. И разделиша землю: и взя болшии Изяславь Кыевь и Новьгород и инии города многы Кыевськия во пределехъ; а Святославь Черниговь и всю страну вьсточную и до Мурума; а Всеволод Переяславль, Ростовь, Суздаль, Белоозеро, Поволжье». Тот же текст читаем в статьях, предшествующих Комиссионному списку [6, т. 3, с. 160, 469].

Укажем также на то, что в Новгородской четвертой и Софийской первой летописях сразу после известия о кончине Ярослава обнаруживается сообщение о разделе Смоленска между его сыновьями Изяславом, Святославом и Всеволодом: «И по семь разделиша Смоленскъ на три части» [6, т. 4, ч. 1, с. 118 ; т. 6, вып. 1, стб. 182].

Поскольку в данном случае нельзя все свести к описке летописца, встает вопрос: между сколькими сыновьями разделил свои владения Ярослав Мудрый? И поскольку в упомянутых выше летописных известиях содержится разный набор владений, необходимо выяснить – каков же был их реальный раздел?

Относительно раздела Смоленска это попытался сделать А. В. Назаренко. Согласно «Повести временных лет», два сына Ярослава скончались вскоре после отца: Вячеслав в 1057 г., а Игорь – в 1060 г. [5, с. 71]. Оба они последовательно сидели в Смоленске. Соответственно, этот раздел мог произойти только в 1060 г., когда, по его мнению, после смерти Игоря три оставшихся сына Ярослава разделили это выморочное владение между собой [4, с. 31].

Отсюда вполне логичным выглядит предположение, что новгородский летописец XV в., сообщая о владениях сыновей Ярослава, под 989 г. и в статьях, предшествующих Комиссионному списку, описывает их распределение «задним числом», уже после смерти Вячеслава и Игоря.

Но с подобным предположением согласиться нельзя. Новгородский летописец под 1054 г. говорит о разделе владений Ярослава, из которых Смоленск приходится на долю Вячеслава, затем о похоронах Ярослава, сразу после которых сообщается о разделе Смоленска на три части. Под 1055 г. говорится о вокняжении в Смоленске Вячеслава, под 1056 г. о его кончине и передаче Смоленска Игорю. Наконец, под 1060 г. помещено известие о смерти Игоря [6, т. 4, ч. 1, с. 117–118, 120 ; т. 6, вып. 1, стб. 181–183]. Как видим, известие о разделе Смоленска не вписывается в логику изложения и выглядит попавшим случайно в это место летописи.

Исследователи датируют завещание Ярослава Мудрого 1054 г., годом его кончины. Между тем на Руси существовала традиция заблаговременного составления завещаний князей. К сожалению, в нашем распоряжении сохранился лишь единственный комплекс подобных документов – завещания князей московского княжеского дома, поскольку духовные грамоты других русских князей не уцелели. По этим материалам видно, что княжеские духовные грамоты, как правило, писались за несколько лет до кончины князя.

Поскольку они затрагивали обширный комплекс имущественных отношений, связанный с судьбами значительного числа людей, новые варианты завещаний составлялись в исключительных случаях: смерти прежнего наследника, существенного изменения наследственных владений и т.п.

Тем самым, предположив, что завещание Ярослава было составлено задолго до его кончины, можно попытаться уточнить его дату, исходя из того, что завещание писалось после рождения старших трех сыновей, но до появления на свет двух младших.

Поскольку в нем, среди прочих владений, речь идет о Чернигове, ранее принадлежавшем брату киевского князя Ярослава – Мстиславу Владимировичу, скончавшемуся в 1036 г., данный документ мог быть составлен не ранее этого года. Об этом же говорит и тот факт, что в завещании Ярослава не упоминается его первенец Владимир, посаженный в том же 1036 г. отцом в Новгороде [5, с. 66].

Сыновья Ярослава Изяслав (в крещении Дмитрий), Святослав (в крещении Николай), Всеволод (в крещении Андрей) родились соответственно в 1024, 1027 и 1030 гг. [5, с. 65].

Следующий сын киевского князя Вячеслав (в крещении Меркурий), судя по «Повести временных лет», родился также в 1036 г. [5, с. 66]. (В Никоновской летописи запись о рождении Вячеслава помещена под 1033 г. [6, т. 9, с. 80], а у В. Н. Татищева – под 1034 г. [8, с. 77].) Но в завещание своего отца он не попал.

Объясняется это тем, что оно, вероятно, было составлено вскоре после его появления на свет. Дело в том, что в условиях тогдашней чрезвычайно высокой младенческой смертности зачастую не было гарантии того, что юный княжич доживет до 3–4 лет. Только по достижении этого возраста над мальчиком совершались «постриги». Данным термином обозначался обряд первой стрижки волос, происходивший в церкви с чтением особой молитвы, для чего ребенка приводил туда его крестный отец. После постригов дети переходили из женских рук в мужские. Как знак этого, мальчика сажали на коня в присутствии епископа, бояр и народа [3, с. 430]. Но значение постригов заключалось не только во внешней обрядности, а имело более глубокий смысл – юный княжич объявлялся

наследником. Тем самым можно говорить о том, что «Ряд Ярослава» был составлен после перехода к нему Чернигова, но до «постригов» его сына Вячеслава, т.е. в промежуток около трех лет: с 1036 по 1038 гг. В этой связи нельзя не обратить внимания на имеющееся в литературе предположение о том, что около 1037 г. киевский князь принял царский титул [7, с. 51, прим. 65].

Вероятно, вскоре после составления завещания к Ярославу Мудрому отошел Смоленск после смерти его прежнего владельца, которым, согласно Никоновской летописи, являлся сын Владимира Святославича, и соответственно брат Ярослава, князь Станислав Владимирович [6, т. 9, с. 57]. Известия о нем крайне скудны. В. Н. Татищев полагал его сыном Владимира от чешской княжны [8, с. 227]. Полагают, что он скончался в 1036 г. [1, с. 786]. Это убеждение основано на замечании Н. М. Карамзина, что после смерти Мстислава в 1036 г. «о детях Владимировых, Всеволоде, Станиславе, Позвизде летописец не упоминает более» [3, с. 19].

Но сразу после кончины Станислава Ярослав Мудрый предпочел, видимо, не переписывать свое завещание, а составить к нему «приписную грамоту». Подобная традиция дожила вплоть до XV в., когда Василий Темный составил приписную грамоту к своему завещанию [2, № 616, с. 198–199]. В «приписной грамоте» Ярослав Мудрый распорядился о разделе Смоленска между тремя старшими сыновьями. Указание на ее существование видим в упоминании новгородского летописца о разделе Смоленска.

Традиция составления княжеских завещаний на Руси знает примеры, когда князьям приходилось составлять свои завещания по несколько раз, переписывая их в зависимости от складывавшейся обстановки. Так, от Ивана Калиты дошли две духовные грамоты, а от Василия I – три [2, № 1а,б, 20–22]. Не было исключением из этого правила и Ярослав Мудрый. Если новгородский летописец знает у него трех наследников, то киевский говорит уже о четырех (отсутствует младший сын Игорь). В свое время А. А. Шахматов выдвинул идею, что упоминание Игоря присутствовало в Начальном своде 1090-х гг., предшествовавшем «Повести временных лет», но при составлении последней было исключено из нее, чтобы «дать

отпор притязаниям Давыда Игоревича на Владимир». Правда, при этом он не объяснил того, что упоминание Игоря сохранилось в непосредственно следующем за этим сообщением известии 1055 г., а сын последнего Давыд Игоревич скончался в 1112 г., т.е. до начала работы над «Повестью временных лет».

Но все объясняется гораздо проще: через несколько лет после составления первого завещания Ярослав написал второе, в котором помимо трех старших сыновей назвал наследником и подростка к тому времени Вячеслава, которому предназначался Смоленск. Однако в нем нет упоминания самого младшего сына Игоря.

К сожалению, о его рождении летописи молчат, хотя В. Н. Татищев датирует это событие 1036 г. [8, с. 77]. Отсутствие в пересказе завещания Ярослава, содержащемся в Лаврентьевской и Ипатьевской летописи, упоминания Игоря позволяет говорить, что новый вариант «Ряда Ярослава» был составлен либо еще до рождения Игоря, либо, что более вероятно, до его «постригов».

Что же стало поводом для составления Ярославом нового варианта завещания? Это мог быть военный поход или опасная поездка, из которых можно было не вернуться. Традиция требовала от князей составления распоряжений на случай печального исхода. Неудивительно, что обе свои духовные грамоты Иван Калита составил перед поездками в Орду [2, № 1а,б]. Для Ярослава таким толчком могли стать походы на Литву или мазовшан, соответственно в 1040 и 1041 гг. [5, с. 67].

И хотя Игорь не значился в завещании отца, после смерти Ярослава старшие братья выделили ему долю отцовского наследства. Это нашло отражение в известии 1055 г. о распределении уделов между сыновьями Ярослава.

О существовании подобной традиции известно из сохранившихся позднейших княжеских завещаний. В 1389 г. была написана духовная грамота великого князя Дмитрия Донского. Однако в ней в числе наследников не был указан младший из его сыновей – Константин, родившийся за несколько дней до смерти отца. Наделить его уделом пришлось старшему брату – великому князю Василию Дмитриевичу.

Таким образом, можно утверждать, что «Ряд Ярослава» был составлен задолго до его кончины. Первый вариант был написан около 1036–1038 гг., скорее всего, сразу после того, как Ярослав стал, по словам летописи, «самовластьцем Рустей земли». В нем в числе наследников значились три его сына. Второй вариант был составлен около 1040–1041 гг., перед одним из военных походов Ярослава.

Тот факт, что известия о завещании Ярослава Мудрого дошли до нас в пересказе как «Повести временных лет», так и независимо от нее новгородском летописании, позволяет предположить, что его копии хранились не только в киевском княжеском архиве, но и в Новгороде.

Список литературы

1. Древняя Русь в средневековом мире : энциклопедия / под общей ред. Е. А. Мельниковой, В. Я. Петрухина ; Институт всеобщей истории РАН. – Москва : Ладомир, 2014. – 992 с.

2. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / АН СССР, Ин-т истории ; подгот. к печати Л. В. Черепнин ; отв. ред. С. В. Бахрушин. – Москва ; Ленинград : АН СССР, 1950. – 585, [1] с.

3. Карамзин, Н. М. История государства Российского. В 12 т. Т. 2–3 / Н. М. Карамзин ; под ред. А. Н. Сахарова. – Москва : Наука, 1991. – 832 с.

4. Назаренко, А. В. Древняя Русь и славяне : историко-филологические исследования / А. В. Назаренко ; Ин-т всеобщей истории. – Москва : Русский фонд содействия образованию и науке, 2009. – 528 с.

5. Повесть временных лет / подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д. С. Лихачева ; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. – 2-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург : Наука, 1999. – 668 с. – (Литературные памятники).

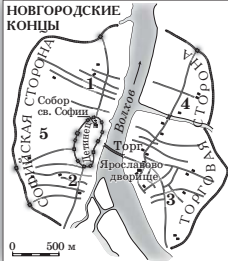
6. Полное собрание русских летописей. – Москва : Языки русской культуры. – Т. 1 : Лаврентьевская летопись. – 1997. – 496 с. ; Т. 2 : Ипатьевская летопись. – 1998. – 648 с. ; Т. 3 : Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – 2000. – 720 с. ; Т. 4,

ч. 1 : Новгородская четвертая летопись. – 2000. – 728 с. ; Т. 6, вып. 1 : Софийская первая летопись старшего извода. – 2000. – 312 с. ; Т. 9 : Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. – 2000. – 288 с.

7. Рапов, О. М. Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII в. / О. М. Рапов. – Москва : МГУ, 1977. – 261 с.

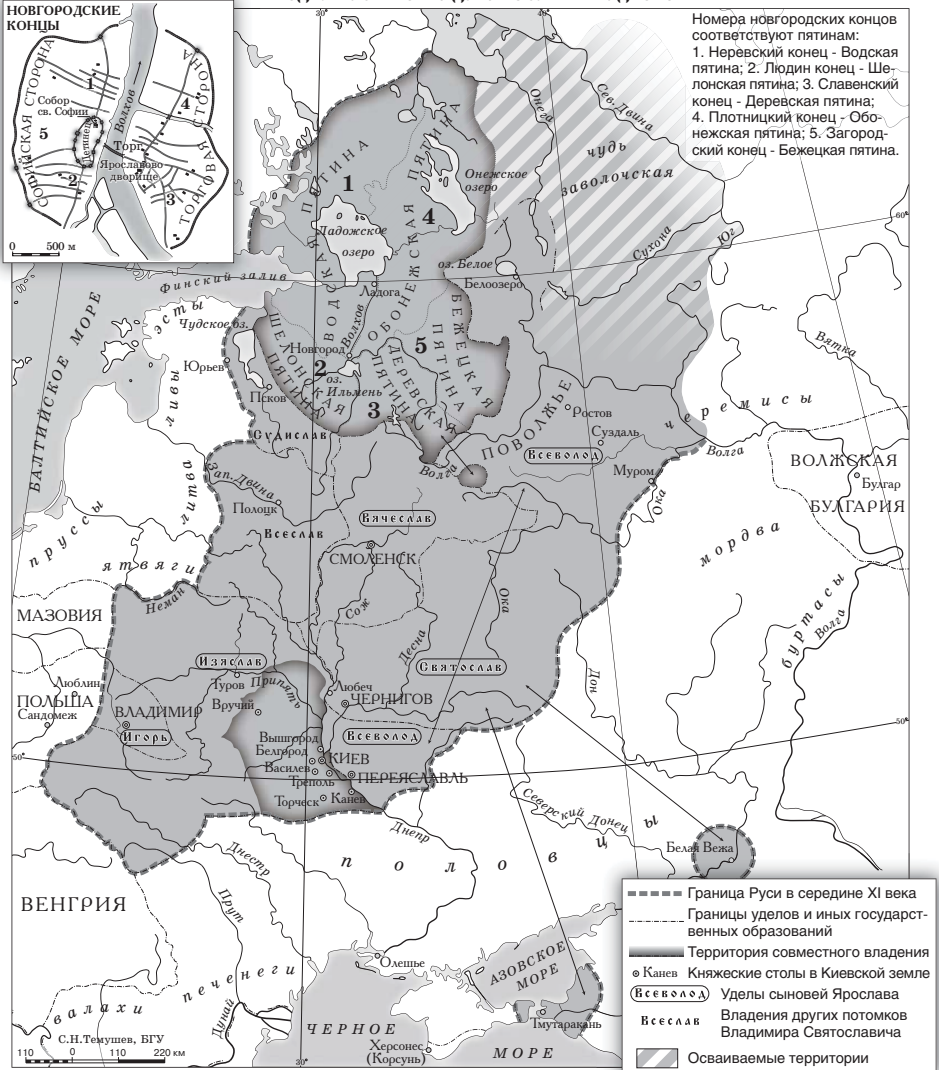
8. Татищев, В. Н. Собрание сочинений. В 8 т. Т. 2–3. История Российская / В. Н. Татищев ; [редкол. : С. Н. Валк, М. Н. Тихомиров]. – Москва : Ладомир, 1995. – 688 с.

РАЗДЕЛ РУСИ ПО "РЯДУ" ЯРОСЛАВА МУДРОГО

Номера новгородских концов соответствуют патинам:

1. Неревский конец - Водская патина;
2. Людин конец - Шелонская патина;
3. Славенский конец - Деревская патина;
4. Плотницкий конец - Обоножская патина;
5. Загородский конец - Бежецкая патина.

ПОЛИТИКА ЯРОСЛАВА МУДРОГО В ОТНОШЕНИИ ПЕРИФЕРИЙНЫХ «КОНФЕДЕРАТОВ»

Рассматриваются акции киевского князя Ярослава Мудрого в отношении финно-угорских и балтских периферийных племен. Проводится прямая связь между необходимостью решения проблемы наполнения княжеской казны и наложением даннических обязательств на периферийных «конфедератов». Делается попытка выяснить результаты и сущность мероприятий киевского князя по подчинению сопредельных с Русью племен.

Ключевые слова: Ярослав Мудрый, дань, налогово-данническая система, финно-угры, балты, Русская Правда.

Составитель Повести временных лет, возможно, передавая нам текст несохранившегося Древнейшего летописного свода [28, с. 295–297], рисует картину разнообразной и широкой деятельности киевского князя Ярослава Мудрого. К важнейшим мероприятиям «великого князя русского» были отнесены: 1) переустройство столицы, 2) строительство Софийского собора и церкви Благовещения на Золотых воротах в Киеве, 3) основание монастырей («святого Георгия манастырь и святыя Ирины»), 4) переписка и перевод с греческого на славянский язык книг и 5) в целом умножение числа священнослужителей и христиан среди восточных славян [16, с. 66–67]. Заслугой именно Ярослава было обращение к просветительской и культурной деятельности. Эта деятельность с его времени становится непременной функцией княжеской власти, вменяемой ему в обязанность общественным мнением, являющейся составным элементом образа идеального правителя [8, с. 148–150]. Любовь князя к книгам и покровительство писцам и переводчикам стало основанием для получения им в позднейшей традиции прозвища «Мудрый» [15, с. 184]. Но это были, хотя и наиболее яркие, но не основные направления деятельности правителя Древнерусского

государства. Ярослав Мудрый известен и как градостроитель, и как законодатель, и как полководец. Из русских летописей, а также из иностранных источников известна активная внешняя политика киевского князя.

Исследователи отмечают важные перемены, произошедшие в характере внешней политики молодого Древнерусского государства, именно в период правления Ярослава Мудрого. В самом общем смысле эти перемены заключались в переходе от личностных и спонтанных к межгосударственным и системным отношениям. Кроме того, при Ярославе основной вектор внешней политики переориентировался с Византии на Запад и Север. Существенно расширились и стали более разнообразными формы межгосударственных отношений (военно-политических, торговых, культурных и конфессиональных) [11, с. 132–133]. Борьба за власть на первом этапе самостоятельной деятельности Ярослава Мудрого, затем отражение им внешней опасности со стороны кочевников, походы на смежные территории и другие военные акции требовали дополнительных военных сил. Эта проблема решалась, в том числе путем приглашения наемников-скандинавов. При Ярославе произошло принципиальное изменение способа рекрутирования наемников: от прямого договора с предводителем отряда киевский князь перешел к обращению к верховному правителю того или иного скандинавского государства, который уже сам формировал военный контингент, направляемый на Русь [11, с. 132].

Многоплановая деятельность киевского князя, безусловно, требовала значительных материальных ресурсов. Прежние механизмы сбора ресурсов – прибавочного продукта непосредственных производителей, таможенных сборов, судебных пошлин – не могли обеспечить грандиозное строительство, инициированное князем Ярославом, его культурно-просветительскую деятельность, наем варяжских отрядов и проведение походов на отдаленные периферийные территории. Но последние, как представляется, были связаны как раз со стремлением решить вопрос о дополнительных ресурсах. Однако обложение данью соседних балтских и финно-угорских народов было только одним из способов

наполнения княжеской казны. По мнению Н. Ф. Котляра, именно во времена Ярослава Мудрого произошел «переход от насильственного и грубого взимания полдюда к организованному, систематическому и упорядоченному собиранию обычной дани» [8, с. 140]. Данное предположение требует уточнения. Переход от полдюда как общегосударственного мероприятия, составлявшего основу фискальной системы Древнерусского государства, к регулярному взиманию налогов-дани через систему погостов и становищ произошел значительно раньше – в середине X в. [27, с. 149]. Нет оснований говорить и об «обычной дани» (т.е. дани-контрибуции покоренных племен) применительно к началу XI в. К этому времени подвластное киевскому князю восточнославянское население уже не воспринимается как отдельные покоренные племена, которые должны выплачивать дань, как гарантию от нападений.

В представлении И. Я. Фроянова сущность дани как организованного внешнего грабежа или насильственного изъятия материальных ценностей племенем-победителем у покоренных оружием племен не изменилась и после реформ княгини Ольги середины X в. [26, с. 435]. С этой характеристикой трудно согласиться и применительно к X в., а тем более – к XI в. Дань-контрибуция («межплеменная дань» по терминологии И. Я. Фроянова) трансформируется в государственную подать (налог). Хотя дань в большинстве случаев возникала «из отношений господства и подчинения между разными этнополитическими образованиями» [3, с. 178], но существовал и другой путь формирования фискальной системы – из добровольных подношений-даров [23, с. 117]. Слияние этих двух путей формирования налогово-даннической системы Древней Руси привело к созданию налоговой системы, представляющей собой комплекс обязательств населения перед верховной властью. При этом подчиненное положение населения заключалось не только в регулярных выплатах и разнообразных повинностях, но и в готовности принимать любые требования государственной власти (признание легитимности таких требований). К числу последних необходимо отнести и осуществление суда. Безусловным свидетельством распространения судебного

суверенитета государства, персонифицированного в образе киевского князя, на все подвластное население стало установление Ярославом Мудрым единых правовых норм, зафиксированных в Русской Правде. В условно выделяемой 9-й статье Русской Правды [17, с. 73, 105] («Покон вирный») определяются обязательства населения по содержанию вирника – судебного чиновника. С большой долей вероятности следует предположить, что такие же нормы существовали и в отношении обеспечения сборщика дани [4, с. 131–132].

Утверждение норм Русской Правды (прежде всего, статьи «Покон вирный») урегулировало правовую сферу взаимоотношений населения и государства. Киевский князь формализовал и установил точные границы обязательств населения за осуществление правосудия. Подобные нормы (касающиеся вознаграждения княжеских «чиновников» за осуществление их функций), вероятно, были распространены и на сферу фискальных отношений. Но податные обязательства населения приобрели устойчивый и регулярный характер, закрепленный традицией, а возможно и какими-то актами («уставами» и «уроками»), значительно раньше. Именно в таком смысле понимается мероприятие княгини Ольги по «установлению» «уставов» и «уроков» [16, с. 29]. «Уставы» – это некие законодательные акты, которыми «могли бы руководствоваться при сборе дани и производстве суда представители власти на местах» [27, с. 149]. «Уставление» же «уроков» предполагало точное определение размеров собираемой «дани» «от сельских местностей в дополнение к уже существовавшим урокам от городов» [19, с. 193]. Как бы то ни было, на основной территории Древнерусского государства, заселенной восточными славянами, размер податей и порядок их взимания был четко определен к началу правления Ярослава Мудрого. Рассчитывать на значительное увеличение поступления средств в княжескую казну от населения городов и весей своей земли киевскому князю не приходилось. Именно этим обстоятельством обусловлена экспансия киевского князя, направленная на иноплеменную периферию Древней Руси, зафиксированная летописями. Вовлечение в данническую зависимость некоторых финно-угорских и балтских племен необходимо рассматривать как

способ решить проблему недостатка средств для обширной деятельности киевского князя в условиях устоявшихся фискальных отношений внутри государства.

Летописи сообщают о нескольких походах киевского князя на соседей Руси. Вполне вероятно, они донесли не все военные акции, проведенные по инициативе Ярослава Мудрого, зафиксировав только наиболее крупные из них, возглавляемые лично князем. Сообщение Повести временных лет под 1030 г. вполне определенно свидетельствует об удачной акции киевского князя: «Семь же лете иде Ярославъ на чюдъ, и победи я, и постави градъ Юрьевъ» [16, с. 65 ; 5, стб. 141]. Из множества иных примеров известно, что подчинение новой территории с населением, облагаемым данью, требует строительства городов, являющихся важнейшими центрами власти и управления и вместе с этим – ключевым звеном налогового-даннической системы. Последующие известия Повести временных лет указывают только направления походов киевского князя: «Ярославъ иде на ятвягы» (1038), «Ярославъ иде на литву» (1040) (это же событие датировано 1044 г. в Новгородской первой летописи) [12, с. 181], «Иде Ярославъ на мазовьшаны, въ лодьяхъ» (1041) [16, с. 67 ; 5, стб. 141–142]. Дополнительные подробности приводит летопись об обстоятельствах похода сына Ярослава Мудрого новгородского князя Владимира на емь: несмотря на победу («победи я»), итоги военной акции были омрачены падежом лошадей [16, с. 67 ; 5, стб. 141–142]. Повторный поход Ярослава на Мазовию, записанный в Повести временных лет и новгородских летописях под 1047 г. [16, с. 68 ; 12, с. 181 ; 13, с. 116], имел целью выполнение союзнических обязательств.

Лаконичный характер летописных записей в ряде случаев не позволяет сделать выводы о результатах военных акций киевского князя. Успешным был поход на чудь (эстов) Восточной Прибалтики (1030). Но в то же время неудачей закончилось движение новгородцев на восток, о чем сохранилось свидетельство в Софийской, Воскресенской и Никоновской летописях: «Того же лета Улебъ иде на Железнаа Врата изъ Новагорода, и вспять мало ихъ възвратишася, но мнози тамо погибоша» [10, с. 79]. О провале русского похода 1038 г. на ятвягов прямо сообщает Новгородская 4-я

летопись: «Прииде весне Ярославъ къ Киевоу, и на зимоу ходи на Ятвягы и не може ихъ взяти» [13, с. 114]. Но в позднейших списках Ипатьевской летописи добавлено: «и победы» [9, стб. 153 ; 5, стб. 141]. Следует согласиться с выводом о том, что указания и на победу, и на поражение киевского князя в результате похода на ятвягов являлись плодом творчества позднейших сводчиков [6, с. 90]. Таким образом, утверждение о том, что все указанные походы Ярослава были неудачными [30, с. 57], безосновательно. Подчинение литвы Киеву также необходимо связывать именно с походом 1040 (1044) г. Не исключено, что поход киевского князя был вызван отказом подчиненного племени соблюдать ранее утвердившиеся обязательства [22]. В целом в результате походов Ярослава на ятвягов и литву были поставлены под устойчивый контроль Киева Неманский путь и местное население [6, с. 90 ; 7, с. 130].

Безусловным успехом ознаменовалось продвижение княжеской власти в северо-восточном направлении. В результате восточнославянской колонизации и продвижения вслед за ней княжеских данников территория Древней Руси расширилась и на земли финно-угорской периферии. Вполне вероятно, о проведении ряда мероприятий по установлению даннической зависимости северо-восточной периферии свидетельствует краткое сообщение некоторых летописей. Так, согласно Софийской I и Новгородской IV летописям, после подавления выступления волхвов в 1024 г. Ярослав Владимирович «устави ту землю» [13, с. 112 ; 14, с. 51 ; 21, с. 124]. Показательно, что ради сбора дани с иноплеменного (и восточнославянского, сохраняющего верность язычеству) населения княжеская власть готова была отказаться от насильственного насаждения христианства. В «Сказании о построении града Ярославля» упоминается клятва населения Медвежьего угла (предшественника Ярославля) языческому богу Волосу в согласии «оброцы ему даяти», но только бы князь не заставлял креститься [25, с. 132–133]. В этой связи и в «уставлении» князем Ярославом Ростово-Суздальской земли после «восстания волхвов» не следует обнаруживать утверждение христианства. Более важной для княжеской / государственной власти оказывается исправная выплата дани, чем спасение душ язычников.

Крайне лаконичный характер летописных записей о походах Ярослава на чудь, ятвягов и литву не раскрывает весь комплекс осуществленных на подчиненной территории мероприятий. О том, что это не были простые грабительские акции, свидетельствуют последующие летописные записи, говорящие о восстановлении установленных ранее обязательств. В отличие от разовой грабительской акции взимание дани с подчиненной территории должно было сопровождаться определенными мероприятиями, которые призваны были обеспечить исправное поступление материальных благ, их систематизацию, подсчет, транспортировку, фиксацию недоимок и т.д. Это тем более было необходимо в случае, если сбор дани осуществлялся на значительном отдалении от расположения княжеского престола. В этой связи на местах необходимо было создать определенные пункты. Такими пунктами были, прежде всего, погосты. Но наряду с погостами, для которых характерно узкое функциональное назначение, необходимым элементом функционирования налогового-даннической системы являлись города как административные центры, сосредотачивавшие в своих стенах власть и управление над значительной территорией. В случае с обложением данью периферийных финно-угорских племен летописи дают прямые указания на связь подчинения с фискально-административными пунктами: после покорения чуди Ярославом Владимировичем в их земле строится город Юрьев (1030), в 1116 г. новгородцы с псковичами взяли множество погостов в земле чуди («В се же лето Мьстиславъ Володимеричъ ходи на чюдь с новгородчи и со пьсковичи, и взя городъ ихъ именемъ Медвежа Глава, и погость бе-щисла взяша, и възвратишася въ свояси съ многомъ полономъ») [16, с. 129].

В летописных текстах совершенно отсутствует указание на содержание даннических выплат финно-угорских и балтских племен, попавших в орбиту влияния Руси. Общепринято считать, что это были меха. В данном случае проводится прямая аналогия с позднейшим ясаком, собираемым с подчиненных Российским государством сибирских народов. О сборе же дани мехами в домонгольский период свидетельствуют миниатюры Радзивилловской летописи (миниатюра на с. 136 – «дани поча брати», на с. 164 – дань с

чуди) [18, с. 94, 107]. Уникальную информацию о даннических выплатах мехами дают берестяные грамоты (например, о дани песцами населения Заволочья свидетельствует грамота № 724). Но те же берестяные грамоты дают примеры денежных сборов (грамота № 902), взимания дани зерном, медом (медовое – грамота № 910) [29, с. 102]. О медовой дани буртасов, черемисов, вяды и мордвы сообщает и «Слово о погибели Русской земли» («Буртаси, черемиси, вяда и морьдва бортьничаху на князя великого Володимера») [20]. На той же миниатюре Радзивилловской летописи, демонстрирующей выплату дани чудью после похода сыновей Мстислава Великого (1130) наряду с мехами представители финского народа ведут некое средних размеров животное, вызвавшее недоумение исследователей (баран?) [1, с. 25]. Таким образом, содержание даннических выплат могло быть разнообразным и, видимо, зависело от хозяйственной «специализации» плательщиков.

Сравнительный материал позволяет выяснить, что даннические обязательства были значительно шире, чем регулярное подношение определенных материальных благ. В этом отношении показательны статьи 1256 и 1257 гг. Ипатьевской летописи, рассказывающие о подчинении галицким князем Даниилом Романовичем ятвягов. В статье 1256 г. раскрывается конкретное содержание зависимости: ятвяги 1) «послаша послы своа и дети своа», т.е. дали заложников; 2) «дань даша»; 3) «обещевахуся работе быти ему», т.е. нести различные повинности, и 4) обязались «города рубити въ земли своей» [5, стб. 835 ; 2, с. 131]. Последняя фраза обычно понимается в смысле строительства в земле ятвягов крепостей, которые призваны были остановить экспансию крестоносцев. Между тем, представляется, что не менее значимым было и обеспечение с опорой на данные укрепленные пункты взимания дани-контрибуции. В чем заключалась сама дань, видно из последующей летописной статьи. В 1257 г. Даниил Романович послал к ятвягам своего человека по имени Константин, который «поима на нихъ дань черныа куны и бело сребро» [5, стб. 835 ; 2, с. 131]. В данном случае мы обнаруживаем прямое указание на выплату дани пушниной (черными куницами) и серебром.

Подчинение периферийных в отношении Руси племен помимо выплаты дани могло предполагать и выполнение других обязательств. Представляется, что в их число необходимо включить и предоставление военной помощи. Так, весьма показательны летописные свидетельства о «союзнических» отношениях древнерусских княжеств с отдельными финно-угорскими племенами. В Новгородской первой летописи неоднократно зафиксированы факты военного содействия Новгороду корел (карелы). Союзником Полоцкого княжества некоторое время выступала воль (Новгородская первая летопись под 1069 г. рассказывает о значительных потерях «вожан» («паде ихъ бещисльное число»), поддержавших князя Всеслава Полоцкого в походе на Новгород [12, с. 17]. Высказано предположение, что на особые отношения Полоцка с финским племенем воль (возможно, именовавшемся также нерева-нерома) указывает и летописное сообщение об обстоятельствах более раннего нападения Всеслава на Новгород: «Заратися Всеславъ, сынъ Брячиславль, Полотъский, зая Новгород до Неревского конца» [13, с. 123]. Неревский конец не был тронут полоцким князем, поскольку был в некоторой степени водским, а воль выступала союзником Полоцка [24, с. 42]. Из позднейшей истории Полоцкой земли известно, что ее союзником выступает литва [5, стб. 519 ; 22]. Не была ли в ряде случаев произведена замена выплат материальными благами военной помощью, предоставлением воинских контингентов? Тем более нужно учитывать, что очень часто получаемые посредством взимания дани с периферийных племен дополнительные ресурсы были как раз необходимы для усиления военной организации.

Таким образом, взаимоотношения Руси с иноплеменной периферией необходимо отнести к числу наиболее важных явлений эпохи Ярослава Мудрого. Именно в это время можно обнаружить усиление внешней экспансии Руси на смежные территории, что было обусловлено растущими потребностями государства в материальных ресурсах для реализации многоплановой и широкой деятельности киевского князя. Подчинение периферийных племен с целью взимания дани (возможно, выполнения и других обязательств)

предполагало осуществление ряда мероприятий, призванных обеспечить стабильность и регулярность выплат. В то же время княжеские «чиновники» не вмешивались во внутреннюю жизнь периферийных «конфедератов», в частности, не ставится задача распространения в их среде христианства.

Список литературы

1. Арциховский, А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник / А. В. Арциховский. – Москва : МГУ, 1944. – 102 с.
2. Галицко-Волынская летопись : Текст. Комментарий. Исследование / сост. : Н. Ф. Котляр, В. Ю. Франчук, А. Г. Плахонин ; под ред. Н. Ф. Котляра. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2005. – 421, [1] с. : ил.
3. Данилова, Л. В. Сельская община в средневековой Руси / Л. В. Данилова. – Москва : Наука, 1994. – 318 с.
4. Зимин, А. А. Правда Русская / А. А. Зимин. – Москва : Древлехранилище, 1999. – 424 с.
5. Ипатьевская летопись : репринт. воспроизведение с изд. 1908 г. / ред. А. А. Шахматов. – 2-е изд. – Москва : Языки славянской культуры, 2001. – 648 с. – (Полное собрание русских летописей ; т. 2).
6. Кибинь, А. С. От Ятвязи до Литвы : русское пограничье с ятвягами и литвой в X–XIII веках / А. С. Кибинь. – Москва : Квадрига, 2014. – 272 с.
7. Кибинь, А. С. Ятвяги в X–XI вв. : «балтское племя» или «береговое братство»? / А. С. Кибинь // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. – 2008. – № 2 (4). – С. 117–131.
8. Котляр, Н. Ф. Древнерусская государственность / Н. Ф. Котляр. – Санкт-Петербург : Алетейя, 1998. – 445 с.
9. Лаврентьевская летопись : репринт. воспроизведение с изд. 1926–1928 гг. / ред. Е. Ф. Карский. – 2-е изд. – Москва : Языки славянской культуры, 2001. – 496 с. – (Полное собрание русских летописей ; т. 1).
10. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. – Москва : Языки русской культуры, 2000. – 288 с. – (Полное собрание русских летописей ; т. 9).

11. Мельникова, Е. А. Балтийская политика Ярослава Мудрого / Е. А. Мельникова // Ярослав Мудрый и его эпоха. – Москва : «Индрик», 2008. – С. 78–133.

12. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / ред. и предисл. А. Н. Насонова. – Москва ; Ленинград : АН СССР, 1950. – 641 с. : ил. – (Полное собрание русских летописей ; т. 3).

13. Новгородская четвертая летопись. Вып. 1 / Имп. Археографическая комиссия. – Петроград : Тип. М. А. Александрова, 1915. – 320 с. – (Полное собрание русских летописей ; т. 4, ч. 1).

14. Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского / подгот. текста О. Л. Новиковой. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 367 с. – (Полное собрание русских летописей ; т. 43).

15. Петрухин, В. Я. Древняя Русь : Народ. Князья. Религия / В. Я. Петрухин // Из истории русской культуры. В 5 т. Т. 1. Древняя Русь. – 2-е изд. – Москва : Языки русской культуры, 2000. – С. 11–400.

16. Повесть временных лет / под ред. В. П. Адриановой-Перетц. – 2-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург : Наука, 1996. – 668 с.

17. Правда Русская. Т. 1. Тексты / АН СССР, Ин-т истории ; общ. ред. Б. Д. Грекова. – Москва ; Ленинград : АН СССР, 1940. – 506 с.

18. Радзивилловская летопись / [отв. ред. Б. А. Рыбаков ; изд. подгот. М. Д. Приселков]. – Ленинград : Наука, 1989. – 178 с. – (Полное собрание русских летописей ; т. 38).

19. Свердлов, М. Б. Домонгольская Русь : князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в. / М. Б. Свердлов. – Санкт-Петербург : Академический проект, 2003. – 736 с.

20. Слово о погибели Русской земли // Библиотека литературы Древней Руси / РАН, ИРЛИ ; под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеява, Н. В. Поньрко. – Санкт-Петербург : Наука, 1997. – Т. 5 : XIII век. – С. 80–81.

21. Софийская первая летопись. Вып. 1 / Гос. археографическая комиссия РАН. – 2-е изд. – Ленинград : РАН, 1925. – 240 с. – (Полное собрание русских летописей ; т. 5).

22. Темушев, С. Н. Менское княжество и литва в XII – начале XIII в. : интерпретация летописных известий / С. Н. Темушев // Мінск і мінчане : дзесяць стагоддзяў гісторыі. Крыніцы па гісторыі горада.

Сацыяльныя структуры і паўсядзённасць : (да 945-годдзя Мінска) : зб. навук. арт. – Мінск : Беларус. навука, 2012. – С. 20–49.

23. Темушев, С. Н. Налоги и дань в Древней Руси / С. Н. Темушев. – Минск : БГУ, 2015. – 279 с.

24. Финно-угры и балты в эпоху средневековья / отв. ред. В. В. Седов. – Москва : Наука, 1987. – 510 с.

25. Фроянов, И. Я. Древняя Русь : опыт исследования истории социальной и политической борьбы / И. Я. Фроянов. – Москва ; Санкт-Петербург : «Златоуст», 1995. – 703 с.

26. Фроянов, И. Я. Рабство и данничество у восточных славян / И. Я. Фроянов. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский ун-т, 1996. – 512 с.

27. Черепнин, Л. В. Общественно-политические отношения в древней Руси и Русская Правда / Л. В. Черепнин // Древнерусское государство и его международное значение. – Москва : Наука, 1965. – С. 128–278.

28. Шахматов, А. А. Разыскания о русских летописях / А. А. Шахматов. – Москва : Академический Проект ; Жуковский : Кучково поле, 2001. – 880 с.

29. Янин, В. Л. Новгородские грамоты на бересте : из раскопок 1997–2000 годов / В. Л. Янин, А. А. Зализняк, А. А. Гиппиус. – Москва : Русские словари, 2004. – Т. 11. – 288 с.

30. Tyszkiewicz, J. Jaćwież wczesnośredniowieczna. Pomędzy Niemnem, Biebrzą i Góldapią, czyli przeciw legendom / Jan Tyszkiewicz // Świat pogranicza. – Warszawa : Wydawnictwo DIG, 2003. – S. 57–65.

СВЯТАЯ РАВНОАПОСТОЛЬНАЯ КНЯГИНЯ ОЛЬГА КАК ПЕРВАЯ РУССКАЯ ПАЛОМНИЦА

В статье рассматривается один из аспектов пребывания княгини Ольги в Царьграде – ее паломничество к христианским святыням. Автор описывает состояние главных храмов города в этот период и делает попытку исторической реконструкции паломнического маршрута архонтиссы.

Ключевые слова: княгиня Ольга, паломничество, Константинополь, Царьград, храм, святыня.

В 1999 г. по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II в Москве был образован Паломнический центр Московского патриархата, при котором действует домовый храм во имя кн. Ольги, освященный в 2003 г. Такое посвящение храма, конечно, не случайно. Как известно, кн. Ольга была первой русской правительницей, прибывшей в Царьград с мирным дипломатическим визитом, и пробыла в нем около 4 месяцев. О причинах столь долгого пребывания русского посольства ведутся споры: было ли это связано с крещением княгини, или с переговорами об особом церемониале ее принятия при дворе василевса, либо с вопросами династического брака, например, сына Святослова с кем-то из родственниц императора. Но, несомненно, длительность пребывания способствовала знакомству архонтиссы со столицей Ромейского царства. Когда кн. Ольга впервые вступила на землю Царьграда ищущей Истину язычницей, ее сердце не могло остаться равнодушным к величию христианских памятников и святынь. Такой красоты и благолепия не знали языческие капища современного ей Киева. И поклонение языческим богам не могло сравниться с красотой Божественной Литургии в христианском храме. Как повествуется в ее Житии, «Ольга захотела сама сходить к грекам, чтобы своими глазами посмотреть на службу христианскую и

вполне убедиться в их учении об истинном Боге» [3]. Итак, какой же город предстал перед кн. Ольгой, когда она сошла на берег с мостков русской ладьи?

Константинополь, основанный Константином Великим на берегу Босфора на месте города Византия в 330 г., поражал путешественников красотой и величием: широкие центральные улицы, большие площади, украшенные колоннами и статуями, громадный дворец императора и роскошные дома вельмож, триумфальные арки, ипподром. К сожалению, неумолимое время, войны, пожары и захват города турками в 1453 г. не пощадили красоты Второго Рима, и его христианские памятники ныне пребывают в разоренном и оскверненном состоянии. Вместе с тем за причудливым узором турецкого ковра и сегодня можно разглядеть царственную красоту Константинополя, и пытливый ум современного паломника, идущего вслед за кн. Ольгой по улицам Царьграда, не может не созерцать величие древней столицы Греческого царства.

Вполне вероятно, что одним из первых храмов, которые посетила русская княгиня, был собор св. Софии – его огромный даже по современным представлениям купол виден уже при приближении к городу с моря. Это был центр христианского мира и вселенского православия. Великой церковью называли ее греки [5]. Описания этого храма широко известны, реставрируемые мозаики давно и детально изучаются специалистами. Интересно отметить, что внешний облик собора – величественный, грандиозный, напоминающий нерушимую крепость – резко контрастирует с его интерьером – легким, воздушным, парящим, как внешнее и внутреннее в духовном мире христианина, где за внешней грубоватостью и суровостью часто скрывается любящая душа, сочувствующая и сопереживающая. Считается, что именно в этом храме (в баптистерии) приняла крещение кн. Ольга.

«Малая модель» Софийского собора, крошечная византийская церковь свв. Сергия и Вакха (527–536), была построена рядом с императорским дворцом теми же мастерами, что и «большая София». Она была как бы репетицией, пробой сил, в ней в миниатюре отрабатывались некоторые композиционные принципы, вошедшие затем в большой храм. Во времена кн. Ольги здесь находился

комплекс церквей – свв. Сергия и Вакха и апп. Петра и Павла, а также небольшой монастырь, в котором хранились главы муч. Сергия и Вакха, их мечи и одежда.

Посещая храм св. Софии, кн. Ольга вряд ли обошла своим вниманием расположенную поблизости церковь св. Ирины, весьма знаменитую в истории христианства: именно здесь в 381 г. проходил II Вселенский собор, принявший вторую часть Никео-Цареградского Символа веры, дав определение Божественности Святого Духа.

Какие святыни хранились в храмах св. Софии и св. Ирины, которым могла поклониться кн. Ольга, точно неизвестно: нашествие крестоносцев в 1204 г. привело к разграблению и гибели многих христианских реликвий. Но сохранились свидетельства о том, какие святыни хранились в другом, столь же грандиозном, как Софийский, храме св. Апостолов, и туда, конечно, не могла не зайти наша первая паломница.

Базилика св. Апостолов была заложена еще Константином Великим в некотором отдалении от дворца, как главный храм Константинополя. Там император предполагал поместить мощи всех 12 апостолов. Закончил строительство его сын Констанций II, положивший начало традиции захоронения в храмах христианских императоров: здесь в мраморном саркофаге были помещены мощи его отца. По свидетельству Евсевия Кесарийского, высокий храм со всех сторон был окружен притворами, его стены выложены мрамором, а купол позолочен [2, гл. 58–60]. Вплоть до нашествия турок этот собор оставался вторым по значимости храмом Константинополя. В нем находился фрагмент колонны, к которой был привязан Спаситель во время бичевания, покоились мощи св. Андрея Первозванного, ев. Луки, ученика ап. Павла св. Тимофея, глава ап. Матфея, мощи свт. Иоанна Златоуста и Григория Назианзина (Богослова), а также были погребены императоры новой столицы.

К храму вела улица Святых Апостолов, на которой тоже стояло несколько церквей, в том числе свв. Лаврентия и Стефана Первомученика. Церковь сооружена в начале V в. блгв. Пульхерией, сестрой императора Феодосия II, около 439 г. в нее были перенесены из Иерусалима мощи св. Стефана. Православная Церковь празднует это событие 2 (15) августа.

Недалеко от храма св. Апостолов находилась большая и красивая церковь мч. Полиевкта, сооруженная в 527 г., и где хранилась его глава. Расположенная на полпути между бухтой Золотой Рог и Мраморным морем эта церковь была весьма доступна кн. Ольге для посещения, ведь ее корабли стояли в порту бухты. Тем более что декоративное убранство храма было созвучно ее духовным поискам: центральное место над главным входом занимала мозаика с изображением крещения императора Константина [6].

В духовных поисках Истины святая княгиня Ольга не могла пройти мимо Студийского монастыря – самого значительного монастыря Царьграда. От храма св. Полиевкта до этой обители, располагавшейся в квартале Псамафия на берегу Мраморного моря, – не более получаса пешей прогулки. С 465 г. в нем подвизалась община неусыпающих (акимитов), для которой был характерен строгий устав и непрерывная (посменная) служба. При игумене Феодоре Студите (759–826) был разработан устав общежительной монашеской жизни, принятый затем на Афоне и известный как Студийский; он же впоследствии лег в основание духовной жизни монахов Киево-Печерской лавры. При этом монастыре находилась самая древняя из ныне сохранившихся византийских церквей Константинополя – базилика Иоанна Крестителя, построенная в 454–463 гг. и ныне находящаяся в полуразрушенном состоянии. Храм был одной из главных святынь города; хотя в нем и не было многочисленных реликвий, но с начала X в. здесь пребывали части главы и десницы св. Иоанна Предтечи и его отца св. Захарии. Кн. Ольга имела возможность им поклониться; с начала X в. до 1204 г. эти реликвии глубоко почитались византийскими императорами, которые ежегодно в день Усекновения главы Иоанна Предтечи посещали обитель. Праздник приходится на 29 августа по ст. ст. – судя по времени пребывания в Царьграде русского посольства, в это время кн. Ольга находилась в городе и могла увидеть эту торжественную церемонию еще до своего первого официального приема в императорском дворце 9 сентября.

Одной из самых известных в Царьграде уже в X в. была церковь во имя чудотворной иконы Божией Матери «Живоносный

Источник». Во времена кн. Ольги это был внушительных размеров храм, в котором, в частности, исцелилась от бесплодия царица Зоя – мать Константина Багрянородного, в правление которого русская княгиня находилась в городе.

Другой знаменитый святой источник находился во Влахернском храме, расположенном на берегу бухты Золотой Рог, примерно, в 6 километрах как от Живоносного Источника, так и от Студийского монастыря, если следовать вдоль сухопутных городских стен, сооруженных императором Феодосием (346–395), от берега Мраморного моря к бухте. В этом храме хранились величайшие христианские святыни – часть Древа Креста Господня, Риза, Пояс и Посох Пресвятой Богородицы. В 944 г., незадолго до посещения Константинополя кн. Ольгой, реликвии храма были пополнены привезенными из Эдессы Нерукотворным образом Спасителя и письмом Христа к царю Авгарю. Эти святыни затем были перенесены в Софийский собор и церковь Богородицы Фара (в Большом императорском дворце) [1].

Много раз Богоматерь через свои святыни спасала Константинополь от врагов, как бы покрывая его своей Ризой, в частности, летом 860 г., когда русский флот киевских кн. Аскольда и Дира начал его осаду. Разразилась буря, которая заставила русских отступить. Был заключен мирный договор, а Аскольд принял крещение с именем Николай. Договор предусматривал создание на Руси епископии. Вскоре Киев принял греческого епископа, и произошло крещение киевлян (в историографии за этим событием закрепился термин «первое крещение» Руси). Последовавшая затем языческая реакция в период правления кн. Олега привела к уничтожению зачатков христианства на киевской земле, Аскольд и Дир были убиты, но Аскольдова могила на берегу Днепра издревле почиталась киевлянами. Русская княгиня не могла не знать этой истории, т.к. Олег был близок к ее мужу Игорю. Неслучайно кн. Ольга, вернувшись на Русь, для молитвенного поминания убиенных и христианского покаяния «в Киеве первую от себе Церковь святого Николая на Оскольдовой могиле постави» [4]. В ней первоначально она и была погребена.

Влахернский храм в Константинополе известен также видением блаженного Андрея Юродивого, которое стало основой для

возникновения в Русской Церкви праздника Покрова Божией Матери, учрежденного в 1164 г. кн. Андреем Боголюбским.

Недалеко от бухты Золотой Рог, где стояли русские ладьи, находилась церковь свт. Николая, воздвигнутая в правление императора Юстиниана. Моряки издревле почитали своего небесного покровителя. Возможно, и наша соотечественница-паломница, отправляясь в обратный путь в Землю Русскую, молилась Угоднику Божию о благополучном завершении путешествия и возвращении к своим родным – сыну Святославу и внукам Владимиру, Олегу и Ярополку.

Совершив это мысленное путешествие, мы кратко упомянули лишь небольшую часть христианских святынь Константинополя, которые могла посетить первая русская паломница.

Список литературы

1. Влахерны [Электронный ресурс] // Православная энциклопедия. Т. 9. – URL : <http://www.pravenc.ru/text/155035.html>.

2. Евсевий Памфил. Жизнь блаженного василевса Константина / Евсевий Памфил ; пер. СПбДА под ред. А. А. Калинина. – Москва : Labarum, 1998. – 352 с.

3. Житие святой равноапостольной княгини Ольги, во святом крещении Елены [Электронный ресурс] // Русские святые. – URL : http://www.saints.ru/o/olga_knyaginya.htm.

4. О походе Ольги к Цариграду и о крещении ея [Электронный ресурс] // Мечта о русском единстве. Киевский синопсис (1674) / предисл. и подгот. текста О. Я. Сапожникова и И. Ю. Сапожниковой. – Москва : Европа, 2006. – 239, [2] с. – URL : https://www.e-reading.club/chapter.php/88887/37/Sapozhnikov%2C_Sapozhnikova_-_Mechta_o_russkom_edinstve._Kievskiii_sinopsis_%281674%29.html.

5. Котлерев, Ф., диакон. Святая София : Великая Церковь [Электронный ресурс] / диакон Федор Котлерев // Нескучный сад : журнал о православной жизни. – 2008. – № 4. – URL : <http://www.nsad.ru/articles/velikaya-cerkov>.

6. Церковь св. Поливкта в Константинополе и ее декоративная программа [Электронный ресурс] // ModernRel.Ru : современный взгляд на религию. – URL : <http://www.modernrel.ru/moderns-608-1.html>.

ГОРОД ЮРЬЕВ – СРЕДНЕВЕКОВАЯ ИСТОРИЯ

В докладе рассматриваются вопросы датировки, отражения в источниках и историографии основанного Ярославом Мудрым в 1030 г. древнерусского города Юрьева, который, согласно эстонским археологическим данным, просуществовал достаточно короткий срок – 31 год, в отличие от ранее бытовавших представлений, доводивших его историю до начала XIII в.

Ключевые слова: Юрьев, Тарту, Прибалтика, Киевская Русь, Ярослав Мудрый, эсты, средние века.

«Повесть Временных лет» сообщает, что в 1030 г. «Ярослав ходил на чудь, и победил их, и поставил город Юрьев» [6, с. 301]. Данное упоминание в письменных источниках – первое, очень важно. Основание произошло на берегу р. Эмайыги (Омовжа, Эмбах), на месте городища Тарбату в Унгавнии, области в юго-восточной Эстонии. Это открывало широкие геополитические возможности для Древней Руси на северо-западе: безопасным становился путь в Псков, и можно было выйти к Балтийскому морю. Примечательно, что в «Повести временных лет» ранее не зафиксировано записей ни о каком конфликте чуди и славян.

После смерти Ярослава вспыхнуло восстание в 1060–1061 гг. В Новгородской первой летописи младшего извода сказано следующее: Изяслав обложил сслов данью в 2000 гривен, непокорные племена изгнали сборщиков и весной сожгли Юрьев, «много зла сотворили», воевали, дойдя до Пскова. Против них выступили новгородцы и псковичи, была битва, в которой пало 1000 русов, а сслов бесчисленное количество [4, с. 183]. В Новгородской Карамзинской, Софийской первой летописи по списку И. Н. Царского, Тверском сборнике присутствует аналогичная информация [9, с. 66 ; 8, с. 47 ; 7, с. 153].

Летописными известиями об основании города и его сожжении пользовался в XVIII в. еще В. Н. Татищев: в 1030 г. «Ярослав ходил в

Ливонию на учинивших противность, и, наказав довольно, построил град во свое имя Юрьев, и велел во оной от всея земли дань приносить». В 1060 г. «ходил Изяслав на ссолы и велел им дань давать по 2000 гривен от всея земли. Они же, хотя обещали, но, когда войска ушли, воспротивились и вирников (сборщиков) изяславских выгнали. А на весну, около Юрьева, 22 апреля пришли, повоевали псковские пределы, много зла сотворя, села пожгли до самого Пскова. Псковичи же и новгородцы, выйдя против них, учинили бой жестокий, на котором русских побито до 1000, а ссол без числа» [12, с. 77, 82].

Ввиду скудности источников последующие авторы до второй половины XX в. повторяли данный материал, как правило, рассказывая о 1030 и 1060–1061 гг. Это касалось дореволюционных работ Е. В. Чешихина и Л. А. Арбузова, посвященных истории Ливонии [15, с. 24–25 ; 1, с. 8]. В последовавшей литературе концепция о «донемецких» городах в Восточной Прибалтике начала развиваться с 1930-х гг. Но особенно важное политическое значение проблема приобрела в 1950-х гг., когда шла послевоенная советизация здешних республик. В «Истории Эстонской ССР» подчеркивалось, что для более прочного объединения с Киевской Русью Ярослав Мудрый в 1030 г. предпринял поход на эстонские земли и заложил крепость Юрьев на месте Тартусского городища. Это, по словам составителей, способствовало дальнейшему укреплению экономических и культурных связей эстонцев с русскими, что укладывалось в концепцию дружбы народов [3, с. 31].

Наиболее крупные археологические раскопки и исследования в Тарту советского периода велись в 1960-е – 1980-е гг. В. Труммал пришла к заключению, что Ярослав в 1030 г. действительно не основывал Тарту, а поставил Юрьев там, где было древнее городище. Результаты изучения третьего строительного горизонта свидетельствовали, что все постройки и защитные сооружения погибли от пожара 1061 г., от них сохранились только обугленные останки и толстый слой золы и угля. Найденные черепки гончарной посуды были аналогичны новгородской керамике конца X – первой половины XI вв., которая нигде на других городищах и могильниках Эстонии не встречалась. Это являлось весьма существенным

признаком связи местного населения со славянскими ремесленниками, купцами и поселенцами. Железные наконечники стрел сопоставимы с древнерусскими, в особенности из дружинных курганов, похожие были обнаружены в местах Отепя и Варбола, где в XI и XII вв. происходили столкновения с русскими княжескими войсками. Среди других находок: пряслице из розового шифера, ряд витых бронзовых браслетов, возможно, 2 гребня из кости, некоторые ключи и замки киевского типа, несколько остатков красных глиняных амфор домонгольской эпохи, по-видимому южнорусского происхождения. Недалеко от пригорода, в заречье, найдена монета XI в. с изображением Георгия Победоносца [14, с. 267–271].

В 1980 г. вышла отдельная монография, посвященная истории Тарту [10]. Советская историография в 1980-х гг. пришла к выводу, что на практике понятия «древнерусский город X–XIII вв.» и «центр развитого ремесла и торговли» превратились почти в синонимы, так как обнаружить явные следы существования особых городских общин не позволяет состояние источников. По материалам раскопок и сведениям летописей тогда утвердилось представление о типичной социально-топографической структуре: детинец и посад. Но лишь детальный анализ археологических и письменных данных самых различных памятников, с последующим сравнением полученных результатов, может выявить признаки, характерные для того или иного укрепленного поселения [2, с. 44]. Расхождения в определениях и многофункциональность (экономическая, социальная, культурная, административная, военная) слишком затрудняют какую-либо унификацию термина. Никто не знает, что именно в слово «город» вкладывали сами жители Древней Руси. Поэтому все зависит от конкретной интерпретации, требующей научных доказательств и методологии.

Идеологические установки ушли в прошлое с распадом СССР. Современные потребности ставят задачу исследовать историю Юрьева (Тарту) не как часть того или иного государства (Киевской Руси), а в рамках регионоведения, как населенного пункта, который находился на пересечении международных торговых путей и был территорией, где сталкивались интересы разных стран. Интерес

представляют взаимоотношения эстов с их соседями (новгородцами, латгалами, ливами, литовцами, финнами) в XI–XIII вв., до немецкого завоевания, которое уже достаточно хорошо изучено [5].

В результате изучения раскопок в Тарту (1956–2000-е) археолог А. Тваури показал, что все находки «донемецкого» периода следует связывать с русским торгово-ремесленным поселением Юрьев (1030–1061), а в XII в. здесь находилось только эстонское укрепление на горе Тоомеяги (Domberg). Ярослав совершал свой поход, имея за собой надежный тыл – Псков, и события 1030-х гг. в археологическом смысле идентичны. На городище лежал пласт, содержащий много керамики новгородского и псковского типов, кроме того, там нашли шиферное пряслице, что типично для древнерусских городов. Особенно важными находками были 2 наконечника стрел скандинавского типа, которые, предположительно, относятся к дружине Ярослава Мудрого. Другой близлежащий слой сохранил, в числе прочего, фрагмент бронзового амулета-топорика и каменный крестик, сделанный из овручского шифера. В Эстонии такие артефакты известны только в Тарту. Установлено, что после 1061 г. Юрьев не был отстроен. На городище и поселении нет находок, которые можно датировать концом XI или XII вв. [13, с. 240–241, 243].

В XXI в., несмотря на перемены, налицо несогласованность терминологии: если для прибалтийско-немецкой медиевистики средневековым городом называется место, где введено городское право, то «древнерусский город» более аморфное понятие. Проблема в трактовках. Так, крепость и поселение Юрьев (Тарбату, Тарту) в XI в. был городом в древнерусском смысле, но вряд ли получится назвать его *stadt* в контексте истории Германии XII–XIII вв. Кроме того, в исторических исследованиях Эстонии и Латвии существуют разногласия в употреблении понятий «город» и «протогород» [11].

Славяне в XI в. пытались покорить эстов, однако, после первоначальных успехов Ярослава Мудрого и Изяслава Ярославича, это привело к восстанию и изгнанию Руси из юго-восточной Эстонии. Дальнейшие походы новгородцев в 1134 и 1191–1192 гг. не привели к серьезным последствиям – сбор дани с племен являлся обычным

делом. Никаких археологических следов о заселении сгоревшего Юрьева в этот период не обнаружено. В дошедших до нас летописях, имевших существенные погрешности, ввиду многочисленных редакций и переработок на протяжении столетий, город продолжал существовать, пока в XIII в., во время наступления Ордена меченосцев в Прибалтике, он пал и был построен Дерпт (Дорпат).

Промежуток 1893–1919 гг., когда Дерпт стал называться Юрьев, был следствием русификации Прибалтики при Александре III и Николае II, городу оказалось присвоено древнерусское наименование, хотя он таковым не являлся. Революция 1917 г. и Гражданская война все изменили. После образования Эстонской Республики, потом вхождения в состав СССР, а затем получения независимости с 1991 г. всегда оставалось только одно название – Тарту.

После истории с переносом «Бронзового солдата» в 2007 г. отношения между Россией и Эстонией оказались заморожены, а период санкций и контрсанкций с 2014 г. развитию культурных и научных контактов не способствует. Аналогичная ситуация наблюдается с Польшей и Украиной, где находятся остальные города, основанные Ярославом Мудрым – Ярб́слав и Белая Церковь (Юрьев). Вряд ли они, как и Тарту, будут когда-нибудь побратимы с Ярославлем на Волге.

Список литературы

1. Арбузов, Л. А. Очерк истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии / Л. А. Арбузов ; пер с нем. 3-го изд. В. Бук. – Санкт-Петербург : Тип. М. М. Стасюлевича, 1912. – 296 с.
2. Древняя Русь. Город, замок, село / Г. В. Борисевич, В. П. Даркевич, А. Н. Кирпичников [и др.] ; отв. ред. Б. А. Колчин. – Москва : Наука, 1985. – 431 с.
3. История Эстонской ССР (с древнейших времен до наших дней) / под ред. Г. И. Наана. – Таллинн : Эстонское гос. изд-во, 1952. – 554 с.
4. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. – Москва ; Ленинград : АН СССР, 1950. – 640 с.

5. Пилипчук, Я. В. Эсты и их соседи. Международные отношения в Балтийском регионе (XI–XIII вв.) [Электронный ресурс] / Я. В. Пилипчук // *Valla* : историко-филологический журнал европейских исследований. – 2016. – № 2 (6). – URL : <http://vallajournal.com/journal/index.php/valla/article/view/81/80>.

6. Повесть временных лет. Ч. 1. Текст и перевод / подгот. текста Д. С. Лихачева ; пер. Д. С. Лихачева и Б. А. Романова ; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. – Москва ; Ленинград : АН СССР, 1950. – 405 с.

7. Полное собрание русских летописей. Т. 15. Рогожский летописец. Тверской сборник. – Москва : Языки русской культуры, 2000. – 432 с.

8. Полное собрание русских летописей. Т. 39. Софийская первая летопись по списку И. Н. Царского. – Москва : Наука, 1994. – 208 с.

9. Полное собрание русских летописей. Т. 42. Новгородская Карамзинская летопись. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2002. – 224 с.

10. Пуллат, Р. Н. История города Тарту / Р. Н. Пуллат. – Таллинн : Ээсти раамат, 1980. – 109 с.

11. Селарт, А. Начало городской жизни в средневековой Ливонии и Руси [Электронный ресурс] / А. Селарт. – URL : <http://amberbridge.artinfo.ru/Arkhang/04.pdf>.

12. Татищев, В. Н. Собрание сочинений. В 8 т. Т. 2–3. История Российская. Ч. 2. / В. Н. Татищев ; [редкол. : С. Н. Валк, М. Н. Тихомиров]. – Москва : Ладомир, 1995. – 688 с.

13. Тваури, А. Следы города Юрьева с 1030 по 1061 г. в культурном слое нынешнего Тарту / А. Тваури // Псков в российской и европейской истории (к 1100-летию первого летописного упоминания) : Международная научная конференция. В 2 т. Т. 1 / отв. ред. В. В. Седов. – Москва : МГУП, 2003. – С. 240–244.

14. Труммал, В. К. Археологические раскопки в Тарту и поход князя Ярослава в 1030 г. / В. К. Труммал // Советская археология. – 1971. – № 2. – С. 265–271.

15. Чешихин, Е. В. История Ливонии с древнейших времен. Т. 1 / Е. В. Чешихин. – Рига : Типо-литография А. И. Липинского, 1884. – 394 с.

ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОБЫТИЙ 1170 ГОДА

Рассматриваются различные аспекты событий 1170 г., описанных в легенде о «Чуде иконы Богоматерь Знамение», в летописях и литературных произведениях. Битва новгородцев с суздальцами явилась одним из самых ярких и необычных, даже судьбоносных событий русского средневековья. В статье анализируются источники по данной теме и выявляются семантические аспекты, важные как для понимания смысла произошедшего, так и для понимания жизни и чаяний жителей средневековой Руси.

Ключевые слова: эсхатология, конец света, Второе Пришествие Христа, князь Андрей Боголюбский, битва новгородцев с суздальцами, икона «Богоматерь Знамения», икона «Чудо от иконы Богоматерь Знамения. Битва новгородцев с суздальцами», Великий Новгород.

В феврале 1170 г. объединенные силы нескольких русских княжеств под предводительством Мстислава, сына Андрея Боголюбского, пошли походом на Новгород. После трехдневной осады города, 25 февраля, произошло сражение, окончившееся полным поражением суздальских войск [2, с. 96]. На месте сражения в XIV в. был основан Десятинный монастырь [11, с. 251–254].

«Слово о знамении святыя Богородица в лето 6677-е» рассказывает [7, с. 112–113 ; 22, с. 347–351] о конфликте Новгорода и Андрея Боголюбского. Суздальцы осадили Новгород, новгородскому владыке Иоанну был глас, указавший на икону Богородицы. Ее выставили на стены острога, и в нее попали стрелы суздальцев, Богородица отвернулась от суздальцев, и из ее глаз потекли слезы... «Не суть бо слезы, но являеть знамение своя милости... Тогда господь Богъ нашъ... пусти гневъ свои на вся полкы руския и покры ихъ тма, яко же бысть при Моисеи, егда бо проведе Богъ сквозе Чермьное море жиды, а фараона погрузи. Тако и на сихъ нападе трепеть и ужась, и ослепоша вси, и начаша ся бити межи собою...» [20, с. 448–453].

Чтобы понять смысл события, необходимо обозначить участников. Часто князь Андрей упоминается как угодивший Богу благочестием, заботами о бедных и больных, как мудрый руководитель [4]. Но почему святой князь является врагом святости Новгорода? Были и экономические, и политические причины разногласий между Новгородом и князем. Но полностью понять средневековое событие, тем более такое знаковое, можно лишь с помощью семантических методов.

Андрей стал великим князем киевским в 1157 г. Он расправился с родственниками и отцовской дружиной. В 1162 г. объявил столицей Владимир. Одновременно принял титул «царя и великого князя» и назвал себя «самовластцем». В 1169 г. Андрей практически уничтожил Киев [13, с. 80–81 ; 16, с. 393–398].

Необычна смерть князя [6, с. 85–85]. В «Повести об убиении Андрея Боголюбского» [15, с. 324–337 ; 21, с. 365–367] главарь убийц Петр Кучкович отсекает правую руку князя. Однако при изучении останков в 1934 г. выяснилось, что правая рука вообще не пострадала, а иссечена левая. И автор «Повести», несомненно, знал, какая рука отрублена. На миниатюре, иллюстрирующей рассказ о смерти Андрея Юрьевича, изображена женщина, стоящая возле лежащего князя и держащая отрубленную левую руку, а не правую. Почему же упоминается правая рука?

В Евангелии от Матфея сказано: «И если правая твоя рука соблазняет тебя, отсеки ее и брось от себя» (5:30). Апокалипсис поясняет: людям, поклоняющимся Антихристу «положено будет начертание на правую руку» с именем «зверя» или числом имени его (Откровение 13:16). При этом описание самого «зверя» весьма примечательно. Оно очень близко к описанию в летописи самого Андрея. Завершается описание «зверя» словами: «Кто мечем убивает, тому самому надлежит быть убиту мечем» (Откровение 13:10).

В итоге отсечение у князя Андрея по «Повести» именно правой руки может вполне рассматриваться как осуждение его, если не как самого Антихриста, то, во всяком случае, как его слуги. Но мученический конец искупил его грехи. Князь с раскаянием принимает свою гибель и просит Бога о милости прощения [15, с. 330–332].

Искреннее раскаяние князя объясняет его канонизацию (он стал «как агнец непорочный»). Этот текст напоминает по своему назидательному смыслу (раскаяние преступника и Божье прощение) библейскую притчу про благоразумного разбойника.

Но одновременно с этим усилением самовластья великого князя в летописях видно постоянно увеличивавшееся влияние владыки и церкви на практически все стороны общественно-политической и культурной жизни Новгорода. С 1165 г. новгородские владыки официально становятся архиепископами.

Во второй половине XII в. на территории Руси складываются два центра с прямо противоположными общественно-политическими устремлениями: деспотия и государство с определяющим церковным влиянием.

Это противостояние отразилось в символе этой борьбы – иконе Богоматерь Знамение [25, с. 33–34 ; 24, с. 89–99]. Образ Богоматерь Знамение – это сочетание двух изображений Богоматери: Оранты (молящаяся) и Никопея (дарующая победу). Богоматерь Никопея – изображение Богородицы, держащей перед собой изображение Спаса Иммануила. Военный аспект почитания образа Богоматери был в XII в. на Руси известен. Образ Оранты с Христом Эммануилом – это защита и покровительство Церкви и церковной организации.

Семантический образ Новгорода второй половины XII в. сливается с семантикой иконы Богоматерь Знамение. Богородица является защитницей, щитом Новгорода. Все стрелы летят именно в икону, которая фактически выступает символом Новгорода. В Тропаре иконе «Богоматерь Знамение» Богородица показана как необоримая стена и источник чудес в граде Божьем.

В XV в. в Новгороде формируется образ «Чудо от иконы Богоматерь Знамение (Битва новгородцев с суздальцами)». Известны три варианта иконы [26, с. 83–86, 98–101, 150–154, 217–220, 229–230]: икона в коллекции Новгородского музея-заповедника (середина – вторая половина XV в.), икона в коллекции Третьяковской галереи (XV в.) и икона в коллекции Русского музея (начало XVI в.).

Наиболее семантически выразительна икона Новгородского музея-заповедника [25, с. 54 ; 5, с. 308–315]. В верхней части иконы

мы видим и церковь Спаса, и Софийский собор, и образ Богородицы. Они составляют единое целое и непобедимое. Битва, как таковая, на иконе не играет определяющей роли, это образ битвы Правды и Зла, Божиих сил и Антихриста. Новгород демонстративно в «Слове о знамении» уподобляется Моисею, а Андрей – фараону. И тогда мы выходим на совершенно другой уровень понимания Чуда от иконы Богоматерь Знамение. Это не эпизод междоусобиц, а борьба с силами Антихриста. И не случайно, что именно в 1170 г. (точнее, под 1173 г. излагаются события 1170 г.) Новгород в древнерусском летописании стали называть Великим [17, стб. 361 ; 18, стб. 560]. Правда, в новгородских документах он официально именуется Великим только со второй половины XIV в. [1, с. 33]. Но это также укладывается в хронологическую логику почитания иконы.

Можно выстроить следующую схему развития почитания иконы Богоматерь Знамение:

1. В XII и XIII вв. существовали устные предания и почитание иконы, спасшей Новгород. О раннем почитании иконы свидетельствуют сохранившиеся фрагменты ее драгоценных украшений – резная камея XII в. и эмалевые образки XIII в. [3, с. 204]. Об этом же говорят и появившиеся в Новгороде в тот период фресковые изображения и иконы Богоматерь Знамение [3, с. 205].

2. В 1327 г. около места битвы была построена церковь Рождества Богородицы [11, с. 246]. В 1354–1355 гг. на Ильине улице, где была обретена икона, – церковь Знамения. Знаменская церковь была возведена сразу в камне [11, с. 246], что выделяет ее из ряда многих других церквей, строившихся вначале в дереве. В середине – второй половине XIV в. оформляется день празднования иконы Знамения 27 ноября. Несовпадение этой даты и даты победы над суздальцами (25 февраля) обоснованно объясняется близостью к месту битвы церкви Якова Перского. Яков Перский поминается именно 27 ноября, и место битвы в народной памяти связывается с ним. Возможно, и первый благодарственный молебен после битвы 1170 г. совершился в этой церкви [11, с. 245–255]. В 40–50-е гг. XIV в. возникает и первоначальный текст «Сказания о битве новгородцев с суздальцами». Косвенно определению времени

формирования первой редакции «Слова о Знамени» может служить упоминание в рассказе тьмы, покрывшей суздальцев. Лунного затмения (дело происходило вечером в феврале) не было 25 февраля 1170 г., но оно было 25 февраля 1355 г., и составитель, возможно, использовал эту впечатляющую деталь в своем рассказе. Если это так, то к 1355 г. можно отнести и формирование текста «Слова», и постройку церкви Знамени [11, с. 248]. Вписывается в эту картину и уже упоминавшееся именование именно со второй половины XIV в. Новгорода в официальных документах Великим.

3. В 30-е гг. XV в. «Воспоминание о Знамени» было составлено Пахомием Сербом, приглашенным владыкой Евфимием II. Одновременно с этим Пахомий написал церковную «Службу знамени» и «Слово похвальное знамени». Следующей редакцией «Сказания» был текст, включенный в состав Жития Иоанна Новгородского. В житийной редакции снимается новгородская направленность произведения, центр тяжести сюжета переместился в план общехристианской морали: осуждается вражда единоверных, Богородица помогает тем, кто уповал на ее милость, и карает тех, кто возгордился и пренебрег ее святым образом. Автор житийной редакции подчеркивает общерусский характер праздника в честь чуда. Тогда же появляются иконы, изображающие Чудо от иконы Богоматерь Знамение.

4. В XVI–XVII вв. создаются варианты «Сказания», и в текстах появляются миниатюры. В конце XVII в. вместо разобранной в 1682 г. Знаменской церкви строится Знаменский собор [19].

Четко прослеживаются этапы развития почитания иконы:

1. появление традиции почитания иконы в XII–XIII вв.;
2. в XIV в. возникает большое внимание к давним событиям и к местам, связанным с этими событиями;
3. в XV в. – почти взрывной интерес к смысловой наполненности событий 1170 г.

А вот дальше никакого радикального изменения в почитании иконы не происходит, только сохранение, поддержание и естественное его развитие. Почему же возрастает в XIV в. и резко усиливается в XV в. интерес к событиям далекого 1170 г.? Для понимания необходимо обратиться к Откровению Мефодия Патарского.

Откровение Мефодия Патарского [21, с. 283–295 ; 27, с. 314–315, 322–324] – переводное византийское эсхатологическое сочинение неизвестного автора (IV или VII в.). В средневековой традиции приписывалось епископу города Патара в Малой Азии Мефодию, жившему в III–IV вв. «Откровение» – краткий рассказ об истории мира от Адама до светопреставления, распределенный по тысячелетиям на семь периодов. Вторая половина «Откровения», в которой повествуется о седьмом тысячелетии (в ней освещаются события, которые будут предшествовать кончине мира и происходить в последний период его существования, царство антихриста, Второе Пришествие Христа, Страшный суд), привлекала к себе наибольшее внимание средневековых читателей. Об отношении к «Откровению» на Руси говорит факт весьма частого использования его в официальных текстах (например, в Повести временных лет под 1096 г., в Повести о битве на Калке и т.д.).

На Руси славянский перевод «Откровения» стал известен очень рано – не позже начала XII в. На русской почве, вероятно, в XV в., возникла оригинальная русская переработка «Откровения». В основу этой переработки лег старый славянский перевод, дополненный из других источников: библейского повествования о Гедоне, апокрифа о потопе, Сказания о царе Михаиле, сказаний об антихристе, «Жития Андрея Юродивого» [9, с. 137–146 ; 16, с. 391–393 ; 12].

7000-й год от сотворения мира – это 1492 г. от Рождества Христова. Именно в этом году предполагалось Второе Пришествие Христа [27, с. 329]. Особый практический интерес русского общества к вопросу о времени Второго Пришествия возникает в XIV–XV вв. Мысль о конце света в 7000 г. волнует людей своей близостью [27, с. 320]. В Житии Сергия Радонежского дважды говорится о «последних временах»: «Паче же ныне длѣжны есмы благодарити Бога о всем, еже дарова намъ такова старца свята... въ дни наша, въ последняя времена и лета» [10, с. 254]; «...сего Богъ проявилъ есть в последняя времена на скончание века и последнему роду нашему, сего Богъ прославилъ есть в Русской земли и на скончание седмыа тысяща...» [10, с. 402].

В Житии Стефана Пермского утверждается, что Господь помилосердствовал о народе пермском, послав ему просветителя Стефана на исходе седьмой тысячи лет [8, с. 103].

Митрополит Фотий (1410–1431), называя свое время последним, пишет: «Сей век маловременный... будем делать дела света, пока еще житие наше стоит». Феодосий, архиепископ Ростовский, в грамоте 1455 г. написал: «...яко же ныне прилучися седмая тысяща последнего ста 63-го лета». Т.е. до конца света осталось 37 лет. Особенно усилилось внимание к «Откровению» Мефодия Патарского после того, как сбылось одно из самых страшных пророчеств для православного человека – падение в 1453 г. Константинополя-Царьграда [27, с. 321].

В 1408 г. завершался Великий миротворный круг (или Великий индиктион) – это 532-летний период, по прошествии которого числа Пасхи повторяются. Необходимо было создать новую пасхалию. Однако в Русской церкви решили составить ее только на 84 года [27, с. 325]. Пасхалии и на Руси, и в Византии доводились только до 7000 г., а против последней даты на одной из рукописей было даже написано: «Зде страх! Зде скорбь!» [27, с. 306]. Тексты Мефодия Патарского включали в пасхалию на протяжении почти всего XV в. вплоть до 7000 (1491–1492) г. [27, с. 327].

И в такое страшное для христиан время в Новгороде появляется икона «Чудо от иконы Богоматерь Знамение», ставшая зримым воплощением тревог и надежд новгородцев.

Три регистра иконы – это рассказ. Верхняя часть – ожидание чуда, обретение святыни и обозначение Новгорода как богоспасаемого града (Спаситель, София Премудрость Божия и Богородица). Средняя часть – противопоставление Новгорода и суздальцев и обозначение позиций: Новгород с Богородицей, и суздальцы, стреляющие в икону. Нижняя часть – победа Божиих сил над силами Антихриста. Весьма характерно изображение стены, объединяющей среднюю и нижнюю части иконы. Это не отражение реальных укреплений Новгорода, это неодолимая стена и защита Богородицы. Не случайно именно на стену водружается икона.

В почитании в Новгороде чудотворной иконы XII в. «Богоматерь Знамение» отчетливо звучала тема защиты и покровительства, ассоциирующаяся с темой великой Влахернской святыни, ризы Богоматери, которая обороняет и защищает мир христианства [23, с. 297]. В Праздничной Минее XIV в., древнейшем тексте, который раскрывает характер новгородского почитания иконы, новгородский архиепископ Иоанн обращается к иконе с молитвой «заступнице граду нашему, стена и покровь и прибежище всимъ крестьяномъ» [20, с. 450]. Икона XV в. «Чудо от иконы Богоматерь Знамение (Битва новгородцев с суздальцами)» еще более четко и зримо обозначала позиции Правды и Зла, успокаивала новгородцев, напоминая, что в далеком 1170 г. Новгород выиграл битву с силами Антихриста, а, значит, им не надо бояться наступающего скоро конца света.

Список литературы

1. Андреев, В. Ф. Северный страж Руси / В. Ф. Андреев. – Ленинград : Лениздат, 1989. – 192 с.

2. Битва новгородцев с суздальцами 1170 // Великий Новгород : история и культура IX–XVII веков : энциклопедический словарь / Региональная общественная благотворительная орг. «Новгородский фонд культуры» [и др.] ; [отв. ред. В. Л. Янин]. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2009. – 551 с. : ил., портр.

3. Богоматерь Знамение. Апостол Петр и мученица Наталья // Великий Новгород : история и культура IX–XVII веков : энциклопедический словарь / Региональная общественная благотворительная орг. «Новгородский фонд культуры» [и др.] ; [отв. ред. В. Л. Янин]. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2009. – 551 с. : ил., портр.

4. Георгиевский, В. Святой благоверный великий князь Андрей Боголюбский : [его неопенимые заслуги для Русского государства и Православной церкви] / В. Т. Георгиевский. – Москва : Книга по требованию, 1999. – 107 с.

5. Гладышева, Е. В. Знамение Пресвятой Богородицы («Битва новгородцев с суздальцами») // Иконы Великого Новгорода XI – начала XVI веков / Е. В. Гладышева, Л. В. Нерсисян [и др.]. – Москва : Северный паломник, 2008. – 552 с. – (Сер. «Древнерусская живопись в музеях России»).

6. Данилевский, И. Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.) : курс лекций / И. Н. Данилевский. – Москва : Аспект-пресс, 2001. – 389 с.

7. Дмитриев, Л. А. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв. / Л. А. Дмитриев. – Ленинград : Наука, 1973. – 304 с.

8. Жизнеописания достопамятных людей земли Русской, X–XX вв. : [сборник / сост. С. С. Бычков]. – Москва : Московский рабочий, 1992. – 333, [1] с. : ил.

9. Жизнь и деяния св. отца нашего Андрея, юродивого Христа ради. – Санкт-Петербург : Изд-во Олега Абышко, 2007. – 320 с. – (Библиотека Христианской мысли).

10. Житие Сергия Радонежского / подгот. текста Д. М. Буланина // Библиотека литературы Древней Руси. В 20 т. Т. 6. XIV – середина XV века / под ред. Д. С. Лихачева. – Санкт-Петербург : Наука, 2005. – 584 с.

11. «Знаменская легенда» – пример идеологического противостояния Москвы и Новгорода в XIV в. // Янин, В. Л. Очерки истории средневекового Новгорода / В. Л. Янин. – Москва : Языки славянских культур, 2008. – 400 с.

12. Молдован, А. М. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности / А. М. Молдован. – Москва : Азбуковник, 2000. – 760 с.

13. Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 г. : энциклопедия. В 5 т. Том 1. А–Д / отв. ред. В. Л. Янин. – Москва : Большая российская энциклопедия, 1994. – 688 с.

14. Откровение Мефодия Патарского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. XI – первая половина XIV в. / АН СССР, ИРЛИ ; отв. ред. Д. С. Лихачев. – Ленинград : Наука, 1987. – 493 с.

15. Повесть об убиении Андрея Боголюбского // Памятники литературы Древней Руси : XII век / [сост. и общ. ред.

Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева]. – Москва : Художественная литература, 1980. – 704 с.

16. Православная энциклопедия / под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. – Москва : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2001. – Т. 2. – 751 с.

17. Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. – Москва : Языки русской культуры, 1997. – 496 с.

18. Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. – Москва : Языки русской культуры, 2001. – 648 с.

19. Секретарь, Л. А. Знаменский собор / Л. А. Секретарь, Т. Ю. Царевская ; Новгородский гос. объединенный музей-заповедник. – Великий Новгород ; Москва : Северный паломник, 2001. – 15 с. : ил.

20. Сказание о битве новгородцев с суздальцами // Памятники литературы Древней Руси : XIV – середина XV века / [сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева]. – Москва : Художественная литература, 1981. – 632 с.

21. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. XI – первая половина XIV в. / АН СССР, ИРЛИ ; отв. ред. Д. С. Лихачев. – Ленинград : Наука, 1987. – 493 с.

22. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Вторая половина XIV – XVI в. Ч. 2. Л–Я / АН СССР, ИРЛИ ; отв. ред. Д. С. Лихачев. – Ленинград : Наука, 1989. – 528 с.

23. Смирнова, Э. С. Новгородская икона «Богоматерь Знамение» : некоторые вопросы богородичной иконографии XII в. / Э. С. Смирнова // Древнерусское искусство : Балканы. Русь : [сб. статей] / [отв. ред. А. И. Комеч, О. Е. Этингhoff]. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1995. – 450, [1] с. : ил.

24. Смирнова, Э. С. Богоматерь Знамение. Богоотцы Иоаким и Анна (?) / Э. С. Смирнова // Иконы Великого Новгорода XI – начала XVI веков / Е. В. Гладышева, Л. В. Нерсисян [и др.]. – Москва : Северный паломник, 2008. – 552 с. – (Сер. «Древнерусская живопись в музеях России»).

25. Смирнова, Э. С. Иконы Новгорода XI–XV веков / Э. С. Смирнова // Иконы Великого Новгорода XI – начала XVI веков /

Е. В. Гладышева, Л. В. Нерсесян [и др.]. – Москва : Северный паломник, 2008. – 552 с. – (Сер. «Древнерусская живопись в музеях России»).

26. Смирнова, Э. С. Живопись Великого Новгорода, XV век / Э. С. Смирнова, В. К. Лаурина, Э. А. Гордиенко. – Москва : Наука, 1982. – 575 с. : ил. – (Центры художественной культуры средневековой Руси).

27. Юрганов, А. Л. Категории русской средневековой культуры / А. Л. Юрганов. – Москва : Мирос, 1998. – 468 с.

БИТВА НОВГОРОДЦЕВ С СУЗДАЛЬЦАМИ: ОСОБЕННОСТИ ПОДАЧИ СЛОЖНОГО ИСТОРИКО- КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА ДЛЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Рассматриваются различные аспекты событий 1170 г., описанных в легенде о «Чуде иконы Богоматерь Знамение», в летописях и литературных произведениях. Битва новгородцев с суздальцами – сложный для восприятия детьми историко-культурологический материал. Даются методические рекомендации и рассматриваются особенности подачи данной темы младшим школьникам на основе изобразительного материала из коллекции Новгородского музея (икона «Чудо от иконы Богоматерь Знамение. Битва новгородцев с суздальцами») и Новгородского Софийского собора (икона «Богоматерь Знамение»).

Ключевые слова: святитель Иоанн, Великий мост, битва новгородцев с суздальцами, бысть сеча и чудо велико, прочесть икону, о чем рассказала икона, икона-образ, особенности подачи сложного материала младшим школьникам.

Занятие для детей «И бысть сеча и чудо велико...» включено в программу абонемента «Мой город и я». Цель программы: приобщить детей к живой и красочной истории Новгорода. Задачи: дать детям представление о том, как мы узнаем о жизни людей в прошлом, познакомить с различными историческими источниками (археологическими, архитектурными, изобразительными, литературными, памятниками устного народного творчества).

На занятии «Бысть сеча и чудо велико» мы знакомим детей с произведениями древнерусской живописи как историческими источниками в Софийском соборе и в экспозиции «Древнерусское искусство». Главной иллюстрацией событий 1170 г. являются две иконы из собрания Новгородского музея-заповедника:

– Икона «Богоматерь Знамение». Новгород, XII в. Новгородский Софийский собор.

– Икона «Чудо от иконы Богоматерь Знамение (Битва новгородцев с суздальцами)». Великий Новгород, середина – вторая половина XV в. Происходит из церкви Николая Кочанова (первоначально, вероятно, из церкви Димитрия в Кожевниках).

План занятия:

1. Что такое икона – рассказ экскурсовода.

Икона – «образ», перед которым молились и просили о помощи новгородцы.

2. Иконостас Софийского собора (история создания, чины иконостаса, описание отдельных икон).

3. Легенда о битве новгородцев с суздальцами у иконы «Богоматерь Знамение» XII в. в Софийском соборе.

В житии святителя Иоанна, архиепископа Новгородского, говорится о том, что в 1170 г. Новгород осадили войска Владимиро-Суздальского князя Андрея Боголюбского. Святитель Иоанн трое суток провел в соборном храме, слезно моля о помощи. В ночь перед штурмом он услышал голос, повелевший ему идти в одну из церквей в торговой части Новгорода, взять оттуда икону Пресвятой Богородицы и вознести ее на городскую стену: «...иди в церковь иже есть на Ильине улице, и тамо взявши образ Богородицы, вознеси на стену града противу супостатов и тогда узриши спасение граду».

Наутро святитель рассказал клирикам кремлевского собора о повелении и послал архиерея за иконой. Войдя в указанную церковь Преображения на Ильине улице, архиерей, поклонившись, хотел взять икону, но не смог сдвинуть с места. Архиерей вернулся и рассказал о случившемся. Тогда святитель со всем собором сам пришел в Ильину церковь и на коленях стал молиться пред иконой Богородицы. Народ со слезами взывал: «Господи, помилуй!» Тогда святитель Иоанн взял икону и вместе с двумя диаконами понес ее на другую сторону реки Волхов в Кремль, а после молебна в Софийском соборе Кремля прикрепил икону на городскую стену.

Суздальцы выпустили тучи стрел, одна из них ударила в икону. Из очей Царицы Небесной закапали слезы, и икона повернулась

ликом к городу. Святитель Иоанн, с трепетом приняв слезы на свою фелонь, воскликнул: «Ты даешь нам знамение, что молишься пред Сыном твоим и Богом нашим об избавлении города!» Вдруг тьма, словно пепел, покрыла суздальцев, они начали слепнуть и убивать друг друга. В итоге суздальцы в смятении и страхе бежали от стен Великого Новгорода. Святитель Иоанн в честь этой победы установил торжественный праздник – Знамения Пресвятой Богородицы (празднование 10 декабря), а за иконой Пресвятой Богородицы, перед которой молились новгородцы, с тех пор закрепилось название – «Знамение» [2].

4. Технология иконописи: материалы (доска, паволока, левкас), краски (темпера), защитные покрытия (олифа, лак), оклад (оклад иконы «Петр и Павел» XI в.) [3].

5. Икона «Чудо от иконы Богоматерь Знамение (Битва новгородцев с суздальцами)» как памятник истории, рассказывающий о реальных событиях 1170 г.

Композиция иконы «Битва новгородцев с суздальцами. Чудо от иконы Богоматерь Знамение» XV в. делится на три регистра (части), в которых последовательно иллюстрируется повествование о чуде. В первом регистре действие разворачивается справа налево: на фоне церкви Преображения на Ильиной улице изображен святитель Иоанн с иконой Богородицы в руках. Икону по Великому мосту переносят через реку Волхов. У стен Детинца (Новгородского кремля) с Софийским собором внутри процессию с иконой встречают выходящие из ворот новгородцы.

Вторая и третья части объединены изображением слева крепостной стены, на которой укреплена икона Богородицы. В центре второго регистра представлена сцена переговоров послов враждующих сторон: новгородцев и суздальцев. В среднем ярусе запечатлены переговоры послов. Со стороны новгородцев выступают князь Роман, посадник Якун и воевода. От суздальцев – князь Мстислав Андреевич с другими князьями, которые изображены безбородыми юношами. Справа – суздальское войско, открывшее боевые действия. Стрелы летят «яко дождь мног», чтобы осквернить и унижить святыню. Слева на высокой стене, над новгородскими

полками, возвышается наподобии военной хоругви икона Богоматери. Эти сцены разработаны иконописцем с детальной конкретностью: выглядывающие из новгородских бойниц любопытные воины хотя и готовы к сражению, но не знают о ходе переговоров и, возможно, надеются на мирный исход дела. Тем временем кто-то из суздальских всадников (справа) стреляет в икону и начинается битва. В нижней части композиции иконы представлена победа новгородского войска: суздальцы ослеплены, часть уже пустилась в бегство, они нападают друг на друга, им под ноги падают обезглавленные соратники. Новгородцам же, одержавшим победу с помощью чудесного заступничества Богородицы, покровительствует предводитель небесного воинства архангел Михаил: во главе новгородской конницы выступают святые воины Александр Невский, Борис и Глеб, Георгий Победоносец.

Детям предлагается «прочитать икону» как книгу. Мы рассматриваем икону, предлагаем назвать узнаваемые объекты (Крепость, церковь Спаса Преображения на Ильине улице, «Великий» мост через Волхов...), рассматриваем одежду средневековых новгородцев, оружие и доспехи воинов, вспоминаем, как разворачивался сюжет (чудо от иконы «Богоматерь Знамение»).

6. Художественные особенности иконы.

Необычность цветового строя. В иконе много белого цвета, холодность колорита, изысканность лиловой киноvari, разнообразие оттенков, сочетаний. В регистровом построении иконы есть четкая продуманность ритмов – шествие людей, движение воинских полков, шаг коней, стяги, качание копий – все подчинено ритмической гармонии, в которой немислимо что-либо изменить, не нарушив единства прекрасного.

7. О чем рассказала икона.

– Икона – памятник древнерусского искусства, иллюстрирующий легенды и сказания Новгорода (Чудо от иконы Богоматерь Знамение).

Игумен Лука Головков: «Это именно икона, а не благочестивая картина. Картин в средневековой Руси не было в принципе. Кроме того, например, в Греции подобные сюжеты нравоучительного и

воспитательного характера писали обычно в настенной росписи, а на Руси росписей в храмах из-за более холодного и сырого климата было меньше, и поэтому мы видим этот образ на доске. Такие иконы выполняли в большей степени функцию назидания, воспоминания, а не поклонения» [2].

– Икона своим особым языком может рассказать о реальных событиях прошлого: о битве новгородцев с суздальцами в 1170 г., о жизни средневекового Новгорода (топографии, архитектурных сооружениях, внешнем виде новгородцев, вооружении воинов, сценах боя).

– Знакомство с иконами из собрания Новгородского музея дает возможность раскрыть сложную для детского восприятия тему, показать чувственный мир средневекового новгородца, познакомить с важными историческими событиями Древней Руси и показать роль Новгорода в Российской истории.

Список литературы

1. Такташова, Л. Е. Русская икона. Образы. Сюжеты. Иконография : учебное пособие / Л. Е. Такташова ; М-во образования и науки РФ, Владимирский гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. – Владимир : ВлГУ, 2014. – 99 с.

2. Степанова, Е. «Икона об иконе» / Екатерина Степанова // Нескучный сад : журнал о православной жизни. – 2010. – 10 декабря.

3. Иулиания (Соколова, М. Н.), монахиня. Труд иконописца / монахиня Иулиания (Мария Николаевна Соколова) ; сост. Н. Е. Алдошина. – Сергиев Посад : Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1995. – URL : http://www.icon-art.info/book_contents.php?book_id=25.

4. Никитина, Ю. И. Софийский собор / Ю. И. Никитина. – 4-е изд., перераб., доп. – Ленинград : Лениздат, 1980. – 17 с. : ил. – (Туристу о Новгороде),

5. Дмитриев, Л. А. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв. Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний / Л. А. Дмитриев ; отв. ред. А. М. Панченко. – Ленинград : Наука, 1973. – 304 с.

6. Битва новгородцев с суздальцами 1170 // Великий Новгород : история и культура IX–XVII веков : энциклопедический словарь / Региональная общественная благотворительная орг. «Новгородский фонд культуры» [и др.] ; [отв. ред. В. Л. Янин]. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2009. – 551 с. : ил., портр.

7. Богоматерь Знамение. Апостол Петр и мученица Наталья // Великий Новгород : история и культура IX–XVII веков : энциклопедический словарь / Региональная общественная благотворительная орг. «Новгородский фонд культуры» [и др.] ; [отв. ред. В. Л. Янин]. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2009. – 551 с. : ил., портр.

8. «Знаменская легенда» – пример идеологического противостояния Москвы и Новгорода в XIV в. // Янин, В. Л. Очерки истории средневекового Новгорода / В. Л. Янин. – Москва : Языки славянских культур, 2008. – 400 с.

ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОЕ МЕСТО «ГОРА СВЯТОЙ МАРИИ»: ПРОЕКТИРОВАНИЕ ТЕРРИТОРИИ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Рассматривается работа по проектированию границ территории достопримечательного места «Гора святой Марии», расположенного на границе Ростовского и Переславского районов Ярославской области.

Ключевые слова: достопримечательное место, Гора святой Марии, памятники археологии, Красная книга, Древняя Русь, потомки Ярослава Мудрого.

О, светло светлая и украсно украшена, земля Русская!

И многими красотами удивлена еси: озера многими удивлена еси, рѣками и кладязми мѣсточестными, горами, крутыми холми, высокими дубравами, чистыми полями, дивными звѣрьми, различными птицами, бецислеными городы великими, селы дивными, винограды обителными, дома церковными и князми грозными, бояры честными, вельможами многими. Всего еси исполнена земля Руская, о прававѣрная вѣра хрестиянская!

«Слово о погибели Русской земли». 1238–1246 гг.

Данный эпиграф как нельзя лучше характеризует уникальную историческую местность Гора святой Марии [1], расположенную на границе Ростовского и Переславского районов, в 20 км к западу от федеральной трассы М-8. Гора святой Марии – один из холмов Борисоглебской возвышенности с отметками плато 190–200 м (по Балтийской системе высот). Холм доминирует над долиной р. Сары, которая имеет отметки от 130 до 160 м. Долина р. Сары является государственным природным заказником «Верховья р. Сары около дер. Нагая Слобода» общей площадью 1.105,1 га. Особую живописность местности придают древние лощины, которые воспринимались местными жителями как овраги – Глухой враг,

Андреев враг, Пенской враг, Черный враг. В районе Горы святой Марии в реку Сару впадает множество родников, один из которых с конца XIX в. известен под названием «Святой колодезь». Лес на Горе святой Марии необычен по своему составу: в нем преобладают лиственные породы: клен, дуб, липа, ясень, вяз.

В ходе обследования Д. В. Власовым в 2015–2017 гг. на Горе святой Марии были выявлены виды, занесенные в Красную книгу Ярославской области: деревья – вяз шершавый и ясень обыкновенный, цветы – гнездовка, петров крест, купена многоцветковая, гриб – весёлка обыкновенная, насекомые – жужелица морщинистая, аполлон черный (мнемозина) и усач-кожевник, ящерица – веретеница ломкая. В реке Саре водится хариус – рыба, занесенная в Красную книгу России.

Кроме того, Гора святой Марии известна нематериальным культурным наследием – в ходе этнографических экспедиций у жителей окрестных сел и деревень зафиксирована богатая устная традиция, связанная с почитанием урочища [2, 3, 5].

Гора святой Марии вошла в историю благодаря летописному сообщению 1216 г., согласно которому у церкви святой Марии произошла встреча потомков Ярослава Мудрого – ростовского князя Константина Всеволодовича и новгородского князя Мстислава Мстиславича и их войск перед битвой на Липице: «В лето 6724... И быша на Городищи на рѣцѣ Саррѣ у Святѣй Марии априля 9 в Велик день, и ту приеха Константин князь с ростовци. И възрадоваша видѣвшесе, и крестъ цѣловаша, и отрядиша Володимера Псковского с дружиною в Ростов» [1, с. 217–221]. Запись 1216 г. – первое письменное свидетельство о сельской церкви Северо-Восточной Руси и первое письменное упоминание сельского поселения на территории современной Ярославской области. Исходя из летописного сообщения, церковь святой Марии была основана на перекрестке дорог из Ростова в Новгород и из Ростова в Переславль. Эти дороги сохранились до настоящего времени.

В 2016 г. отмечалось 800-летие первого упоминания Горы святой Марии: 28 июля по благословению митрополита Ярославского и Ростовского Пантелеимона на перекрестке лесных дорог в урочище Крест установлен и освящен Поклонный крест.

На Горе до недавнего времени было известно три памятника археологии: поселение раннего железного века, селище XIII–XVI вв. – место погоста св. Марии Египетской [1, с. 217–221], курганный могильник конца XI–XII вв. Последний насчитывает 194 погребальные насыпи и является самым крупным в Ярославской области [1, с. 223–224].

В конце 2014 г. Гора святой Марии и расположенные на ней памятники археологии федерального значения каким-то образом попали в территорию горного отвода ООО «Никитинский карьер» общей площадью около 100 га.

В 2015 г. территорию памятников исследовала экспедиция Института археологии РАН под руководством А. Е. Леонтьева. В 70 м к западу погоста за дорогой Леонтьевым обнаружено селище XIV(?)–XV вв. размерами 80х60 м, а рядом с селищем – наконечник стрелы раннего железного века [4, с. 429]. Для трех памятников археологии А. Е. Леонтьевым была предложена единая граница, очерчивавшая территорию около 10 га, которую было предложено вывести из территории горного отвода карьера.

По итогам рассмотрения обращения митрополита Ярославского и Ростовского Пантелеимона от 9 июня 2015 г. Департамент охраны объектов культурного наследия Ярославской области (далее – ДООКН ЯО) 21 сентября 2015 г. издал приказ о выявлении достопримечательного места «урочище «Гора святой Марии» с предварительно очерченной площадью около 60 га. Тогда обозначился вопрос о принципах проектирования территории достопримечательного места.

В апреле 2016 г. по заказу ООО «Никитинский карьер» сотрудник ИА РАН О. В. Зеленцова провела экспертизу выявленного достопримечательного места, сделав вывод о необходимости его включения в Единый государственный реестр объектов культурного наследия с присвоением федерального статуса. Однако О. В. Зеленцова предложила сократить территорию памятника с 60 до 10 га, сведя его к двум памятникам археологии. В территорию достопримечательного места даже не был включен почитаемый источник «Святой колодец» («колодчик Марьи Святой»), хотя в Акте экспертизы утверждается

обратное. В рамках общественного обсуждения экспертизы в июне 2016 г. в орган охраны памятников были направлены многочисленные возражения: по сути О. В. Зеленцова предложила сделать археологическую резервацию посреди огромного карьера.

В мае – августе 2016 г. экспертизу достопримечательного места провела государственный эксперт Н. И. Завьялова. Заказчиком экспертизы выступил приход храма Архангела Михаила в с. Новотроицкое Ярославской епархии Русской Православной церкви, в лице настоятеля А. Ю. Парфенова. Изучив археологические (в том числе новые), исторические, картографические свидетельства, проанализировав ландшафтные особенности местности, Н. И. Завьялова пришла к выводу о необходимости увеличения площади памятника до 600 га. Это земли пустошей, известных по межевым материалам второй половины XVIII – начала XX в., – Марья Святая, Колоколенка, Поповка, Пенье и Мозжевелка, которые составляли в эпоху средневековья земельные владения погоста св. Марии Египетской. Акт экспертизы дважды публиковался на сайтах ДООКН ЯО и Минкультуры России для общественного обсуждения. Но 23 октября 2017 г. Минкультуры России отказало во включении Горы святой Марии в качестве достопримечательного места федерального уровня без указания каких-либо причин, а вскоре ДООКН ЯО исключил объект из списка выявленных объектов культурного наследия.

В 2016–2017 гг. археологический отдел Государственного музея-заповедника «Ростовский кремль (А. Л. Каретников, В. А. Каретникова) провел археологические исследования на Горе святой Марии. В ходе работы были обнаружены четыре новых памятника археологии. Три из них были открыты после завершения экспертизы, однако отлично вписались в границы достопримечательного места, установленные экспертом Н. И. Завьяловой.

Селище XII–XIII вв. в пустошах Колоколенка и Поповка составило комплекс с курганным могильником, расположенным в 0,35 км. к юго-западу от него. В пустоши Пенье обнаружено селище XIV–XVI вв. Его территория повреждена в ходе лесозаготовительных работ 2015 г. и карьерных разработок ООО «Никитинский карьер». Среди

находок необходимо отметить две деньги Ивана Грозного. В пустоши Мозжевелка выявлено селище и пруд XIII–XV вв. (в 0,2 км на юго-запад от курганного могильника). В той же пустоши в 0,45 км на юго-юго-восток от селища XIII–XV вв. выявлено селище XIV–XV вв. На селищах XII–XIII вв. и XIII–XV вв. обнаружены два идентичных энколпиона второй половины XII – первой трети XIII вв., что указывает на вероятную связь поселений. Важно подчеркнуть, что все известные в настоящее время средневековые памятники археологии составляют исторически сложившийся комплекс.

В истории поселений на Горе святой Марии предварительно можно выделить два этапа. На первом (XII – конец XIII в.) появилось поселение у реки, начал формироваться курганный могильник, на вершине Горы к 1216 г. была построена церковь св. Марии Египетской. В начале второго этапа (конец XIII – XVI в.) селище у реки пришло в запустение, его жители основали несколько новых поселений – при церкви и в пустошах Мозжевелка и Пенье. При церкви начал формироваться грунтовый могильник.

Археологическое изучение Горы святой Марии фактически только начато. В настоящее время хорошо исследована лишь ее центральная часть. Особенно вероятно обнаружение новых памятников археологии на территории обширной пустоши Поповка, так как в документах Генерального межевания она названа как «пустошь с пустошами». Но уже сейчас несомненно, что Гора святой Марии представляет собой эталонный микрорегион для археологического изучения культуры и быта сельского населения Древней Руси. Важно отметить, что благодаря летописному сообщению 1216 г. памятники археологии удалось связать с конкретными историческими деятелями. Главные среди них – Константин Всеволодович и Мстислав Мстиславич. Гора святой Марии является мемориальным местом, связанным с яркой биографией этих князей. Кровавая междоусобная война 1216 г. является наглядным примером раздробленности Руси накануне страшного испытания. Через семь лет один из участников встречи на Горе святой Марии – князь Мстислав Удатный – потерпел поражение от монголо-татар на р. Калке, однако в отличие от других

древнерусских князей чудом спасся. Через двадцать два года князя Василько и Всеволод, двое из троих сыновей умершего в 1218 г. Константина Всеволодовича, были убиты монголо-татарами, завоевавшими всю Северо-Восточную Русь. Таким образом, вновь прослеживается смысловая связь событий 1216 г. с приведенной цитатой из «Слова о погибели Русской земли».

«Гора святой Марии – очень перспективный объект туристского интереса, имеющий высокую привлекательность благодаря своей комплексности, эксклюзивности, сочетанию выразительного природного ландшафта и ценных археологических памятников» – такое заключение сделал председатель общественного совета по туризму Ярославской области А. Ю. Данилов. С каждым годом Гору святой Марии посещает все больше и больше туристов и паломников.

Список литературы

1. Каретников, А. Л. Гора святой Марии в окрестностях Ростова Великого / А. Л. Каретников // Сообщения Ростовского музея. Вып. 21. – Ростов : [б. и.], 2016. – С. 205–246.

2. Каретников, А. Л., Рассказы о местности «Марья Святая» / «Гора святой Марии» (на материалах полевых исследований) / А. Л. Каретников, А. В. Киселев // История и культура Ростовской земли, 2016. – Ростов : [б. и.], 2017. – С. 345–352.

3. Киселев, А. В. Почитаемое место «Марья Святая» в окрестностях с. Филимонова Ростовского района / А. В. Киселев // История и культура Ростовской земли, 2003. – Ростов : [б. и.], 2004. – С. 308–325.

4. Леонтьев, А. Е. «...на реце Саре у святеи Марии...» : археологические памятники народного памятного места / А. Е. Леонтьев // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 244 / Ин-т археологии ; гл. ред. Н. А. Макаров. – Москва : Языки славянской культуры, 2016. – С. 425–436.

5. Парфенов А., иерей. Паломничество к урочищу «Гора святой Марии» в XX веке / иерей Александр Парфенов // История и культура Ростовской земли, 2016. – Ростов : [б. и.], 2017. – С. 337–344.

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ АТРИБУЦИЯ УРОЧИЩА «ГОРА СВЯТОЙ МАРИИ» КАК РЕЛИГИОЗНО-ИСТОРИЧЕСКОГО МЕСТА

Урочище «Гора святой Марии» в Ростовском районе Ярославской области – вновь выявленный комплексный объект культурного наследия народов Российской Федерации. Согласно методическим рекомендациям, разработанным Министерством культуры РФ с целью регулирования методов проектирования по отнесению историко-культурных территорий к объектам культурного наследия в виде достопримечательного места, в данной статье разрабатывается типология урочища, проявляются его элементы охраны как религиозно-исторического места.

Ключевые слова: достопримечательное место, религиозно-историческое место, выявление объекта культурного наследия, урочище «Гора святой Марии», сакральный ландшафт.

Урочище «Гора святой Марии» расположено в Ростовском районе Ярославской области на реке Саре в 28 км на юго-запад от Ростова и в 23 км на север от Переславля-Залесского, к югу от Боголюбской церкви села Филимоново (1808), на территории сельского поселения Петровское. Территория урочища составляет целостный историко-культурный и природный комплекс религиозного назначения, конфессионально принадлежащий Русской Православной церкви как централизованной религиозной организации и созданный в результате совместной деятельности человека и природы, в целях совершения религиозных таинств и обрядов. К урочищу подходят две автомобильные дороги, по ним местные жители приходят набрать воды, совершить религиозные обряды или просто, пройдя по проложенным тропам, вспомнить легенды и летописные события. Местные жители рассказывают предание о том, что на горе стоял монастырь. Однажды на него напали враги и сожгли его. Тогда с

колокольни монастыря упал колокол и пробил целебный источник у подножия холма. Это предание многократно отражено в этнографических исследованиях [1]. Паломничество из других мест совершается на Гору святой Марии регулярно. Обычно автомобили останавливаются у Боголюбского храма села Филимонова, затем после молитвы в храме крестные ходы направляются к Святому колодезю и погосту. В хорошую погоду крестный ход доходит до Поклонного креста. Традиционно крестные ходы проходят в Светлый пяток (праздник Живоносного источника), 9 мая, 1 и 28 июля, 4 и 14 августа [9]. Два года подряд в образе средневековых пилигримов к урочищу отправлялись участники клуба исторической реконструкции ярославского молодежного клуба «Великое прошлое» [15].

Необходимым условием совершения религиозных обрядов, которое обеспечит его функциональное назначение и мемориальное значение, является прекращение карьерных разработок месторождения «Краснокамень» на территории урочища и рекультивация карьера. Недопустимо отторжение Святого колодезя, погоста святой Марии, других объектов культурного наследия и холма с его объемно-пространственными характеристиками. Историческим контекстом первоначального смыслового и практического освоения территории как свидетельства религиозной колонизации является летописное свидетельство 1216 г. [4] и предания о монастыре на горе, его гибели, о колоколе и целебном источнике. По всем признакам урочище «Гора святой Марии» является достопримечательным местом как видом объектов культурного наследия, а согласно типологии достопримечательных мест, это религиозно-историческое место [12]. Выявление урочища, как обладающего признаками объекта культурного наследия, состоялось 21 сентября 2015 г. по заявлению Митрополита Ярославского и Ростовского Пантелеимона (Приказ Департамента охраны объектов культурного наследия Ярославской области «О внесении объекта, обладающего признаками объекта культурного наследия, в перечень выявленных объектов культурного наследия» № 007-В\15 от 21.09.2015 г.).

Условием развития традиционных видов деятельности, связанных с религиозно-историческим местом, возрождения благоприятной материальной среды для осуществления религиозной и иной уставной деятельности религиозной организации, духовных и связанных с ними жизненных практик, паломничества, в урочище «Гора святой Марии», имеющего сакральную, историческую и культурную ценность как объекта культурного наследия, является сохранение всей композиционно-пространственной структуры холма в его естественных геолого-морфологических границах, обеспечивающее в свою очередь непрерывный поток воды у подножия. Места совершения религиозных обрядов, расположенные как на вершинах, так и у подножия холма являются отдельными элементами общего предмета охраны урочища как объекта культурного наследия.

Элементы предмета охраны

1. Вид на урочище с видовых точек дороги Новотроицкое-Краснораменье

Впервые народное предание о бывшем на вершине холма женском монастыре зафиксировано в 1789 г.: «Примечания достойно, потому что в дачах онаго села за рекою Сарою к Переславлю Залескому имеется довольно высокая гора, обросшая с боков разным лесом, а на верху имеющая ровнину, на коей в древния времена был женский монастырь» [16]. В соответствии с законодательством Российской Федерации культурными ценностями признаются и уникальные в историко-культурном отношении территории [12]. Являясь композиционно-активным объектом рельефа – природной доминантой, совокупность всего холма представляет историко-культурную и природную ценность, обладает у местного населения сакральной топонимической нагрузкой. Среди местного населения холм называется также «Марья святая» и служит географическим ориентиром [5], с Горой святой Марии связаны народные приметы («...Через нее идет вся грозовая система... как туча с Марьи Святой идет – это, значит, надолго затягивается дождь. Дак, а Бог знаешь, другой раз ничего, а то смотришь, от Филимонова туча, так и дождь пойдет и гром. [А если с другой стороны туча? Будет дождь?] Нет, оттуда не будет, только если с Марьи Святой. Вот Святая Мария,

говорит, не дает. Да больно высокая гора, вот Святая Мария не дает сюда дождя-то, не пропускает» [Каретников, Киселев, 2017]). Это название зафиксировано в ряде этнографических исследований. Например, для жителей села Краснораменья холм под именем Марьиной роща был местом весенних народных гуляний: «Весною, во второе воскресенье после Пасхи» молодежь направлялась в «Марьину рощу» и совершала ритуал «заплетания березок». В Духов день березовые ветви «развивали» и по их внешнему виду гадали: если листья оказывались распутившимися, то девушку ждало «в будущем хорошее»; в случае их засыхания – замужество или смерть» [Агриколянская]. Данные новейших полевых исследований говорят также о восприятии урочища как пространства всего холма, например, «название «Марья Святая» носит и лес, располагающийся на северном склоне «Горы» [5]. В обобщающей статье специалист по народной культуре верхнего Поволжья, кандидат исторических наук А. В. Киселев делает вывод: «Марья Святая» в XIX–XX вв. представляла собой сакральную часть природного ландшафта и включала три культовых объекта: холм «Марья Святая» («Гору Святой Марии»), росший на ней лес «Марьиной роща» (лес «Марья Святая») и «Колодец Марьи Святой» [5]. Для паломников, прибывающих пешком или автотранспортом, еще не видящих отдельных объектов, вид урочища в естественных границах вызывает религиозное воодушевление.

2. Вид от Боголюбского храма села Филимоново, включая вид от западного и южного входа и с колокольни

От храма начинается крестный ход в урочище, поэтому для паломника необходимо цельное восприятие горы от дороги Каллистово-Краснораменье, где находится «Марьин источник», до старой дороги Филимоново-Медведево. Ценным элементом вида является Казанский храм села Краснораменья (1845). Следует отметить, что некоторые информанты полевых этнографических записей использовали при описании урочища слово «гора»: «Колокол упал, и он катился с горы – гора очень крутая, до самой почти реки, и глубоко ушел. И теперь этот колодец как святой. Вот за Филимоново, здесь за рекой гора стоит Марьино, а называлась она так потому, что там раньше, когда-то там жили люди, она называлась Марья Святая» [5].

3. Тропа от Боголюбского храма до Святого колодезя

Постоянно функционирующая тропа протоптана местными жителями к Святому колодезю и постоянно поддерживается. Тропа является путем движения паломников в урочище. Как отмечают исследователи святого места: «Рассказы (былички) служили не только поддержанию культа «деревенской святыни», но и обоснованию соблюдения здесь определенных норм поведения» [5].

4. Святой колодезь

Как результат деятельности предыдущих поколений, имеющей своей основной целью совершение религиозных таинств и обрядов, духовных и связанных с этим жизненных практик, объектом народного почитания является «Святой колодезь» у подножия холма, почитаемый местными жителями и православными верующими. Существует достаточное количество экспедиционных записей, фиксирующих почитание, религиозные обряды продолжаются и в наше время: «Наблюдения показывают, что содержание данных обрядов было связано с обретением человеком здоровья и определением его судьбы» [5]. В 2008 г. над колодцем поставлен сруб с крышей, куполом и крестом. Местные жители по-прежнему подвязывают ленточки на деревьях близ источника.

5. Погост святой Марии

На мысовой площадке, являющейся также объектом археологического наследия федерального значения «Селище, XII–XVI вв.» (с. Филимоново, 0,7 км к югу), проводятся заупокойные богослужения, в память погребенных здесь православных верующих. В 2010 г. на погосте святой Марии изученные в ходе археологических работ человеческие останки были перезахоронены по православному обряду иереем Вадимом Ковальчуком, настоятелем Преображенского храма села Спас-Смердина. С тех пор ежегодно у памятного креста совершается поминовение усопших. В 2018 г. планируется устройство часовни св. Марии Египетской.

6. Вид с погоста святой Марии

Вид, открывающийся с мысовой площадки на храм села Филимоново и на долину реки Сары, представляет выдающуюся эстетическую ценность. Поскольку погост приподнят над

окружающим ландшафтом, то при совершении религиозных обрядов здесь ощущается особая приближённость к Небу, претворяющая в радость печаль об усопших. Важным элементом вида с погоста святой Марии, обеспечивающим осуществление религиозной деятельности, является овраг. Склоны оврага подчеркивают масштаб мысовой площадки, помогают подчеркнуть священный статус погоста.

7. Поклонный крест

Исследователи Д. А. Ушаков, Д. Н. Эдинг, А. Е. Леонтьев, А. В. Киселев и А. Л. Каретников уверенно идентифицировали урочище «Гора святой Марии» с летописным рассказом 9 апреля 1216 г.: «Тогда они снарядили Всеволода с дружиной и отправили к Константину, а сами пошли по Волге вниз; и тогда бросили обозы, сели на коней и пошли в Переяславль, воюя. Когда же они были у Городища на реке Саре у церкви Святой Марии на Пасху 9 апреля, тут приехал к ним князь Константин с ростовцами. И обрадовались встрече, и целовали крест, и отрядили Владимира Псковского с дружиной в Ростов, а сами, придя на Фоминой неделе с полками, стали напротив Переяславля» [4 ; 13].

28 июля 2016 г. по благословению митрополита Ярославского и Ростовского Пантелеимона на вершине холма в урочище «Крест» установлен поклонный крест [10]. В этот день прошел самый многочисленный крестный ход с участием духовенства Петровского благочиния Ярославской епархии [2]. Поклонение поклонному кресту является кульминацией паломнического похода, поклонный крест несет функцию мемориального знака и конечной остановки. После поклонения паломники должны отдохнуть и спуститься вниз к Марьиному источнику, чтобы набрать святой воды.

8. Дороги к Поклонному кресту

Пересекаясь под прямым углом, к поклонному кресту ведут две лесных дороги (поэтому урочище называется Крест). Дороги как элементы материальной среды обеспечивают благоприятные условия для осуществления паломничества как религиозного обряда.

9. Дорога от Поклонного креста к Марьиному источнику

Предполагается развитие коллективного, индивидуального, в том числе пешего, паломничества на гору святой Марии. В этой связи для возрождения и развития традиционных видов деятельности,

связанных с религиозно-историческим местом, необходимо обеспечить свободный проход через территорию урочища к Марьиному источнику для завершения паломничества. Такой маршрут облегчит нагрузку на другие территории объектов культурного наследия, паломники смогут пройти в одном направлении, не возвращаясь назад. Марьин источник как более полноводный является опорой для коллективного паломничества.

10. Смотровая площадка. Урочище «Пень»

В настоящее время урочище изобилует видовыми точками, с него видна широкая панорама и множество церквей в естественном окружении. Благодарение Богу от восхищения эстетическими ценностями является важнейшей частью деятельности религиозных организаций: «Ибо Господь есть Бог великий и Царь великий над всеми богами. В Его руке глубины земли, и вершины гор – Его же» (Пс 94:3,4). Поэтому смотровая площадка на стыке дороги к Поклонному кресту и дороги через карьер к Марьиному источнику представляет собой вдохновляющий вид на противоположный берег реки Сары с окрестностями. Молитвенному взору паломника предстает совместное творение природы и человека – храмы сел: Фатьянова, Филимонова, Спас-Смердина, Поддубное и Новотроицкое, – из которых три являются действующими.

11. Курганный могильник

Летописи, житийные сказания повествуют о многочисленных трудах святых для насаждения и укрепления православной веры. Как перекресток древних дорог [6] урочище «Гора святой Марии» посещали святой равноапостольный князь Владимир [14] и святитель Исайя, епископ Ростовский [3]. Курганный могильник урочища является зримым свидетельством их деятельности. Могильник XI–XIII вв. из 194 насыпей является самым крупным в Ярославской области. Скромные погребения ориентированы на восток, по-христиански, но обозначены невысокими курганами, языческими только по внешнему виду [8]. Он представляет памятник переходного времени, свидетельство христианизации Древней Руси.

12. Марьин источник

Прихожане Преображенского храма села Спас-Смердина слышали предания Горы святой Марии о целебном источнике, пробитом ударом упавшего колокола, но не знали расположения Святого колодезя, поэтому приходили с молитвой на «Марьин источник» на реке Круглой, также у подножия холма в урочище: «Местные ходили туда окунаться в святую воду. То, что вода в реке святая и берет начало от источника в монастыре, разрушенном при польском нашествии, никто никогда не сомневался» [11]. Купальня для таинства крещения в реке вырыта в 2007 г. по благословению настоятеля храма Спаса-Преображения села Спас-Смердино иерея Вадима Ковальчука, здесь также была проведена экспертиза состава воды [7]. Марьин источник представляет собой поверхностный водозабор из реки Круглой вблизи автомобильной дороги. Марьин источник удобен для местных жителей, свидетельством его почитания является переименование реки в Серебрянку. Продолжение горной добычи рядом с рекой угрожает этому перспективному паломническому месту. 26 декабря 2017 г. по благословению благочинного Петровского округа иерея Алексия Пакина над источником установлен памятный знак – крытый столб с иконой равноапостольной Марии Магдалины.

Список литературы

1. Агриколянская, С. А. Село Краснораменье Ростовского уезда / С. А. Агриколянская // Ярославские губернские ведомости (отдельный оттиск). – 1888. – С. 3 ; Киселев, А. В. Почитаемое место «Марья Святая» в окрестностях с. Филимонова Ростовского района / А. В. Киселев // История и культура Ростовской земли, 2003. – Ростов : [б. и.], 2004. – С. 308–325 ; Каретников, А. Л. Рассказы о местности «Марья Святая» / «Гора святой Марии» (на материалах полевых исследований) / А. Л. Каретников, А. В. Киселев // История и культура Ростовской земли, 2016. – Ростов : [б. и.], 2017. – С. 345–352.
2. День Крещения Руси в окрестностях Ростова Великого // Новости Ярославской епархии. – URL : <http://yareparhia.ru/день-крещения-руси-в-окрестностях-рос/> (дата обращения : 21.02.2018).

3. Житие и жизнь святого отца нашего Исаяи епископа Ростовского чудотворца / подгот. текста, пер. и коммент. Н. В. Савельевой // Библиотека литературы Древней Руси / РАН, ИРЛИ ; под ред. Д. С. Лихачева [и др.]. – Санкт-Петербург : Наука, 2003. – Т. 12 : XVI век. – С. 305–306.

4. Киселев, А. В. «Святая Марина / Мария» : повести о битве на Липице : междисциплинарное исследование и проблема локализации летописного пункта / А. В. Киселев, А. Л. Каретников // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2009. – № 3 (37). – С. 49–50.

5. Киселев, А. В. Почитаемое место «Марья Святая» в окрестностях с. Филимонова Ростовского района / А. В. Киселев // История и культура Ростовской земли, 2003. – Ростов : [б. и.], 2004. – С. 308–325.

6. Кноков, Ф. В. Марьяна гора – перекресток забытых дорог / Ф. В. Кноков // Наше Ополье : краеведческий сборник. – 2016. – № 3 (17). – С. 29–36.

7. Ковальчук, В., иерей. Храм Преображения Господня : буклет / иерей Вадим Ковальчук, Арина Килимник. – Ростов : [б. и.], 2006.

8. Леонтьев, А. Е. «Гора святой Марии» / А. Е. Леонтьев // Сообщения Ростовского музея. Вып. 6. – Ростов : [б. и.], 1994. – С. 218–230.

9. Парфенов, А., иерей. На горе святой Марии / иерей Александр Парфенов // Ярославские епархиальные ведомости. – 2017. – № 8 (314). – Август. – С. 30.

10. Парфенов, А., иерей. Эталонный памятник / иерей Александр Парфенов // Ростовский вестник. – 2016. – № 93 (15757). – 8 декабря. – С. 18.

11. Парфенов, А., иерей. Паломничество к урочищу «Гора святой Марии» в XX веке / иерей Александр Парфенов // История и культура Ростовской земли, 2016. – Ростов : [б. и.], 2017. – С. 334.

12. Письмо Министерства культуры РФ от 28 февраля 2017 г. № 49-01.1-39-НМ «О методических рекомендациях по отнесению историко-культурных территорий к объектам культурного наследия в виде достопримечательного места» // Гарант.РУ : информ.-правовой портал. – URL : <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71524352/>.

13. Повесть о битве на Липице / подгот. текста, пер. и коммент. Я. С. Лурье // Библиотека литературы Древней Руси / РАН, ИРЛИ ; под ред. Д. С. Лихачева [и др.]. – Санкт-Петербург : Наука, 1997. – Т. 5 : XIII век. – С. 76–77.

14. Полное собрание русских летописей. Т. 9. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью / под ред. А. Ф. Бычкова. – Санкт-Петербург : Тип. Эдуарда Праца, 1862. – С. 64.

15. Рыжиков, Р. Путь на гору святой Марии / Роман Рыжиков // Комсомольская правда. – 2017. – 13 сентября. – С. 9.

16. Филимоново // Новый и полный географический словарь Российского государства. Ч. 6. У–Ф. – Москва : Университетская типогр., у Н. Новикова, 1789. – С. 104–105.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ВООБРАЖЕНИЕ В ДЕЙСТВИИ: «ДОНСКАЯ ТРОЯ» – АНАТОМИЯ МОТИВОВ И ПОЭТИКА ПЕРСПЕКТИВ

Статья посвящена феномену исторического воображения, раскрывающего свою специфику, в рамках реализации программы музеефикации объекта историко-культурного наследия «Донская Троя» (г. Ростов-на-Дону). Анализируются масс-медийные эффекты и метафорические конструкции – «Донская Троя», призванные «удревнить» историю региона и сделать его привлекательным с точки зрения создания экскурсионно-туристической зоны. В качестве показательного примера выбрано Ливенцовское городище в низовьях Дона, имеющее уникальные архитектурные и фортификационные характеристики для Юга России.

Ключевые слова: историко-культурное наследие, историческое воображение, популяризация истории, археологический памятник, медиа-сопровождение, экскурсионно-туристический проект.

Феномен исторического воображения, привязанный к конкретной историко-археологической ситуации, представляет собой актуальный интерес и исследовательскую перспективу, так как выводит нас за рамки литературного вымысла и поэтического символизма, художественных образов и фантазий. Как отмечал американский историк Х. Уайт, в случае с историческим воображением исследователи имеют дело не с фрагментами реальности или ее объективированной проекцией, а с дискурсивными практиками, обеспечивающими эффект правдоподобия – воображение в работе историка вступает в действие на последней стадии его труда, когда становится необходимым обозначить логику рассуждений или составить нарратив, в которых и репрезентировать свои изыскания [6]. В рассматриваемом нами феномене «открытия» «Донской Трои» – Ливенцовского городища (крепости) примечательна сама ситуация отсутствия базового исторического

повествования и соответствующей ей нарративной среды (гомеровской «Илиады»), сопровождавшей настоящую малоазиатскую Трои. Последнее заставляет, по законам жанра, формировать описательные уровни и повествовательные инстанции исторического знания параллельно археологическим изысканиям и их локализацией в масс-медийном пространстве.

«...У этой легенды не нашлось в древности своего Гомера. Ее историю воссоздают наши современники», в таких ярких и поэтических эпитетах получает свою устойчивую медийную локализацию один из самых эмблематичных, уникальных и претенциозных, за последнее время, сюжетов конструирования исторического прошлого на Юге России, в Ростовской области – «открытие» Донской Трои – Ливенцовского городища (крепости).

«У нас на территории Ростова есть древние памятники, на которых великие открытия прошлого были обыденными занятиями. Один из них уже навечно вписан в биографию донской столицы как Ливенцовская крепость – Донская Троя. Здесь же поселения различных эпох – от бронзового века до античных времен, курганы, простор дельты – ансамбль, иллюстрирующий тысячелетний период отечественной истории...» [7].

На примере феномена «открытия» Донской Трои можно наглядно наблюдать механизм работы исторического воображения в его различных социальных ипостасях — от ученого-историка и археолога до журналиста, культуролога, туристического гида и сетевого блогера. Всех объединяет поиск и обретение ключевой метафоры, которая придаст верификационный статус, ценностную характеристику и конвертационный потенциал их объекту внимания и интереса. Опираясь на позицию известного английского историка и философа Р. Дж. Коллингвуда, можно рассмотреть историческое воображение как результат действия внутреннего состояния воспринимающего субъекта, совокупность его конкретных мыслей в сознании, которое задает характер исторического знания в рамках установки предпосылочности как фундаментального принципа. Априорное и конструктивное воображение историка, считал Р. Дж. Коллингвуд, способно обеспечить как необходимый выбор

исходных источников, так их верификацию, и критическую оценку, а также интерполяцию из различных источников интегрирующих высказываний, прямо не содержащихся в них. Таким образом, возникает «картина прошлого», уже как историческая конструкция, подтвержденная имеющимися свидетельствами и претендующая на истину [3, с. 231–232].

Смелое проведение аналогии с классической малоазиатской Троей призвано реализовать эффект априорного утверждения и безусловной значимости малоизученного археологического памятника и выступает мощным средством аргументированного воздействия в масс-медийной среде. Это тот самый случай, хорошо описанный современным английским исследователем Джоном Тошем [5], когда важным компонентом в исторической реконструкции, наряду с методологией, логикой (умом) и стилем научного исследования, на первое место выступает процесс воображения: «Помимо остроты интеллекта, историку необходимо и воображение... и чем дальше и чужеродней изучаемая культура, тем большие усилия воображения требуются, чтобы понять ее» [5, с. 147]. Пример «открытия» «Донской Трои», удаленной от нас на три с лишним тысячелетия, отчетливо демонстрирует не только актуальное действие данной исследовательской и коммуникативной установки, но и возможные культурные, исторические и информационные деформации. Историческое воображение, погруженное в масс-медийное пространство и помноженное на журналистскую беллетристику, способно породить замечательные по своему пафосу и исторической (или квазиисторической) претензии описательные конструкции и метафорические построения. Пример с проектом «Донская Троя» уже прочно и надолго связан в массовом сознании с подобными явлениями, серьезно деформированными «поп-сайнс сюжетами», облегченными поверхностным восприятием и масс-культурными интерпретациями. Приведем в качестве примера самые яркие эпитеты и характеристики: «Донская Троя – древнейшая крепость в Европе»; «Историческая значимость Ливенцовской крепости примерно такая же, как настоящей Трои»; «С Ливенцовским городищем связаны легенды о древнем городе Йимы – прародине всех иранских и большинства индийских

народов»; «С Ливенцовским городищем связан широко известный миф о Фазтоне»; «...название «Донская Троя» в отношении Ливенцовки не выглядит журналистским штампом, поскольку специалисты предполагают существование «Пра-илиады», общей для индоиранцев и греков»; «Древнейшая в Восточной Европе Ливенцовская крепость»; «На территории крепости находится курганный могильник – древнейшая погребальная конструкция, сопоставимая по значению и возрасту с египетскими пирамидами»; «Донская Троя – возможность стать легендарным местом Ростова и туристической Меккой, которая могла бы приносить немалые деньги».

Ливенцовское городище (крепость) находится в черте Ростова-на-Дону и является интереснейшим местом в низовьях Дона, его приблизительная датировка XVIII–XV вв. до н. э. Археологический комплекс эпохи бронзы не имеет аналогов в степной зоне России и уникален как архитектурное и фортификационное сооружение. Археологический памятник был открыт во время работ Северо-Кавказской археологической экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры (ГАИМК) (под руководством академика А. А. Миллера) в 1926 г. С 1962 по 1970 гг. на территории древней крепости проводились раскопки археологической экспедицией Ростовского областного музея краеведения под руководством С. Н. Братченко. В последующие годы – с 1984 и 2006 гг. – на территории Ливенцовского городища проходили эпизодические раскопки, не затрагивающие всю значительную часть археологического комплекса (8 га). В данный период работы вели сотрудники археологической лаборатории Ростовского госуниверситета, сотрудники музея-заповедника «Танаис», Таганрогская археологическая экспедиция и археологическая экспедиция Ростовского регионального отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. В настоящее время территория археологического комплекса законсервирована, и научно-исследовательская работа на его месте не ведется. «Ливенцовский ансамбль пример бюрократического забалтывания проблемы: выдающийся памятник – важнейшее звено в евроазиатской системе, удрежняющий историю не только Ростова, но и всего юга страны...» [7].

С 2007–2008 гг. началась проработка и социальная медийная адаптация проекта «Донская Троя» [2, с. 25–32], суть которого сводится к подготовке концепции развития экскурсионно-туристической зоны Ливенцовского археологического комплекса. Данный проект нашел свое место и прошел предварительное согласование с Городской целевой программой «Развитие туристических ресурсов в г. Ростове-на-Дону на 2008–2010 годы». Ливенцовский археологический комплекс носит многоплановый и сложносоставной характер, включающий исторические памятники различных эпох. Общий временной период предполагаемой датировки культурных слоев археологического комплекса составляет III тыс. до н. э. – XIV в. н. э. В соответствии с масштабом исторического памятника формируется широкая программа реконструкции и музеефикации проекта «Донская Троя», далее ее основные пункты приводятся в сокращенном виде [2, с. 25–32]. Реализация экскурсионного проекта предусматривает создание на базе имеющихся археологических и геологических объектов разветвленной сети маршрутных траекторий посещения и музеефикации:

1. Ливенцовская крепость (сохранились рвы, остатки стен и построек внутри крепости, выложенные камнем).

2. Курганный могильник, состоящий из пяти насыпей, – один из немногих сохранившихся древних степных погребальных сооружений, сравнимых по значению и возрасту с пирамидами древнего Египта.

3. Две законсервированные надмогильные подкурганные конструкции из раскопанных курганов (IV в. до н. э.).

4. Обнажения участков культурного слоя многослойного поселения Ливенцовское I на склоне береговой террасы: от 1-го культурного слоя (энеолит – конец IV–III тыс. до н. э.) до 5-го слоя, относящегося к эпохе поздней бронзы – XIII–XII вв. до н. э.

5. Лапидарий.

6. Рекреационно-парковая зона.

7. Зона степного ландшафта.

8. Геологические обнажения участка древнего моря [2, с. 25–32].

«Историческое прошлое одновременно и обнаруживается источниковедческой, археологической и иной техникой, но оно

одновременно и создается силой продуктивного воображения. Эллинистическая эпоха существовала, но она и была создана Дройзенем. Общественно-экономические формации существуют, но и созданы интеллектуальным воображением Маркса» [4, с. 90]. Слова и идеи отечественного философа Ю. Н. Солонина наглядно иллюстрируют механизм работы исторического воображения в академической среде, вовлекающего в свою орбиту не только историческое знание, но и сопутствующие ему технические, социальные и гуманитарные дисциплинарные исследования. Для наукообразного сопровождения реализации проекта «Донская Троя» 6 октября 2016 г. в Южном федеральном университете (г. Ростов-на-Дону) прошло примечательное и масштабное по составу задействованных структурных подразделений ЮФУ мероприятие – научно-практическая конференция «Донская Троя: мультидисциплинарный подход в исследовании, сохранении и трансляции историко-культурного наследия». Работа конференции была организована совместными усилиями 4-х институтов и академий ЮФУ (Институт философии и социально-политических наук, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Институт истории и международных отношений, Академия архитектуры и искусств), а также представителями Ростовского регионального отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Проект «Донская Троя» составил ключевой паттерн работы секций, круглых столов и отдельных пленарных выступлений, но в основной своей направленности тематика конференции вышла далеко за рамки заявленной проблематики и затронула тему сохранения и трансляции исторического и культурного наследия в самых различных вариантах и контекстах – эстетическом, археологическом, культурном, урбанистическом и краеведческом. Данная конференция явилась попыткой не только привлечь инвестиционное внимание к интересному археологическому памятнику, но и сформировать новый медийный контент, более научно строгий и корректный, преодолевающий устоявшиеся стереотипы и квазиисторические конструкции.

Список литературы

1. Викулова, Л. Ученые призывают неравнодушных горожан помочь в спасении Донской Трои [Электронный ресурс] / Л. Викулова. – URL : [http://sfedu.ru/www/stat_pages22.show?p=PR/news1/D¶ms=\(p_nws_id=>52784\)](http://sfedu.ru/www/stat_pages22.show?p=PR/news1/D¶ms=(p_nws_id=>52784)) (дата обращения : 23.12.2017).
2. Волошина, Л. Ф. Музеефикация и экскурсионно-туристическое использование Ливенцовского археологического комплекса (проект «Донская Троя») / Л. Ф. Волошина, П. А. Ларенок, В. А. Ларенок // Музеефикация территорий как средство воспроизводства исторической памяти : материалы научно-практической конференции (г. Ростов-на-Дону, 19 сентября 2013 г.) / отв. редактор Н. Г. Судоргин. – Ростов-на-Дону : Танаис, 2013. – 60 с.
3. Коллингвуд, Р. Дж. Идея истории. Автобиография / Р. Дж. Коллингвуд. – Москва : Наука, 1980. – 488 с.
4. Солонин, Ю. Н. Воображение и познание в исторических науках / Ю. Н. Солонин // Виртуальное пространство культуры : материалы научной конференции, 11–13 апреля 2000 г. Вып. 3 / отв. ред. Е. Г. Соколов. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургское философское общество, 2000. – 219 с.
5. Тош, Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка / Джон Тош. – Москва : Весь мир, 2000. – 296 с.
6. Уайт, Х. Метаистория : историческое воображение в Европе XIX в. / Хейден Уайт. – Екатеринбург : Урал. ун-т, 2002. – 527 с.
7. Чеснок, В. Ф. Зачем городу Ростову Донская Троя? (о Ливенцовской крепости) [Электронный ресурс] / Валерий Чеснок. – URL : <http://rslovar.com/content> (дата обращения : 20.12.2017).

НЕКРОПОЛЬ НОВГОРОДСКОГО АНТОНИЕВА МОНАСТЫРЯ

Краткая история некрополя, одного из старейших православных монастырей Северо-Запада России, его особенности, социальное положение погребенных, современное состояние.

Ключевые слова: некрополистика, монастырский некрополь, генеалогия, история России.

Новгородский мужской Антониев монастырь (1106–1920) расположен в северной части Великого Новгорода, на правом берегу р. Волхов. Назван он по имени основателя и первого игумена Антония (Римлянина) [1]. Монастырский ансамбль в целом сохранился до нашего времени. В 1992 г. по решению ЮНЕСКО он был внесен в список объектов Всемирного культурного наследия.

Из немногих ранних публикаций по истории формирования монастырского комплекса следует назвать «Описание Антониева Новгородского монастыря» Амвросия (Орнатского), изданное в 1810 г., книгу П. Л. Гусева «Новгород XVI века по изображению на Хутынской иконе «Видение пономаря Тарасия» (1900), статьи А. Анисимова «Домонгольский период древнерусской живописи» и А. И. Некрасова «Проблема происхождения древнерусских столпообразных храмов» (1928), книгу А. Строкова и В. Богусевича «Новгород Великий» (1939). После Великой Отечественной войны изучением документов по истории монастыря занимались В. Л. Янин [2] и Н. А. Макаров [3]. Археологические исследования на его территории проводил в 1970-е гг. С. Н. Орлов [4]. Из современных исследователей, разрабатывавших тему Антониева монастыря, можно назвать Э. А. Гордиенко [5], Л. А. Секретарь [6], В. Д. Сарабьянова [7], Г. М. Штендера, В. М. Ковалеву [8] и др.

В 1980–1990-х гг. проводилось планомерное изучение и реставрация собора Рождества Богородицы под руководством

Г. М. Штендера. В ходе работы был осуществлен проект по оформлению кладбища монастыря.

Первое упоминание об упокоенных в Антониевой обители мы находим в «Истории Российской иерархии» архимандрита Амвросия. В список, составленный им, вошли: Антоний Римлянин, его ученик Андрей, Иоиль (Вязьмитин), Иннокентий (Мигалевич), Иосиф (Ямницкий), Афанасий (Афиногенов), Николай (Киждобранский / Киждобрянский), Алексей, Моисей, Геласий [9]. Самым ранним из известных нам было погребение в 1147 г. самого основателя монастыря игумена Антония, которого захоронили на расстоянии в полтора аршина от западной стены собора. До построения придела во имя Антония могила находилась, как писал Амвросий, «в палатке». Архимандрит Макарий (Миролюбов), настоятель монастыря и ректор Новгородской духовной семинарии, в 1860-е гг. составил свой очерк истории монастыря [10]. Описывая погребения в храме, он ссылается на сочинение Амвросия, но перечень имен у него больше и сопровождается историческими справками. В его список включены также: братья Алфановы, иконописец Анания, архиепископ Амвросий (Андрей Юшкевич), архиепископ Варлаам, стольник И. И. Стрешнев. Кроме того, он называет имена с памятных плит и надгробий, находящихся в храме: князей Василия Ивановича и Ивана Ивановича (Большого) Одоевских, воеводы М. И. Татищева, стольника И. С. Салтыкова, дворян Чеглоковых, Олсуфьевых, Толбугиных, Митусовых, Княжнинных, Змиевых.

Вплоть до 1918 г. имена погребенных в монастыре фиксировались как в рукописных (летописи, метрические и кладбищенские книги, синодики), так и в печатных (воспоминания, некрологи, надгробные слова и т. п.) источниках. Так, «Тетрадь для записи погребенных в Антониевом монастыре...» [11] содержит имена 93 упокоенных на кладбище и в соборе Рождества Богородицы. Указаны имена, фамилии, возраст погребенных, их сословное положение и отдельные биографические сведения (например, сын такого-то). В третью часть метрических книг «Об умерших» [12] заносились имена, фамилии, возраст умерших, сведения об их

сословном положении, указывалась причина смерти. Этот источник содержит также имена священнослужителей, совершавших обряды погребения. Из синодиков Новгородской Духовной семинарии [13] и Антониева монастыря [14] известны имена игуменов и иноков из монастырской «братии», а также наставников и воспитанников Новгородской духовной семинарии, умерших в монастыре.

В настоящее время работ, посвященных исследованию некрополя Антониева монастыря, почти нет. Можно назвать только статьи Т. В. Пинкусовой с описанием надгробных плит собора Рождества Богородицы [15] и проект «Остаться в светлой памяти людской», осуществленный в 2012 г. работниками Музея истории НовГУ Л. А. Вавиловой, Т. Л. Верхорубовой в сотрудничестве с Т. А. Данько, которые установили 198 имен погребенных на кладбище Антониева монастыря.

Формирование некрополя в Антониевом монастыре шло параллельно с развитием обители. В 1117–1119 гг. был выстроен четырехстолпный трехапсидный одноглавый храм. Спустя несколько лет к нему с запада пристроили нартекс с лестничной башней и двумя главами. Северный и южный приделы и паперть, которая примыкает к храму с запада, были пристроены в XVII в.

В шурфах, заложенных Л. Е. Красноречевым при исследовании фундамента храма, были обнаружены поврежденные остатки склепов, датированные им XII – началом XIX вв. Т. В. Пинкусова описала сохранившиеся в Рождественском соборе надгробия и памятные плиты. Расположенные в паперти храма и в приделах Грузинской Божьей Матери и апостола Иоанна Богослова они датируются XVII столетием. Очевидно, что захоронения на кладбище монастыря производились, начиная с XII в. Что касается погребений в самом храме, то о захоронениях в основной части храма сведений пока нет.

Всего в соборе Рождества Богородицы сохранилось 29 надгробий (одно из них с утраченным текстом) и 15 памятных плит. Два надгробия (Анисии и Олохова Г. А.) были перенесены в собор с кладбища во время реставрационных работ. Одно (сестер Руженцовых) найдено во время ремонтных работ в подвале западного

корпуса монастыря в 2016 г. Всего из упокоенных известно 64 человека, 22 надгробия из этого списка утрачены. По векам захоронения распределяются следующим образом: XII – 5, XIV – 5, XVI – 2, XVII – 3, XVIII – 27, XIX – 22.

Социальная принадлежность погребенных в храме определяется точно: здесь хоронили представителей верхушки феодального общества – князей и членов их семей, высших церковных иерархов, местную знать. Об этом говорят сохранившиеся надгробные плиты и летописные данные. Из погребенных в XII в. мы можем назвать Антония (Римлянина), игумена Моисея и, вероятно, игуменов Алексия, Андрея, Олексу. В конце XIV в. (по некоторым данным в начале XV в.) в собор перенесли мощи пяти братьев Алфановых, в XVI в. погребен иконописец Анания, в XVII в. князья Одоевские (Василий и Иван Ивановичи), воевода М. И. Татищев и др.

Захоронения на кладбище поначалу производились за алтарной частью собора – к востоку. Разрастаясь, к началу XX в. территория кладбища уже простиралась вдоль северной и восточной стен собора. Огораживал ее штакетник на кирпичных оштукатуренных столбах, вход располагался с северной стороны. У западной стены храма захоронения не производились, вдоль южной стены, судя по сохранившимся фотографиям начала XX в., располагались лишь отдельные надгробные памятники. Погребения на кладбище производились до конца 1920-х гг.

Во время исследовательско-реставрационных работ вокруг собора Рождества Богородицы в 1980–1990 гг. после срезки грунта до уровня, необходимого для устройства водоотвода вокруг собора, были обнаружены надгробные плиты и детали надгробий, которые устанавливались на новые основания [16]. В настоящее время насчитывается 73 учтенных объекта разной степени сохранности, в том числе: памятников с читаемым текстом – 4; памятников с утраченным текстом – 3; плит гладких – 15; плит с читаемым текстом – 11; плит с не читаемым текстом – 1; фрагментов плит с читаемым текстом – 4; фрагментов плит и деталей надгробий без текста – 30; остатков склепов – 6. К сожалению, атрибутированы только 19. По векам известные нам погребения на кладбище распределяются следующим образом: XVI – 1, XVII – 2, XVIII – 57, XIX – 132, XX – 34.

В общий список захороненных в обители включены 290 имен. Из них 226 – погребенных на кладбище, 64 – в соборе Рождества Богородицы. Всего оказались утраченными 236 надгробий известных нам захоронений. Кроме того, в соборе не атрибутировано одно погребение с утраченным текстом, на кладбище – 54 (фрагменты отдельных надгробий и остатки 9 склепов). К сожалению, соотнести эти захоронения с именованным списком не представляется возможным. Сведений, которыми мы располагаем, не достаточно для точной статистики погребенных в Антониевом монастыре. Приблизительную картину дают только данные XVIII–XX вв. Анализируя список известных нам имен погребенных в Антониевом монастыре по социальному статусу, мы приходим к следующему заключению. Священнослужителей в нем 66 человек (44 – на кладбище, 22 – в соборе Рождества Богородицы), причем 11 из них служили в Новгородской духовной семинарии. Лиц, имеющих отношение к духовной семинарии, в том числе воспитанников, преподавателей, прочих должностных лиц, не имеющих сана – 68 человек; здесь же хоронили вдов, жен и детей священнослужителей и детей преподавателей семинарии – соответственно 6 и 5 человек. Более половины списка – это жители Новгорода, не имеющие прямого отношения ни к монастырю, ни к семинарии. Среди них: 55 погребенных – официальные губернские должностные лица и члены их семей, в том числе: вице-губернаторы Н. С. Давыдов и А. П. Донауров; коллежский ассессор А. Я. Качев, полицмейстер Лулудаки, инспектор Новгородской врачебной управы Гриневский и др. Военных – 47, в том числе отставных, и членов их семей (некоторые из имеющих воинское звание занимали значительные посты в статской службе). Среди них: секунд-майор А. А. Дирин, генерал-майоры П. П. Донауров и А. Е. Карякин, капитан-лейтенант в отставке ассессор Ю. П. Свињин, контр-адмирал А. И. Толбугин. Знатными персонами (князьями, боярами, баронами, дворянами) были 54 человека. Купцов и членов их семей на кладбище монастыря погребено 22. Это именитые и уважаемые граждане, общественные деятели, меценаты: К. П. Зимин, А. Е. Останин, Д. В. Пирожников, отец и сын Пискулины, отец и сын Вороновы, Г. М. Сметанин и др.

В монастыре похоронены также четверо крестьян и двое мещан, вероятно, из служителей монастыря. О некоторых погребенных информации нет или приводятся сведения, не позволяющие определить, к какому социальному слою относился покойный, например: «девица», «младенец». В некоторых случаях кроме имени и дат рождения и смерти нет никаких данных. Таких имен в нашем списке 20. К сожалению, многие имена погребенных представлены не полностью. Надеемся, что дальнейшие разыскания помогут восполнить этот пробел.

Список литературы и источников

1. Житие преподобного Антония Римлянина // Православный собеседник. – 1858. – № 5. – С. 151–171 ; № 6. – С. 310–324.

2. Янин, В. Л. Грамоты Антония Римлянина и их датировки // Очерки комплексного источниковедения : средневековый Новгород : уч. пособие для исторических факультетов ун-тов / В. Л. Янин. – Москва : Высшая школа, 1977. – С. 58–59.

3. Макаров, Н. А. Камень Антония Римлянина / Н. А. Макаров // Новгородский исторический сборник. – Ленинград : [б. и.], 1984. – № 2 (12). – С. 203–209.

4. Орлов, С. Н. Археологические исследования на территории бывшего Антониева монастыря в Новгороде / С. Н. Орлов // Новгородский край : [материалы науч. конференции, посвящ. 50-летию археологических раскопок в Новгороде] / [сост. В. Ф. Андреев]. – Ленинград : Лениздат, 1984. – С. 152–156.

5. Гордиенко, Э. А. Великий Новгород / Э. А. Гордиенко. – Москва : Интербук-бизнес, 2005. – 245 с. ; Гордиенко, Э. А. Новгород в XVI веке и его духовная жизнь / Э. А. Гордиенко. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2001. – 466 с.

6. Секретарь, Л. А. Монастыри Великого Новгорода и окрестностей / Л. А. Секретарь. – Москва : Северный паломник, 2011. – 598 с. ; Секретарь, Л. А. Новгородская духовная семинария : история в лицах / Л. А. Секретарь. – Великий Новгород : НГУ, 2014. – 255 с. ; Секретарь, Л. А. Новгородский Антониев монастырь : исторические очерки / Л. А. Секретарь. – Великий Новгород : НГУ, 2016. – 338 с.

7. Сарабьянов, В. Д. Собор Рождества Богородицы Антониева монастыря в Новгороде / В. Д. Сарабьянов. – Санкт-Петербург : Северный паломник, 2002. – 80 с.

8. Штендер, Г. М. О формировании древнего архитектурного облика собора Антониева монастыря в Новгороде / Г. М. Штендер, В. М. Ковалева // Краткие сообщения Института археологии РАН. – Москва : Наука, 1982. – Вып. 171 : Славяно-русская археология. – С. 54–60.

9. История российской иерархии, / собранная Новгородской семинарии ректором и богословия учителем Антониева монастыря архимандритом Амвросием. В [6 ч.] Ч. 3. – Москва : Синодальная тип., 1811. – 761, V с.

10. Макарий, (Миролюбов), архим. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. [В 2 ч.] Ч. 1. / архимандрит Макарий (Миролюбов). – Москва : Тип. В. Готье, 1860. – С. 455–473.

11. Новгородский государственный объединенный музей-заповедник (НГОМЗ). ОПИ. КП. Ф. 34. Д. 3.

12. Государственный архив Новгородской области (ГАНО). Ф. 511. Оп. 1. Д. 1.

13. НГОМЗ. ОПИ. КП. ОР. № 30056–270 / КР 284.

14. НГОМЗ. ОПИ. КП. ОР. № 30056–263 / КР 277.

15. Пинкусова, Т. В. Плиты-надгробия XVII – начала XVIII в. в Антониевом монастыре / Т. В. Пинкусова // Ежегодник Новгородского гос. объединенного музея-заповедника, 2003. – Великий Новгород : НГОМЗ, 2004. – С. 88–94 ; Пинкусова, Т. В. Плиты–надгробия XVIII–XIX в. в соборе Рождества Богородицы Антониева монастыря / Т. В. Пинкусова // Ежегодник Новгородского гос. объединенного музея-заповедника, 2004. – Великий Новгород : НГОМЗ, 2005. – С. 59–66.

16. Красноречьев, Л. Е. Дневник исследований : Новгород. Собор Рождества Богородицы Антониева монастыря 1117–1119 гг., 1983 г. / Л. Е. Красноречьев // Новгородское научно-реставрационное управление. Р. 1601. Л. 36–37, 38 об.–39, 40 об.–41, 42–42 об.

КАЗАКИ В ЯРОСЛАВЛЕ В ЭПОХУ «СМУТНОГО ВРЕМЕНИ»

Статья посвящена исследованию причин и обстоятельств пребывания в Ярославле представителей казачества. Характеризуются политические симпатии представителей казачества, вопросы пополнения его рядов, роль казачества в развитии региона, отношение к нему местного населения.

Ключевые слова: Ярославль, казаки, казачество, боевые действия, Смутное время.

Актуальность настоящего исследования определяется практически полным отсутствием комплексных, обобщающих сочинений по аннотированной проблематике. *Хронологические рамки* – период «Смутного времени» – определяются объективным наличием представителей казачества в регионе. *Территориальные рамки исследования* включают город Ярославль и ярославский уезд. *Целью* настоящего исследования является изучение пребывания казаков в Ярославле в эпоху смуты, характера и направленности их пребывания в регионе. *Казачество* – активный участник событий «Смутного времени». Исследование вопросов его происхождения и эволюции не входит в рамки настоящего исследования. Казачество, участвовавшее в событиях «Смутного времени», условно можно разделить на следующие составляющие:

1. *Казачество российское.* В свою очередь может быть представлено:

– *казачеством Донским, Волжским, Уральским* (т.е. имеющим на момент активной фазы Смутного времени, с 1604 г., организационную войсковую структуру и указанном в источниках начала XVII в.); представлено, в основном, потомственными казаками или недавно принятыми в казачество до Смуты с соблюдением всех соответствующих традиций и требований;

– *казачеством русских территорий*, т.е. фактически уездов Русского государства; представлено, в основном, уроженцами Российских территорий из числа беглых крестьян, холопов и иного населения, не принадлежащего к потомственному казачеству.

2. *Казачество, находящееся в составе польских и литовских войск*. В свою очередь делится на:

– *потомственное казачество*, находящееся на службе Польской короне (т.е. те, кто впоследствии будет внесен в т.н. «реестр»); упоминаются в польских источниках, как и иные части, – под названием «хоругви» с указанием войскового начальника или региона;

– *казачество*, имеющее деление на сотни и находящееся в непосредственном управлении собственных начальников (полковников, атаманов и т.д.); в польских источниках указываются как «черкасы», «наши казаки» и просто «казаки».

Отдельно упоминаются *Запорожские казаки*, вероятно, в силу существующего войскового деления и традиций.

В 1601 г. в Речи Посполитой появился молодой человек, который объявил, что он является «чудесно спасшимся царевичем Димитрием». Получив военную, финансовую и дипломатическую поддержку Польской короны, католической церкви и крупных землевладельцев (магнатов) с отрядом в 4.000 человек в 1604 г. он переправился через реку Днепр в районе Чернигова и вступил в боевые столкновения с царскими воеводами. В составе его отряда, помимо польских шляхтичей и русских дворян-эмигрантов, были Запорожские и Донские казаки. Таким образом, Запорожские и Донские казаки с начала военных действий выступали в «Смутном времени» в армиях *обеих* противоборствующих сторон.

Первые сведения о пребывании казаков в Ярославле относятся к началу 1609 г. До этого времени в сохранившихся местных источниках упоминаний о казаках нет. В ряде источников акцент делается на пребывании в Ярославле пехотных соединений. Например, в «письме из Ярославля Тимофея Бьюгова к Я. П. Сапеге от ноября 1608 г.» говорится: «...октябрь в 30 день приехали в Ярославль Иван Волынской да Петр Головин с ротою с Литвою... а

мы приехали в Ярославль и ко кресту всякихъ людей за государя приводили и город ведали, и всякую расправу чинили...» [5]. Отчасти это предположение подтверждают исходящие из Ярославля документы, в которых в числе представителей местных служилых людей и руководства казаков не упоминают. Например, в письме из Ярославля воеводы князя Ф. П. Борятинского гетману Я. П. Сапеге от ноября 1608 г. сказано: «выбрали Ярославцы дворяне и дети боярския...»; в письме из Ярославля Ивана Волынского и П. Головина гетману Я. П. Сапеге от ноября 1608 г. также упомянуты: «ярославцы дворяне и дети боярские»; в «отписке из Нижнего Новгорода в Пермь о приходе в Ярославль отряда Лисовского от 1608 г.» говорится: «...пришел де и в Ярославль из воровских полков пан Лисовской, а с ним Литвы девять рот... и ратные люди пришед в Ярославль съ ярославцы посацкими людми Литву всех на голову врозь по двором пьяных спячих побили, а хотят, де, и государевы ратные люди с своим собранием на воров к Суздалию, и к Володимерю, и к Москве, иди вскоре...» [1, с. 205–206].

Следовательно, до ноября – декабря 1608 г. Ярославль сохранял и прежнюю управленческую структуру, и социальную организацию. Польские и литовские подразделения представлены пехотой, упоминаний о казаках нет. Непосредственное появление польских казаков в Ярославле и уезде произошло не ранее февраля – марта 1609 гг. Это событие было связано с объективной нехваткой у польского командования свободных войсковых резервов (легкой кавалерии в частности) для борьбы с повстанцами. (Бои в Верхнем Поволжье, осада Троице-Сергиевой Лавры и др.)

Появление в регионе русских (беглых, не потомственных) казаков относится к 1607–1608 гг. В условиях политической нестабильности правительство часто прибегало к привлечению на военную службу людей из областей, которые контролировало. Так попал в казачество уроженец города Ростова В. Е. Харин. Известно, что в 1607/1608 гг. правительство верстало в казаки жителей Ростовской земли. А. Л. Станиславский указывает, что «правительство Шуйского не только принимало на службу мятежных казаков, но и само производило наборы «охочих» казаков: в 1607 или

1608 г. «прибирал» казаков воевода царя Василия Г. Л. Валуев – именно тогда стал казаком ростовский крестьянин В. Е. Харин» [7]. Таким образом, косвенно само правительство и его вербовщики оказались причастны к формированию огромных отрядов «русских» казаков, ватаги которых через несколько лет превратятся в серьезную опасность для новой династии.

Появление в Ярославле Донских казаков относится к *апрелю 1609 г.* В «Отписке воеводы Н. Вышеславцева из Ярославля к Вологодским воеводе, дьяку, дворянам, детям боярским, гостям, посадским и уездным людям об освобождении Ярославля от польско-литовских захватчиков от 8 апреля 1609 г.» говорится: «в нынешнем, господине, 117 году апреля в 8 день Божию милостью и Пречистые Богородицы и великих чудотворцев московских и всея Руси... собрался с романовцы, и с ярославцы, и иных городов с дворяны, и з детьми боярскими и с казаки пришел к Ярославлю. И Литва, и черкасы, и казаки, и всякие воры...» [3].

В дневнике начала XVII в. от апреля 1609 г. указывается: «того же года 19 апреля. Изменил город Ярославль, и польские военные люди, бывшие там с Тышкевичем, были побиты в засеках, Тышкевич ушел лишь с десятком конных... Того же года 6 мая г. Будило с Микулинским, снявшись с Курбы под Ярославлем, пришли к Ярославлю... Так как здесь трудна была переправа, то наши, оставив там Азона-Турка с ярославскими и романовскими татарами и с донскими казаками, которым поручили развлекать русских на этом месте...» [4].

В источниках о боевых столкновениях в Верхнем Поволжье часто упоминаются «запорожские казаки», «черкасы» и «донские казаки», воюющие в армиях обеих сторон. Казаки, таким образом, активно участвуют в боевых столкновениях в Верхнем Поволжье и уже достаточно широко представлены в регионе. В частности, они участвовали и в защите Ярославля, и в нападении на город. В феврале – марте 1611 г. было сформировано Первое ополчение. В его состав вошли многие «тушинцы»: бояре, дворяне и казаки. С этого времени, как полагает А. И. Станиславский, можно констатировать раскол в рядах казачества. Украинские казаки (запорожцы и черкасы)

остались в составе польских частей, а русские (донские, городовые, вольные и др.) стали переходить в лагерь патриотических сил. Первому ополчению не удалось освободить столицу, и после убийства 22 июля 1611 г. на круге Донских казаков одного из вождей, Прокопия Ляпунова, ополчение распалось.

Осенью 1611 г. в Нижнем Новгороде было создано Второе ополчение. Его возглавили князь Дмитрий Пожарский и выборный человек Кузьма Минин. В 1612 г. ополчение выступило в поход и некоторое время находилось в Ярославле. В составе ополчения находилось значительное число казаков, которые были размещены в особом лагере, получившем название «Таборы». Все казаки, находящиеся в составе ополчения, получили в Ярославле «корма», т.е. жалование. Кроме «кормов» казакам были даны «прибавки» к окладам [7]. «Деньги за службу казаки получали... в марте 1611 г. еще в период организации ополчения, в Ярославле было выдано жалованье нескольким сотням казаков и стрельцов» [6, с. 37–38].

Этот факт заслуживает особого внимания потому, что казаки очень давно не получали жалование, а также потому, что факт щедрых выплат означал не только своеобразный аванс перед предстоящими боями, но и начало нового отношения к казакам, которых многие воспринимали как одних из виновников «Смуты». Так, еще при Первом ополчении был принят «Приговор Всей Земли». В «Приговоре...» указывалось, что казаками являются только те, *кто был казаком до «смутного времени»*, а остальные подлежали возвращению в свое прежнее состояние. Воспользовавшись этим, дворяне стали убивать казаков, что и стало одной из причин вызова на круг П. Ляпунова и его гибели.

Размер «кормов» для казаков и атаманов известен. В 1610–1611 гг. Соловецкий монастырь принял на службу 70 «ратных» казаков, в месяц каждый казак получал 20 алтын с гривной [6, с. 31]. Содержание казаков было довольно обременительным делом, и многие пытались освободиться от подобной «чести». Так, в июле 1613 г. в Ярославль была послана грамота «по челобитью князь Иванова человека Ростовского Гришки Колокольцова о казатцких кормех» [6, с. 37–38]. Поскольку во время пребывания Второго

ополчения в Ярославле казаков было очень много, и далеко не все они придерживались патриотических взглядов, сам факт прибытия казака в Ярославль рассматривался как переход на сторону законного правительства и, возможно, как амнистия за прошлые деяния. Один из казаков Б. Карпов показал на допросе: «и как Московское государство от литовских людей очистилось, и я... от казачества отстал и сшел в Ярославль» [6, с. 82].

В 1612 г. Верхнее Поволжье превратилось в арену жестоких боев, которые затронули целый ряд городов и уездов. Так, казаки Ивана Заруцкого опустошили окрестности Переславля-Залесского. Кроме так называемых «войсковых операций» казаки занимались разбоем и грабежом местного населения. О множественности случаев грабежа может свидетельствовать целый ряд известий такого рода. Например, 4 ноября 1612 г. казаки станицы Ивана Алексеева разграбили ярославскую усадьбу князя Л. О. Щербатого в селе Никольское Слободище [2].

Несмотря на избрание в январе 1613 г. на Земском Соборе новым царем Михаила Федоровича (Романова), значительные районы Верхнего Поволжья правительством не контролировались. Здесь хозяйничали отряды казаков и шайки разбойников. 17 июня 1614 г. казаки выжгли и разграбили Костромской и Романовский уезды и перебили местных жителей. В переписных книгах того времени часто встречаются такие записи: «деревня Сулова сожжена от казаков... 12 дворов пустых... и те крестьяне от казаков пожжены и посечены... деревня Рожково, казаки сожгли... пуста...» [7]. На протяжении 1615 г. продолжались столкновения казаков и правительственных войск на землях Каргопольского, Белозерского, Пошехонского, Угличского и др. уездов. Здесь правительственным войскам приходилось не только вступать в боевое соприкосновение с казаками, но и штурмовать казачьи остроги. А. Л. Станиславский пишет о том, что часто правительственные войска сжигали казаков в этих острогах заживо. Как это произошло, например, 12 апреля в Угличской волости, Железной Дубровке. Здесь находилось около 500 русских и украинских казаков атаманов Бориса Юмина и Андрея Кольшкина. Оставшиеся после разгрома отряда князя И. Ухтомского

они заперлись в остроге, находившемся в 10 верстах от места боя, в котором и были сожжены [6, с. 135]. Разбои продолжались в регионе и значительно позднее. В ноябре 1618 г. воеводы А. Вельяминов и И. Опухтин отбили последнее нападение на Переславль. Его совершили черкасы полковника Чаплинского, а в 1621 г. казаки разграбили крупный обоз на реке Дубне между Переяславлем и Троице-Сергиевым монастырем.

После длительных и кровопролитных боев казаки были рассеяны и постепенно вытеснены из Верхневолжских уездов. Казачья вольница «откатилась» на юг. Однако прямым следствием ее пребывания здесь стали разорение многих деревень, запустение земель и тяжелый голод, поскольку многочисленные казачьи отряды практически полностью уничтожили в регионе хлебные житницы. Пик голода в Верхнем Поволжье пришелся на 1616–1617 гг.

Список литературы и источников

1. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской Академии наук. Т. 2. Док. № 104. – Санкт-Петербург : Тип. Второго отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1836. – 413 с.

2. Акты Московского Симонова монастыря / сост. Л. И. Ивина. – Ленинград : Наука, 1983. – С. 284.

3. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 199. Портфели Миллера. Портфель 133. Ч. 1. Л. 128–128об.

4. Русская историческая библиотека / издаваемая Археографическою комиссиею. – Санкт-Петербург : Печатня В. И. Головина, 1872. – Т. 1. – С. 151–155.

5. Сборник князя Хилкова : [документы по истории России XVI–XVII вв.] / [кн. Григорий Хилков]. – Санкт-Петербург : Тип. братьев Пантелеевых, 1879. – С. 17–18.

6. Станиславский, А. Л. Гражданская война в России в XVII веке : казачество на переломе истории / А. Л. Станиславский. – Москва : Мысль, 1990. – 269, [3] с. : ил.

7. Станиславский, А. Л. Грамотка служилого иноземца 1614 г. / А. Л. Станиславский // Советские архивы. – 1979. – № 2. – С. 67.

**«ЯРОСЛАВСКИЕ ЕПАРХИАЛЬНЫЕ ВЕДОМОСТИ»
(1860–1917)
КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
ЯРОСЛАВСКОГО КРАЯ**

Рассматривается вклад дореволюционных «Ярославских епархиальных ведомостей» в изучение вопросов библиотечного и книжного дела, историко-культурного краеведения, в духовное просвещение народа.

Ключевые слова: библиотеки, книжное дело, краеведение, история периодической печати.

16 апреля 1860 г. в Ярославле, благодаря деятельной инициативе замечательного духовного писателя, ученого и миссионера – архиепископа Нила (Исаковича Н. Ф.), начали выходить «Ярославские епархиальные ведомости». Они стали первым опытом издания епархиальных ведомостей в истории русской периодической печати. Ныне для любого исследователя – это один из важнейших источников по дореволюционной истории Ярославского края. «Ярославские епархиальные ведомости» состояли из двух частей: официальной и неофициальной. В отдельных разделах официальной части печатались рескрипты, правительственные распоряжения, манифесты, указы, повеления императора, определения Синода и его обер-прокурора, распоряжения епархиального начальства, объявления и отчеты по Ярославской епархии и др. Однако наиболее привлекательной для многих читателей стала неофициальная часть, соединившая не только проповеди, речи, беседы, апологетические и катехизические тексты, изложения житий ярославско-ростовских святых, но и серьезные научные работы, просветительно-популяризаторские материалы и литературно-художественные произведения. При этом отраслевая принадлежность и тематика публиковавшихся здесь научных и популярных статей с самого начала была самой разнообразной:

биология, медицина, этнография, статистика, история России и зарубежных стран, вопросы пчеловодства, деятельность миссионеров, история старообрядчества и различных сектантских учений, вопросы архитектуры и многое другое. На страницах неофициальной части можно встретить и немало публикаций, посвященных сложным вопросам нравственного воспитания подрастающего поколения, методике преподавания в духовных училищах и народно-приходских школах, деятельности выдающихся преподавателей из среды ярославского духовенства, открытию новых школ, приютов и т.д. [1, 2, 3, 4, 5]. Отдел «Вопросы и случаи из жизни и практики приходского духовенства» содержал различные полезные советы, как поступать в том или ином непредвиденном случае, с которыми нередко приходилось сталкиваться священникам в своем общении с прихожанами. Из литературно-художественных и литературоведческих материалов регулярно печатались небольшие рассказы, очерки и стихотворения, обзоры духовной и светской литературы, статьи о творчестве писателей. Так, в связи с общенародным торжеством по случаю открытия памятника А. С. Пушкину в Москве на страницах «Ярославских епархиальных ведомостей» появилась статья «По поводу Пушкинского праздника» – очень яркая публикация, рассматривавшая роль Пушкина в развитии общественного самосознания [6]. В юбилейный 1899 г. целый выпуск неофициальной части ведомостей был целиком посвящен празднованию столетия со дня рождения великого поэта [7].

С самого начала определяющим для общего направления «Ярославских епархиальных ведомостей» стало то обстоятельство, что редактором этого журнала архиепископ Нил назначил не просто чиновника духовного ведомства (как это нередко бывало потом в других епархиях), а талантливейшего ярославского ученого-краеведа и публициста Аполлинария Платоновича Крылова (1834–1912). Под его руководством в самое короткое время издание стало популярно не только в среде местного духовенства, но и в самых широких кругах историков Ярославской губернии, этнографов, библиофилов, литераторов и просто любознательных читателей. Позднее, после ухода А. П. Крылова, в разные годы журнал возглавляли такие

замечательные местные историки и книголюбцы как Н. Н. Корсунский, М. П. Троицкий и др. В качестве авторов выступали не только представители ученого духовенства, но и историки, археографы, этнографы, журналисты, литераторы, не принадлежавшие к духовному сословию, например, В. И. Лествицын, Л. Н. Трефолев, А. А. Титов, И. А. Тихомиров и др. И поэтому закономерно, что с первых же номеров существования издания здесь печатались интересные историко-краеведческие исследования. Постоянная их публикация стала доброй традицией духовного журнала на протяжении многих лет издания. Автором краеведческих материалов в епархиальных ведомостях был и сам их основатель – ярославский архиепископ Нил [8, 9].

Характерной особенностью «Ярославских епархиальных ведомостей» с первого же периода их существования стало и большое внимание редакции к вопросам развития местных епархиальных библиотек (комплектование, обслуживание читателей и др.), к проблемам издания и распространения духовно-нравственных книг для народа [10, 11, 12]. Этот богатейший материал по истории книги и библиотечного дела хранит много замечательного для современного исследователя. В первом же номере за 1861 г. «Ярославских епархиальных ведомостей» была опубликована интересная статья «О распространении грамотности в пределах ярославской паствы», где, в частности, говорилось: «Ярославская паства, сравнительно с другими, довольно богата грамотеями из простого народа, и к чести здешнего духовенства должно сказать, что оно всегда принимало живое участие в деле распространения грамотности» [13].

В нескольких январских номерах ведомостей за 1862 г. печаталась обстоятельная статья «Ученическая библиотека при Ярославской Духовной семинарии» [10]. В статье, появившейся без подписи, подробно рассматривалось значение библиотеки для нормального функционирования духовного учебного заведения. Каковы же были принципы комплектования и обслуживания в этой библиотеке? Как следует из статьи, фонд библиотеки Ярославской духовной семинарии в тот период был очень универсален и

многообразен, что являлось хорошо продуманной политикой руководства учебного заведения. Безусловно, преимущественно приобретались труды богословского характера, но выписывались книги и по различным отделам светских наук. С 1859 г. начали выписываться в библиотеку некоторые светские периодические издания. С 1860 г. уже выписываются почти все лучшие периодические издания, как духовные, так и светские. С этого же года библиотека пополняется лучшими сочинениями по всем отраслям светских наук. Особенно хорошо фонд был укомплектован трудами по философии, истории, экономике, художественной литературе, литературной критике, изобразительному искусству. Библиотека предоставляла семинаристам произведения Платона, Сократа, Гегеля, Шеллинга, труды по политической экономии Д. С. Милля, работы крупных русских и зарубежных историков: Л. А. Тьера, Т. Б. Маколея, Г. Т. Бокля, Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева, М. П. Погодина, Н. М. Костомарова и др. В фонде библиотеки имелись издания художественных произведений Гомера, Горация, Данте, Ф. Шиллера, М. В. Ломоносова, А. Ф. Мерзлякова, Г. Р. Державина, В. А. Жуковского, А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, С. Т. Аксакова, А. В. Кольцова и др. Филологические труды были представлены работами И. И. Срезневского, С. П. Шевырева, Н. И. Греча. Довольно хорошо библиотека была укомплектована произведениями выдающегося русского критика В. Г. Белинского. Все книги выдавались учащимся свободно и отражались в алфавитном каталоге. Чем определялась подобная система комплектования? В статье находим следующий ответ: «Разнообразные и вполне достаточные пособия существуют в библиотеке учеников Ярославской семинарии для удовлетворения пробужденных потребностей к собственному развитию. И надобно заметить, что все указанные книги и многие не указанные находятся постоянно в ходу между учениками» [14, с. 23]. В статье священника Александра Мизерова рассказывалось о работе приходской библиотеки в селе Ракобол Пошехонского уезда [11]. Она была учреждена с дозволения епархиального начальства в 1867 г. и помещалась в доме местного священника. Как следует из статьи, в

течение 1867 г. в новую библиотеку записалось 22 читателя. Книги выдавались на дом бесплатно по их собственному выбору, с соблюдением только предосторожностей на случай утраты. Число выданных книг за это время – 128. «Самая счастливая доля падает на жития святых, проповеди Родиона Путятина, «Книгу для чтения» Паульсона и на текущие периодические издания» [11, с. 21]. В будущем планировалось и проведение коллективных обсуждений прочитанных книг. В журнале регулярно рассказывалось и о редких рукописях, хранившихся в библиотеках русских монастырей [15], печатались исследования, посвященные изучению уникальных исторических документов – жалованных грамот, духовных завещаний, указов, распоряжений и др., связанных с историческим прошлым Ярославского края [16]. В «Ярославских епархиальных ведомостях» можно встретить и большие интересные публикации, посвященные вопросам развития церковных библиотек в целом и организации чтения простого народа. В этом отношении показательна статья «О церковных библиотеках при сельских храмах» [17]. В ней содержалось много глубоких мыслей о важной роли библиотеки в жизни русской деревни, о том, что хорошую книгу ничем не заменишь в деле нравственного возрождения народа, о печальных последствиях недопонимания этого со стороны епархиальных чиновников и церковных старост. «Духовно-нравственная, добрая и разумная книга, взятая крестьянином из церковной библиотеки, принесет несомненную пользу – она утолит духовную жажду простолюдина здоровой, чистой водой, прольет много свету в его темную, убогую жизнь, научит его многому полезному и довершит начатое школой дело просвещения народа в духе церкви... При наблюдающемся чрезвычайно быстром развитии сети школ, при числе учащихся в них уже близком к десяти миллионам человек, вопрос об обеспечении деревни полезной книгой имеет громадное общественное и даже государственное значение, поэтому для духовенства не может быть безразлично, что читает теперь наш народ, тем более, что по этому чтению в значительной степени строится все миросозерцание граждан весьма близкого к нам будущего» [17, с. 862].

Неоднократно обращался журнал и к вопросам истории и современного состояния периодической печати [18, 19, 20, 21]. В своей «Заметке о первом провинциальном журнале «Уединенный Пошехонец»» известный ярославский поэт и публицист Л. Н. Трефолов отмечал: «Ярославль может гордиться, как родина русского театра. Это – факт общеизвестный. Но едва ли многие знают, что Ярославлю принадлежит другая честь, другая заслуга, хотя и менее важная, чем первая, однако все-таки заслуга почтенная пред отечеством. Разумею издание здесь, в Ярославле, первого (по времени) русского провинциального журнала «Уединенный Пошехонец», основанного при Екатерине II, в 1786 г. Ярославль, первый из русских провинциальных городов, получил возможность иметь свой печатный орган» [18, с. 331].

На страницах издания широко использовались методы рекомендательной библиографии. Так, к юбилею Отечественной войны 1812 г. журнал публикует аннотированные списки книг, выпущенных в продажу к столетию великой победы над Наполеоном [22]. Регулярно печатались объявления о выходе новых духовно-просветительных журналов с подробными характеристиками их программ, обстоятельные обзоры содержания очередных выпусков выходивших тогда в России церковных журналов. Давались библиографические рецензии на книги. Существовала даже специальная рубрика – «Лучшие книги».

Дореволюционные «Ярославские епархиальные ведомости» прекратили свое существование в конце 1917 г., в условиях экономической разрухи и стремительно надвигавшейся гражданской войны.

Список литературы

1. П. Ж. Открытие народного училища в селе Спасском на Элноти, Любимского уезда (корреспонденция) / П. Ж. // Ярославские епархиальные ведомости : еженедельное издание. Часть неофиц. – 1868. – № 3. – С. 19–20.
2. Программа преподавания предметов в сельских начальных народных училищах // Ярославские епархиальные ведомости. Часть неофиц. – 1870. – № 22. – С. 188–191.
3. Училища в Америке // Ярославские епархиальные ведомости. Часть неофиц. – 1870. – № 27. – С. 230–231.
4. Замечательный народный учитель // Ярославские епархиальные ведомости. Часть неофиц. – 1870. – № 31. – С. 262–263.
5. Очевидец. Заметка для педагогов / Очевидец // Ярославские епархиальные ведомости. Часть неофиц. – 1870. – № 33. – С. 279–280.
6. По поводу Пушкинского праздника // Ярославские епархиальные ведомости. Часть неофиц. – 1880. – № 25. – С. 195–198.
7. Ярославские епархиальные ведомости. Часть неофиц. – 1899. – № 22.
8. Ярославский Спасо-Преображенский монастырь, что ныне Архиерейский дом : очерк обители // Ярославские епархиальные ведомости. Часть неофиц. – 1861. – № 1. – С. 7–10.
9. Из путевых записок Преосвященного архиепископа Нила : путь от Вятки до Иркутска // Ярославские епархиальные ведомости. Часть неофиц. – 1868, 1869, 1870, 1871. – № 1–52.
10. Ученическая библиотека при Ярославской духовной семинарии // Ярославские епархиальные ведомости. Часть неофиц. – 1862. – № 1. – С. 10–12 ; № 2. – С. 21–24 ; № 3. – С. 32–34.
11. Мизеров, А. Приходская библиотека в селе Ракобол / А. Мизеров // Ярославские епархиальные ведомости. Часть неофиц. – 1868. – № 3. – С. 21–22.
12. Относительно распространения и продажи в епархиях книг, печатаемых в Синодальных типографиях // Ярославские епархиальные ведомости. Часть офиц. – 1861. – № 1. – С. 2–3.

13. Ярославские епархиальные ведомости. Часть неофиц. – 1861. – № 1. – С. 6.

14. Ученическая библиотека при Ярославской духовной семинарии... // Ярославские епархиальные ведомости. Часть неофиц. – 1862. – № 2. – С. 23.

15. См. например: Ярославские епархиальные ведомости. Часть неофиц. – 1913. – № 18. – С. 349–358.

16. См. например: Орлов, У. Грамота, данная на построение города Любима царем Иоанном Васильевичем в 1538 году / У. Орлов // Ярославские епархиальные ведомости. Часть неофиц. – 1880. – № 21. – С. 162–163.

17. О церковных библиотеках при сельских храмах // Ярославские епархиальные ведомости. Часть неофиц. – 1913. – № 43. – С. 858–863.

18. Трефолев, Л. Заметка о первом провинциальном журнале «Уединенный Пошехонец» / Л. Н. Трефолев // Ярославские епархиальные ведомости. Часть неофиц. – 1882. – № 41. – С. 331–332.

19. Трефолев, Л. Заметка о первом провинциальном журнале «Уединенный Пошехонец» (окончание) / Л. Н. Трефолев // Ярославские епархиальные ведомости. Часть неофиц. – 1882. – № 42. – С. 338–340.

20. Число газет во всем мире // Ярославские епархиальные ведомости. Часть неофиц. – 1882. – № 7. – С. 56.

21. Петропавловский, А. Какую газету выписывать православному русскому духовенству? / А. Петропавловский // Ярославские епархиальные ведомости. Часть неофиц. – 1913. – № 42. – С. 851–852.

22. К юбилею Отечественной войны // Ярославские епархиальные ведомости. Часть неофиц. – 1912. – № 21. – С. 1–2.

ОБРАЗОВАНИЕ И ДУХОВНОЕ СОСТОЯНИЕ ОБЩЕСТВА В ЧЕРЕПОВЕЦКОМ УЕЗДЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Сделана попытка выявить тенденции, связанные с развитием просвещения в Череповецком уезде в конце XIX – начале XX вв., с другой стороны – с глубокими изменениями в духовном состоянии народа накануне 1917 г. К исследованию привлечены свидетельства современников, статистические данные, архивные материалы.

Ключевые слова: Череповецкий уезд, образование, просвещение, учебные заведения, духовная жизнь, обмирщение христианского сознания, революция.

Изучение взаимосвязи духовности и образования относится к важнейшим направлениям в изучении жизнедеятельности общества. В научной литературе существует точка зрения, что образовательная система определяет степень распространения духовных ценностей, а образование является показателем развития государства. История развития образования в России исследована достаточно, но проблемы, связанные с духовной жизнью общества, освещены крайне противоречиво. Само определение духовности в интерпретации представителей различных религий и атеистов коренным образом отличается. Даже среди христиан, исповедующих Православие, Католичество и Протестантизм понимание духовности различно. Кроме того, духовность, внутреннее состояние человеческой души не всегда отражается в документах.

Трагические события российской истории XX в. заставляют выявить важнейшие факторы, которые были в их основе. Как известно, народ, который не осознал своих бедствий, не минует их в будущем. Факт остается фактом: Октябрьская революция совершилась по причине вовлечения в процесс широких масс населения Российской империи, в том числе – в провинции. Без глубинных изменений в духовном состоянии народа революция была бы невозможна.

В XIX в. Череповецкий уезд, включавший 32 волости, по площади (149,5 кв. миль) почти равнялся королевству Черногории. Население его быстро росло: по переписи 1897 г. в нем проживало 160.000 чел., в 1911 г. – 175.196 чел. В 1897 г. в самом Череповце числилось 7.000 чел., а на 1 января 1911 г. – 9.400. Плотность населения была высока: 24 чел. на кв. версту (по Новгородской губернии – 15 чел. на кв. версту) [8, с. 6–7].

Подъему благосостояния города способствовало создание Мариинской водной системы в 1810 г. В уезде строятся десятки церквей и светских зданий. Череповец был редким примером города, в застройке которого ведущее значение имели здания «кирпичного стиля», сложившегося в 60–70-х гг. XIX в. В начале XX в. из 140 храмов уезда около 2/3 были возведены из камня. В пределах нынешнего Череповецкого района и его окрестностей находилось 29 монастырей и 3 скита – примерно 1/5 часть монастырей Вологодской области [9, с. 4].

Леушинский Иоанно-Предтеченский женский монастырь, возведенный в конце XIX в., был одним из крупнейших в России. Здесь часто бывал св. Иоанн Кронштадтский: его духовным чадом была игумения Таисия [1]. Именно он в 1905 г. освятил часовню свт. Николая на станции Череповец. Размах деятельности игумении Таисии удивителен: она основала подворья Леушинского монастыря в Санкт-Петербурге, Рыбинске и Череповце, ряд монастырей был основан и возобновлен при ее участии, в том числе и святыня Русского Севера – Ферапонтов монастырь с фресками Дионисия (1904). При Леушинском монастыре игумения организовала одноклассную, двухклассную образцовую и учительскую женскую школы. Библиотека монастыря насчитывала 219 экз. богослужебных и 929 экз. книг для чтения [7, с. 96]. Сестры Леушинского монастыря обучались в Академии художеств в Санкт-Петербурге, писали иконы для монастыря и его подворий. Ими создана икона «Аз есмь с вами и никтоже на вы», прославленная чудесами. В Ферапонтове игумения Таисия открыла курсы рукоделия и школу. Для обучения хора она пригласила оперного певца М. А. Гольтисона. Выпускницей Леушинской школы была Анна Демидова, разделившая трагическую участь Царской семьи.

За период деятельности И. А. Милютин (городской голова в 1861–1907 гг.) в Череповце открылось 7 учебных заведений и музеев, один из старейших в России. Е. В. Барсов подарил городу свою коллекцию. В 1872 г. в Череповце создана первая библиотека (фонд около 160 книг, а к концу XIX в. – около 6.000 томов). При Милютине появились книжный магазин, аптека, типография, дом трудолюбия, завершена церковь Благовещения. В 1905 г. через Череповец прошла Северная железная дорога. В городе возник симфонический оркестр, музыкально-драматический кружок, в 1914 г. было заложено здание театра.

В 1911 г. в Череповце находилось 19 учебных заведений, среди них – реальное училище, женская гимназия, техническое училище, женское училище, учительская семинария, городское ремесленное училище [8, с. 3]. Город был уникален: каждый пятый житель его был учащимся (их число со 110 в 1861 г. возросло до 2.115 чел. в 1913 г.). Молодежь всей Новгородской губернии здесь получала образование. Такое обилие учебных заведений в уездном городе было удивительно, Череповец даже прослыл «русским Гейдельбергом» и «русскими Афинами». В уезде стремительно возрастает количество церковно-приходских школ (с 1 в 1881 г. до 71 в начале XX в.) и школ грамоты (25). К концу XIX в. открылись 102 земские школы (около 5.000 чел.) и 2 школы Министерства просвещения. В школах и училищах уделялось внимание музыке. В реальном училище Ф. Н. Лаговской создал симфонический оркестр и хоровой кружок. Пению обучали в учительской семинарии и в женском училище. С 1905 г. в женской гимназии преподавались танцы и пение, а в Леушинской учительской школе – пение и музыка. В дело образования внесли большой вклад председатель уездного отделения Епархиального училищного совета протоиерей Евлампий Приоров, священник Воскресенского собора Н. Хильтов, законоучитель реального училища М. Ильинский, директор реального училища князь Б. А. Тенишев и директор учительской семинарии П. Т. Виноградов [10, с. 96].

Художественная жизнь в Череповецком уезде была связана с украшением многочисленных церквей. На селе создавались грандиозные храмовые росписи в духе академизма. Нам известны

лишь некоторые имена художников. В с. Курилово творил иконописец Богданов, а известный художник А. И. Леонов расписал целый ряд церквей уезда.

Однако на фоне стремительного развития учебных заведений в Череповец проникает народничество (первый кружок возник в 70-х гг. XIX в.), затем марксизм. Н. Рысаков, один из убийц Александра II, закончил Череповецкое реальное училище. Активную роль в распространении вольнодумства играли учителя. В 1884 г. череповецкий Окружной суд завел дело о 6 учителях, которые подстрекали крестьян не платить подати, не посещали церковь, вели себя крайне неприлично. Дурной пример подавал даже председатель Череповецкой земской управы Н. Ф. Румянцев. Дела были столь серьезны, что губернатор А. Н. Мосолов предпринял ревизию уезда. В донесении министру внутренних дел он отмечал, что большое число земских учителей допускает глумление над религией и духовенством, а Череповец, из-за наличия в нем разных учреждений и учебных заведений, является центром «разнузданной интеллигенции с грубыми нравами и с самым враждебным к Правительству настроением». Работу земской управы приостановили на 3 года, а ее деятелей выслали в Архангельскую губернию. Подобного в России еще не случалось [5].

В будущем ситуация усугубилась. Преподаватели учительской семинарии, директором которой в 1885–1894 гг. был Б. И. Сциборский (друг Н. А. Добролюбова и корреспондент Н. Г. Чернышевского), негативно влияли на учащихся. Около 1898 г. там возник кружок с антирелигиозной и антиправительственной направленностью. В городе под подозрением было 85 учителей.

Исповедные росписи Череповецкого Воскресенского собора свидетельствуют о важных тенденциях, формировавшихся в духовной сфере населения. Если в 1831 г. из 1.335 прихожан «за нерачением» не приступали к Таинству исповеди только 142 чел., то в 1850 г. исповедовалось и причастилось лишь 717 (45%) чел., не исповедовалось 845 (55%) лиц обоего пола (среди крестьян – более 70%) [2, д. 5, л. 3–26].

В 1891 г. епископ Старорусский Антоний, проверявший в Череповецком уезде состояние церквей, причтов и приходов, в

докладе митрополиту Исидору отмечал, что среди населения заметны вольномыслие, грубость и «незаботливое отношение к делу исповеди и Святого Причастия». Викарий надеялся, что благочестивые выпускницы школы при Леушинской обители будут нужны «вольномыслящему и грубому» Череповецкому краю [3, с. 241–242]. Эти слова созвучны высказыванию архиепископа Новгородского и Старорусского Арсения, который в 1914 г. освящал в Череповце церковь свт. Николая и заметил, что в городе нет подобающего религиозного духа и мало храмов Божиих [9, с. 49]. Хотя в Череповце было 11 церквей и 3 часовни на 10.000 человек.

В материалах, собранных «Этнографическим бюро» князя В. Н. Тенишева на рубеже XIX–XX вв., есть данные, что в Череповецком уезде население регулярно посещает Церковь, соблюдает Праздники, читает Евангелие, ходит на богомолье в монастыри. При школах есть библиотеки, проводятся публичные чтения. Ряд крестьян имеет значительное число книг. Правда, драки и пьянство, порой, происходят в Праздники, а в храме не заметно благоговения [6, с. 196].

Итак, во второй половине XIX – начале XX вв. в Череповецком уезде четко обозначаются две противоположные тенденции: активно возводились храмы, быстро развивалась сфера образования и культуры, в то же время угрожающими темпами прогрессировало равнодушие к духовной жизни, к вере в Бога, которую подменили обрядностью. Происходило обмирщение христианского сознания.

Накануне 1917 г., когда казалось, что «ад прямо из середины земли выплеснулся на поверхность», в России – стране, где было множество храмов, монастырей, учебных заведений – наблюдался небывалый спад духовной жизни. Студенты Санкт-Петербургской духовной семинарии, например, устроили настоящий бунт. Как ни парадоксально это звучит, революция вышла из семинарии, а «просвещенная» интеллигенция была проводником безбожных идей. Св. Иоанн Кронштадтский с горечью писал, что если безбожники и анархисты не будут подвержены каре закона, и если Россия не очистится от множества плевел, то она опустеет, за свои безбожие и беззакония [4].

На основе источников, связанных с историей развития системы образования в Череповецком уезде в XIX – начале XX вв., можно утверждать, что при нарушении важнейших духовных законов развития общества образование является инструментом разрушения, а не созидания, способствует регрессу и деградации.

Список литературы

1. Игуменья Таисия Леушинская. Келейные записки / Игуменья Таисия Леушинская. – Санкт-Петербург : Леушинское подворье, 2012. – 208 с.
2. Исповедные росписи Воскресенского собора с 1831 года по 1851 год // Научный архив Череповецкого музейного объединения. Ф. 8. Оп. 24.
3. Новгородские епархиальные ведомости. – 1892. – № 9.
4. Осипов, А. И. Революция вышла из семинарии [Электронный ресурс] / А. И. Осипов. – URL : <http://www.pravoslavie.ru/106831.html>.
5. Риммер, Э. П. И. А. Милютин и экстренная правительственная мера по отношению к череповецкому земству // Милютинские чтения. Череповец : прошлое, настоящее, будущее : сб. науч. ст. – Череповец : Изд. дом «Череповець», 2004. – 99 с.
6. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы : материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 7. Новгородская губерния. Ч. 2. Череповецкий уезд / сост. : И. И. Шангина, Т. А. Зимица. – Санкт-Петербург : Деловая полиграфия, 2009. – 624 с. : ил.
7. Снитко, О. В. История Леушинского Иоанно-Предтеченского монастыря в документах Новгородского исторического архива / О. В. Снитко // Вестник ПСТГУ. – 2004. – № 3. – С. 177–205.
8. Список населенных мест Новгородской губернии. Вып. 9. Череповецкий уезд / под. ред. С. Р. Минцлова. – Новгород : Губернская типогр., 1912. – 149 с.
9. Череповецкая Фиваида / авт.-сост. М. Мальцев. – Санкт-Петербург : Русская Фиваида, 2010. – Ч. 2. – 92 с.
10. Шалашов, Е. В. Очерки по истории Череповецкого Воскресенского собора 1780–1961 годы / Е. В. Шалашов ; ред. Е. Булатова. – Череповец : Изд. дом «Череповець», 2007. – 148 с. : ил., портр.

К. Ф. НЕКРАСОВ – КОЛЛЕКЦИОНЕР ДРЕВНЕРУССКОГО И ВОСТОЧНОГО ИСКУССТВА

Государственный музей Востока, что находится в Москве, на Арбате, 30 октября 2018 г. будет отмечать 100-летие. Как удалось недавно установить, Ярославль имеет к этой дате самое непосредственное отношение: в основу Музея Востока в далеком 1918 г. легла коллекция ярославца Константина Федоровича Некрасова.

Ключевые слова: К. Ф. Некрасов, коллекционирование, искусство Востока, древнерусское искусство, журнал «София».

Константин Федорович Некрасов, племянник поэта Николая Алексеевича Некрасова, личность незаурядная и многогранная. Яркий общественный и политический деятель, увлекающийся книгоиздатель и страстный коллекционер. Если о его политической и издательской деятельности достаточно известно [1], то об увлечениях Константина Некрасова как собирателя древностей и коллекционера до недавнего времени практически ничего не было известно даже специалистам. Почему? Ответ простой. Время было такое, и политическая обстановка в стране. Вовсе не стоило афишировать, что до октября 1917 г. ты открывал галерею древнерусского искусства, ездил на раскопки в Персию, и уж тем более стоило молчать о своей коллекции восточного искусства. Судьба всех коллекционеров в молодой Советской республике складывалась незавидно. Поэтому Некрасов и молчал, и ни в одной анкете, ни в одном личном документе нет упоминаний о том, что он обладал коллекцией древнерусских икон, коллекцией персидского фарфора, посуды, изразцов, рукописей, китайской миниатюры.

От иконописи к Востоку

Константин Федорович Некрасов родился в 1873 г. в Карабихе, куда вернулся после не очень удачной учебы в Московском

кадетском корпусе. Сначала он увлекся политикой, и как активный деятель ярославского отделения партии кадетов был избран депутатом I Государственной думы. Депутатская деятельность для Некрасова закончилась трехмесячным тюремным заключением, которое он вместе с другим депутатом-ярославцем отбывал в ярославской тюрьме Коровники летом 1908 г. Выйдя на свободу, Некрасов в 1909 г. учреждает газету «Голос», а в 1911 г. открывает свое книгоиздательство, которое просуществовало до 1916 г. и оставило яркий след в русской культуре начала XX в. С издательством Некрасова сотрудничали едва ли не все известные поэты и писатели Серебряного века.

В 1911–1913 гг. в русском обществе вспыхнул интерес к русской иконе, и К. Некрасов решает создать музей древнерусского искусства в Ярославле. В 1912 г. он обращается за советом к известному искусствоведу, автору своего издательства Павлу Муратову, который отвечал ему из Рима: «Мысль о музее в Ярославле мне очень симпатична... Я со своей стороны готов оказать всякое содействие и постараюсь тогда, чтобы Вам в Ярославль не дали чего-нибудь плохого. Эрмитаж уж не даст ровно ничего – это испытано и безнадежно. На первых порах бойтесь, чтобы Вам не насыпали всякой «деревянной» дряни. Надо быть очень строгим, как бы скромно ни было начинание. Разборчивость только сразу поднимет его» [2, с. 188].

Создать музей не получилось, хотя Некрасов и собрал достойную коллекцию, в которой были представлены редкие новгородские иконы. Как свидетельствуют архивные данные, коллекция икон погибла во время белогвардейского восстания в Ярославле в июле 1918 г. Зато в ходе обсуждения музейных планов Некрасов и Муратов принимают решение выпускать серию книг «Памятники древнерусского искусства». Первая книга этой серии вышла в конце 1913 г. – «Церковь Иоанна Предтечи в Ярославле». В 1914 г. была издана книга «Древнерусская иконопись в собрании И. С. Остроухова», подготовленная Павлом Муратовым. По словам Муратова, иконы, собранные Остроуховым, навели его на догадку, «ставшую глубоким и твердым убеждением, независимо от того, что логически доказать его

можно было лишь косвенно и отчасти. Вот такое собрание прекраснейших русских икон, казалось мне, ближе всего должно было дать представление о том, чем, собственно, было великое и совершенно исчезнувшее искусство древнегреческой «станковой» живописи. Христианство и Византия наделили живопись новой душой, но художественный дух ее шел из более древнего времени» [5].

В 1915 г. в издательстве Некрасова в количестве 500 нумерованных экземпляров выходит монография «Церковь Илии Пророка в Ярославле», а в 1916 г. – «Новгородская икона св. Феодора Стратилата», подготовленная Павлом Муратовым и Александром Анисимовым.

Журнал «София»

Но главным детищем Муратова и Некрасова стал, конечно, журнал древнерусского искусства и литературы «София». Мысль об издании журнала впервые возникла у них летом 1913 г., и подтолкнуло их к этому намерение С. К. Маковского выпускать в Петербурге журнал «Русская икона». Московские поклонники иконописи считали, что петербуржцы не имеют морального права изучать древнерусское искусство, и между журналами началась серьезная борьба задолго до того, как они стали выходить.

Муратов с присущей ему энергией и способностью увлекаться взялся за воплощение идеи. Он сближается с такими самоотверженными исследователями иконы, как А. Анисимов и Н. Щекотов.

В августе Муратов уже писал Некрасову о содержании номеров журнала. Денег Муратов отправился просить к московскому фабриканту Александру Андреевичу Карзинкину. При выборе мецената повлияло, вероятно, два факта: Карзинкины с 1859 г. были владельцами Ярославской Большой мануфактуры, а сам Карзинкин, человек неординарный, большой ценитель искусства и книг, был дружен с Остроуховым. Муратов пишет Некрасову: «14 августа я узнал, что А. А. Карзинкин в городе. Вечером был у него, сидели до часу, выпили много вина – и вот результат: 20 тысяч есть. Будут внесены по первому требованию. Условие: безусловный секрет, что А. А. нам помогает» [2, с. 233].

Много позднее, уже в эмиграции, Павел Муратов, узнав о смерти Карзинкина, который не захотел покидать Россию после

революции, посвятил очерк этому необыкновенному человеку «Памяти А. А. Карзинкина» [6].

К работе над журналом приступили уже в конце лета, а в самом начале сентября в четырех московских газетах появилось извещение об издании «Софии». В программе журнала большое место отводилось древнерусскому искусству, современной живописи, особенно русской и французской, русской литературе, искусству Востока, прежде всего китайскому и персидскому. Муратову как редактору удалось привлечь к сотрудничеству в «Софии» Н. А. Бердяева, А. Н. Бенуа, И. Э. Грабаря, Б. А. Грифцова, М. О. Гершензона, А. Ф. Диесперова, А. А. Койранского, А. М. Скворцова, В. Ф. Ходасевича, М. Хусина, А. В. Щусева, Б. Н. фон-Эдинга, П. М. Ярцева и других известных авторов. «Ядро» редакции составляли Павел Муратов, Павел Сухотин, Николай Щекотов, Александр Анисимов и, конечно, издатель Константин Некрасов.

Ars Asiatica

Примерно, в это же время Некрасов начинает проявлять заметный интерес к искусству Востока, особенно Персии. В апреле 1914 г. они вместе с женой Софьей Леонидовной Щерба отправились в Тегеран. Можно предположить, из переписки Некрасова, что они посетили Исфаган, город на берегу реки Заянде, в 340 километрах к югу от Тегерана, и Рей – город в северном Иране, в провинции Тегеран, один из старейших городов Ирана, и потому привлекающий археологов со всего света. Вот что писал из Персии Константин Некрасов Павлу Муратову 8 апреля 1914 г.: *«Живем мы здесь хорошо и со стороны русских встретили самый радушный прием. Живем в русском консульстве. Мы прожили в Тегеране дней 5 и дважды были в Рее (6–8 верст), были там на раскопках и даже купили кое-что; но раскопки ведутся варварски... многое остается в земле, а еще больше обращается в осколки»* [7].

Именно тогда Константин Некрасов и начал формировать свою персидскую – рейскую – коллекцию фаянсов XII–XIV вв., которая в 1918 г. была приобретена для музея Ars Asiatica.

Из письма Константина Некрасова Валерию Брюсову от 4 июня 1914 г.: *«Я затеял постройку типографии и обречен целое*

лето сидеть в Ярославле. Моя прогулка по Персии была чрезвычайно удачна и интересна. Проездив 1 1/2 месяца и доехав до Исфaghана. На лошадях сделал около 2000 верст» [8].

Весной 1914 г. Некрасов и Муратов запланировали на лето большую поездку во Францию и Италию, чтобы собрать материал для новых номеров «Софии» и приобрести картины и иконы для будущей художественной галереи. Планировалось и личное знакомство с Голубевым, владельцем уникальной коллекции персидской миниатюры. Однако Некрасов, затеявший строительство новой типографии, поехать не смог, и во Францию отправился один Муратов, где на деньги Некрасова и закупал картины, иконы и китайские миниатюры: к тому времени Китай становится не менее страстным увлечением Некрасова, чем Персия. Муратов очень подробно писал Некрасову из Парижа о посещении галерей, антикварных лавок, художественных салонов. После Парижа покупательную кампанию Муратов продолжил в Италии, где чувствовал себя совершенно «по-домашнему».

Вернулся в Россию Муратов за несколько дней до начала войны, которая круто изменила его жизнь. Муратов сразу же был призван на фронт. Вслед за ним на фронт был призван и Щекотов, и Некрасов был вынужден прекратить издание «Софии»: вышло всего шесть номеров. Предваряя шестую книжку «Софии», Некрасов писал: *«Год назад маленькая группа людей, объединенная одними помыслами, желаниями и взглядами на искусство, затеяла издание «Софии». Теперь из этой группы не осталось почти никого. Члены ее, и среди них вдохновитель и руководитель журнала П. П. Муратов, с оружием в руках защищают честь и неприкосновенность нашей Родины...*

Здесь не место говорить о том, как выполнена задача. Смею, однако, думать, что и кратковременное существование «Софии» не пройдет бесследно в деле изучения и понимания искусства» [9].

Слушали... Постановили...

В 1916 г. Некрасов вынужден был закрыть издательство и переехать в Москву. Он надеялся после окончания войны, «когда цены станут нормальными», открыть типографию в Москве и все издательское дело перенести туда. Увы, 1917 г. не оставил никаких

надежд. Осенью 1918 г. Некрасов, надо полагать, не без участия Муратова, который в музейно-искусствоведческих кругах пользовался большим авторитетом, поступает в Москве на службу в отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомпроса (музейный отдел). Павел Муратов, в то время занимавший должность председателя Комиссии музеев восточного искусства Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины Главнауки Наркомпроса, на заседании подотдела Национального музейного фонда 16 сентября поднимает вопрос об осмотре коллекции восточного искусства К. Ф. Некрасова, предложенной к приобретению для музея Востока [3, с. 13]. Постановили коллекцию немедленно осмотреть, осмотр производился комиссией, которую возглавлял Игорь Грабарь. А в октябре 1918 г. коллекция восточного искусства К. Ф. Некрасова была уже куплена для музея за 50 тысяч рублей. Это более 100 предметов посуды и изразцов, их фрагментов, это персидские рукописи и миниатюры XVII–XIX вв. Также представлены японские гравюры, индийские и турецкие вещи, которые носят, скорее всего, случайный характер. Всего в коллекции 328 единиц, и сегодня она является гордостью музея Востока [4]. Целостность и высокое качество собрания говорят о том, что Константин Некрасов имел не только тонкое художественное чутье, но и глубокие знания в области восточного искусства.

Список литературы и источников

1. Ваганова, И. В. Неоконченный роман в письмах. Книгоиздательство Константина Федоровича Некрасова, 1911–1916 годы / И. В. Ваганова. – Рыбинск : Цитата Плюс, 2018. – 192 с. : ил.
2. Ваганова, И. В. Из истории сотрудничества П. П. Муратова с книгоиздательством К. Ф. Некрасова / [вступ. ст., пуб. и коммент. И. В. Ваганова] // Лица : биографический альманах. Вып. 3. – Москва ; Санкт-Петербург : Феникс ; Atheneum, 1993. – С. 159–266.
3. Войтов, В. Е. Материалы по истории государственного музея Востока, 1918–1950 : люди, вещи, дела / В. Е. Войтов ; под общ. ред.

В. А. Набатчикова. – Москва : Сканрус ; Гос. музей Востока, 2003. – 494 с. : ил.

4. Московские коллекционеры произведений искусства Востока / авт.-сост. Кузьменко Л. И. [и др.] – Москва : Гос. музей Востока, 1997. – С. 26–41.

5. Муратов, П. Древнерусская иконопись в собрании И. С. Остроухова / П. П. Муратов. – Москва : Книгоиздательство К. Ф. Некрасова, 1914. – С. 40.

6. Муратов, П. П. Памяти Карзинкина // Русская живопись до середины XVII века : история открытия и исследования / П. П. Муратов. – Санкт-Петербург : Библиополис, 2008. – С. 384–387.

7. РГАЛИ. Ф. 338. Оп. 3. Ед. хр. 2. Л. 14–14 об.

8. РГБ. Ф. 386. Карт. 96. Ед. хр. 10. Л. 16 об.

9. София : журнал искусства и литературы / ред. П. П. Муратов ; изд. К. Ф. Некрасов. – Москва : Книгоиздательство К. Ф. Некрасова, 1914. – № 6. – С. 3.

ЯРОСЛАВЛЬ В МОНАРХИЧЕСКОМ СЦЕНАРИИ ВЛАСТИ ПОСЛЕДНЕГО РОССИЙСКОГО ИМПЕРАТОРА

Описываются поездки Августейшего семейства по Ярославской губернии, приводятся воспоминания современников и отклики на эти события различных слоев российского общества, дана авторская трактовка динамики формирования образа монарха и императорской власти в глазах ярославцев.

Ключевые слова: Ярославль, Николай II, образ монархии, власть, воспоминания современников.

Демократизация общественной жизни и «реабилитация» российских монархов в глазах общества способствовали всплеску интереса исследователей к изучению исторического опыта верховной власти в России и способов ее репрезентации. В преддверии памятных дат – 150-летия со дня рождения Николая II и 100-летия гибели царской семьи – хочется напомнить о той роли, которую сыграл Ярославль в создании монархического образа последнего российского императора.

20 октября 1894 г. после неожиданной кончины в Ливадии Александра III на престол вступил его 26-летний сын Николай II. По словам великой княжны Марии Павловны, для широкой общественности новый российский император оказался поистине «психологической загадкой» [8, с. 228]. О разговорах и мнениях, бытовавших тогда в обществе, поведал в своем дневнике и граф В. Н. Ламздорф, отметивший, что внутри страны смерть Александра III оплакивалась главным образом «в связи с незаметностью наследника-цесаревича, которого почти до самого последнего времени держали в детской комнате» [3, с. 75–76].

По сложившейся в XIX в. традиции наследника-цесаревича к исполнению предстоящих обязанностей государя готовили с самого

детства. Обучение неизменно завершалось путешествием по России. Поездка эта имела целью не только знакомство со страной, которой предстояло править, но и играла важную роль в формировании публичного образа будущего правителя, предоставляла возможность населению открытого проявления верноподданнического чувства, способствовала демонстрации взаимной любви и единения. Последний российский император, в отличие от своего деда и отца (Александра II и Александра III), в юности не совершил такого «венчания с Россией». Пожалуй, лишь ярославцам в этом отношении повезло несколько больше.

В июле 1881 г., спустя всего четыре месяца после убийства народовольцами Александра II, когда, казалось, окончательно перестала существовать идиллическая Россия с Царем-батюшкой и его верным народом, император Александр III, прервав свое «гатчинское затворничество», решил совершить поездку в Москву, Нижний Новгород и Ярославль – города, с древнейших времен освященные своей преданностью России. В переломную эпоху Смутного времени, когда Московское государство оказалось перед лицом политического и династического кризиса, именно Ярославлю была уготована важная роль по спасению его от окончательного распада.

Утром 23 июля 1881 г. ярославцы встречали императора Александра III и императрицу Марию Федоровну, тогда же впервые они увидели и 13-летнего цесаревича Николая Александровича. В Успенском соборе перед ними выступил епископ Ярославский и Ростовский Ионафан (Руднев): «Царь наш, Ты путешествуешь по твоим городам, и не одна любознательность привлекает Тебя к твоему народу, но твоя любовь к нему! Ты желаешь видеть радость народную при встрече с Тобою! Ты находишься среди верных тебе. Мы все готовы отдать жизнь за Твое слово» [6, с. 39]. Как сообщал официальный источник, по окончании церемонии в соборе, когда державные путешественники направились к ожидавшей их коляске, «народ, дождавшийся у крыльца этой минуты, кинулся наперерыв целовать руки государя, императрицы и августейших детей» [6, с. 41]. Во время следования Их Величеств по Волжской набережной «гул стоял в воздухе от кликов народа,

который собирался все более и более, дети бросали цветы, а барабанный бой, музыка и восторженное ура сливались в торжественный и величественный хор» [6, с. 38–39].

По возвращении в Петербург наследник Николай Александрович записал в своих ученических тетрадах, что, наблюдая в Ярославле толпы людей, бежавших за каретой с приветственными криками, он испытал чувство восторга перед этим надежным свидетельством народной преданности. Это представление об образе монархии как о союзе между царем и народом Николай II пронесет через все свое царствование. Необходимость сохранения существующего строя для всеобщего блага основывалась на искреннем убеждении в богоданном ему безраздельном праве на власть: «Я несу страшную ответственность перед Богом и готов дать Ему отчет ежеминутно, но пока я жив, я буду поступать убежденно, как велит моя совесть. Я не говорю, что я прав, ибо всякий человек ошибается, но мой разум говорит мне, что я должен так вести дело» [9, с. 70]. Об этом же вспоминала и великая княжна М. П. Романова: «Он (Николай II – *И. С.*) считал священным долгом сохранить в целостности самодержавие – наследство, переданное ему предками» [8, с. 228–229].

Прекрасным поводом для поддержания престижа верховной власти стало празднование в России 300-летия избрания Романовых на царство. Через связь с великими достижениями предков, через обращение к прошлому эти торжества должны были продемонстрировать неувядающую привлекательность монархии в глазах народа. Повсеместное распространение тогда получила постановка оперы М. И. Глинки «Жизнь за царя». По замыслу строителей, именно преданность и героизм Ивана Сусанина призваны были символизировать связь между новым монархом и народными массами того времени. В Петербурге спектакль прошел 22 февраля 1913 г. в Мариинском театре. В тот день был отменен запрет представлять царей из династии Романовых на театральной сцене. В присутствии императора Николая II и его дочери великой княжны Ольги (императрица Александра Федоровна уехала после первого действия) в финале парадного представления впервые на сцену в золоченой карете с двумя боярами под охраной отряда

стрельцов выехал царь Михаил Федорович. В образе царя перед публикой тогда предстал наш земляк – выдающийся русский певец Леонид Собинов. Так в создании национального монархического мифа честь изображать первого представителя династии, начало царствования которого случилось в Ярославле, выпала артисту, в этом городе родившемуся и начавшему здесь свою певческую карьеру. На следующий день 23 февраля «Жизнь за царя» с успехом прошла и на сцене Ярославского кадетского корпуса.

Включение Ярославля в грандиозный сценарий праздничных мероприятий было определено его особой миссией в становлении и упрочении правящей династии. «Военное дело освобождения Русского государства от власти иноплеменников и потом избрание нового царя весьма важной своей частью совершилось в здешнем крае; причем одна из главных и трудных ролей в этой великой трагедии выпала на долю собственно Ярославля», – писал дореволюционный краевед К. Д. Головщиков [2, с. 74].

Для придания мероприятию особой грандиозности и пафосности предполагалось собрать со всей губернии одновременно 2.200 крестьян. Их публичное выражение верноподданнического восторга призвано было наглядно подтвердить веру Николая II в лояльность к нему большинства населения. Все официальные источники единодушно сообщали о подъеме национального чувства во время этого Августейшего путешествия. Ностальгические воспоминания княгини И. Д. Голицыной о встрече царя в Ярославле, написанные спустя годы в эмиграции, также были пронизаны торжественным пиететом и восторгом в отношении государя императора: «Я чувствовала, что все едины в молитве, любви и воодушевлении. Мы пришли, чтобы встретить нашего Отца...» [1, с. 39].

Однако в записках, не предназначенных для публичного прочтения, проскальзывало невольное разочарование между ожиданиями и действительностью. Вот что читаем в случайно уцелевшем дневнике неизвестной ярославской гимназистки: «Мы стоим совсем близко, видно все отлично. У всех, как говорили потом, страшно напряженное состояние, сердце бьется быстро, быстро, слезы подступают к глазам. Первые экипажи проехали, жалко, что

слишком быстро... Все взволнованы, все делятся впечатлениями. Одни хорошо видели Государя, другие – Государыню, третьи от волнения ничего не видели... Жара была ужасная, как раз полдень. Стоять на одном месте было невозможно, все раздвинулись и ходили по площади. Многие садились прямо на песок. Наконец снова «ура», Государь едет. Мы быстро собрались, одни смотрят на дорогу, другие – на церковь. Государь вошел туда. Вскоре вышел опять. Хор начал петь кантату, но Государь не дослушал ее до конца, сел в экипаж и уехал» [10, с. 351].

Совершенно очевидно, что несмотря на всеобщее искреннее воодушевление и эмоциональный подъем, вызванный приездом императорской семьи, от глаз верноподданных не могло укрыться, что некоторые официальные церемонии откровенно утомляли Николая II, и он участвовал в них без особого энтузиазма. Что же касается государыни, то она, ссылаясь на недомогания, даже не на всех мероприятиях присутствовала. В Ярославле Александра Федоровна с сыном Алексеем вернулись на пароход сразу после службы в Успенском соборе, а в Ростове императрица вообще не появилась на публике. В этой поездке со всей очевидностью проявилось ее явное нежелание следовать образцам публичного императорского поведения, первой обязанностью которого являлось завоевание любви и уважения своих подданных. Тогда же для широкой общественности объективной реальностью стала и тяжелая болезнь наследника. Вид 9-летнего цесаревича на руках казака во время всех мероприятий в Ростове не мог не произвести удручающего впечатления. И это будущий правитель огромной империи? Но, несмотря ни на что, юбилей династии в полной мере отразил величие и блеск Дома Романовых, став фактически последним ярким событием мирного времени.

19 июля 1914 г. Германия объявила России войну. Во многих городах стали проходить спонтанные манифестации. В Ярославле под звон колоколов толпы людей с национальными знаменами и иконами, портретами императора Николая II и цесаревича Алексея приходили на Волжскую набережную к губернаторскому дому. Перед лицом военной угрозы единый патриотический порыв объединил

всех. Однако уже к лету 1915 г. ситуация изменилась. Этот год стал во многом роковым для царя и России. Все активнее велись разговоры об измене и ничтожестве власти и командования. Перемены, происходившие в то время в российском обществе, оказались губительными для исторического уклада страны и привели ее к трагическому финалу.

В числе тех, кто был с императором до последних дней своей жизни, оказался матрос гвардейского экипажа императорской яхты «Штандарт» Иван Дмитриевич Седнев. Случай уготовил ему – простому ярославскому крестьянину из деревни Сверчково Угличского уезда – служить Николаю II во время величия, разделить с ним лишения ссылки и мученическую смерть. Ивана Седнева расстреляли в окрестностях Екатеринбурга в конце июня 1918 г. Спустя месяц, в ночь с 16 на 17 июля, в подвале дома Ипатьева были зверски убиты последний российский император Николай II, его жена и пятеро детей. Вместе с гибелью династии Романовых ушла в небытие и императорская Россия.

Список литературы

1. Голицына, И. Д. Воспоминания о России, 1900–1932 / княгиня И. Д. Голицына ; [пер. с англ. Т. И. Голицыной, О. А. Несмеяновой]. – Москва : Айрис-пресс, 2005. – 224 с.
2. История губернского города Ярославля : [сборник] / [сост. А. М. Рутман]. – Ярославль : Александр Рутман, 2006. – 520 с.
3. Ламздорф, В. Н. Дневник, 1894–1896 / В. Н. Ламздорф. – Москва : Международные отношения, 1991. – 456 с.
4. Мультиатули, П. В. Господь да благословит решение мое... : Император Николай II во главе действующей армии и заговор генералов / П. В. Мультиатули. – Санкт-Петербург : Сатисъ, 2002. – 350 с.
5. Ольденбург, С. С. Царствование Императора Николая II / С. С. Ольденбург. – Москва : Терра, 1992. – 640 с.
6. Путешествие государя императора Александра III с августейшим семейством в июле 1881 года / сост. М. Я. Лебедев. – Москва : Тип. быв. А. В. Кудрявцевой, 1882. – 46 с.

7. Романов, А. М. Воспоминания великого князя Александра Михайловича Романова / А. М. Романов. – Москва : Директ-Медиа, 2010. – 374 с.

8. Романова, М. Воспоминания великой княжны : страницы жизни кузины Николая II, 1890–1918 / М. П. Романова. – Москва : Центрполиграф, 2006. – 408 с.

9. Российский Императорский Дом : Дневники. Письма. Фотографии / [сост., авт. предисл., очерков А. Н. Боханов, Д. И. Исмаил-Заде]. – Москва : Перспектива, 1992. – 220 с.

10. Серова, И. А. Ярославль дворянский. Мир губернаторской усадьбы и его отражение в жизни благородного общества, 1777–1917 / И. А. Серова. – Ярославль : Академия 76, 2011. – 442, [1] с. : ил., портр.

11. Уортман, Р. С. Сценарии власти : мифы и церемонии русской монархии. В 2 т. Т. 2. От Александра II до отречения Николая II / Р. С. Уортман. – Москва : ОГИ, 2004. – 796 с.

ПОЛОЦК В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Исследованы материалы Национального исторического архива Беларуси по истории Полотчины в годы Первой мировой войны. Архивные документы открыли новые аспекты жизни прифронтового города, дали более детальное представление о деятельности отдельных государственных, общественных и армейских учреждений и организаций, расположенных на территории Полоцка.

Ключевые слова: Полоцк, Первая мировая война, Национальный исторический архив Беларуси.

С начала военных действий территория Полоцкого, а также соседствующих с ним Лепельского, Дриссенского и Борисовского уездов, вошла в 26-й тыловой эвакуационный пункт Двинского военного округа. Полоцк, имея разветвленное железнодорожное сообщение, превратился в крупнейший тыловой центр по оказанию медицинской помощи тяжелораненым военнослужащим. Из города в глубь Российской империи были эвакуированы многие учебные заведения: кадетский корпус – в города Сумы, Владикавказ, Одессу, мужская гимназия – в г. Ярославль, женское епархиальное училище – в г. Ростов Великий, 1-е высшее городское училище – в г. Новочеркасск, учительская семинария и женская гимназия – в г. Вязники. Все постройки учебных, а также административных учреждений, здания гостиниц были заняты в основном под госпитали и лазареты. Раненых поступало в город так много, что по улицам от Риги-Орловского вокзала до кадетского корпуса солдатами железнодорожного батальона была проложена узкоколейная железнодорожная ветка. По ней наладили перевозку раненых в госпиталь в вагонетках, в которые впрягали лошадей [1, с. 206].

Из документов, хранящихся в НИАБ, известно, что с 1914 по 1918 г. в Полоцке размещалось несколько крупных военно-санитарных учреждений армейского подчинения. Так, в зданиях

Полоцкого кадетского корпуса в 1915–1916 гг. находился 226-й полковой полевой запасной госпиталь, имевший изоляционное отделение на 30 коек [7, л. 164]. В центре города помещения 2-го высшего начального училища, женской гимназии, прогимназии и мужской гимназии были заняты 106-м запасным полевым госпиталем [11, л.158]. За Двиной, на левом берегу, был развернут 100-й полевой госпиталь для инфекционных больных, а недалеко от храмов Борисо-Глебского монастыря в каменных постройках 5-го железнодорожного батальона разместились большие сводные полоцкие госпитали № 2 и 3, старшим врачом в которых был доктор Е. Н. Безнетов.

Высокой организацией работы отличались и подразделения Российского общества Красного Креста (РОКК). Эти учреждения, начиная с подвижных лазаретов и заканчивая стационарными госпиталями, были хорошо оборудованы в смысле инвентаря, содержания, питания раненых и часто возглавлялись высокообразованными специалистами с грамотным медперсоналом.

В Полоцке в 1914–1915 гг. в зданиях кадетского корпуса разместились два госпиталя общины святого Георгия № 4 и № 5, организованных РОКК. Старшим врачом Георгиевского госпиталя № 4 был Люциан Романович Ивановский, работавший до войны в Санкт-Петербурге в Дворцовом госпитале Министерства императорского двора. Известно, что после окончания военных действий Л. Р. Ивановский до 1924 г. возглавлял Главное военно-санитарное управление Красной Армии. После демобилизации работал курортным врачом в разных местах. Умер в 1931 г. [21].

Старшим ординатором этого же учреждения был петербуржец Андрей Николаевич Павлов, который до войны практиковал в клинике профессора Федорова, а также являлся консультантом Боткинских барачков, Надеждинского родовспомогательного заведения и Психоневрологического института. Всего по штату на февраль 1915 г. в госпитале числилось 34 медработника.

Госпиталь общины Святого Георгия № 5 возглавлял бывший врач Санкт-Петербургской военно-медицинской академии, заведующий водолечебницей при Георгиевской общине сестер милосердия Красного Креста доктор медицины Николай Николаевич Сыренский.

В Полоцк он переехал вместе со своей семьей, женой, детьми, родителями. По воспоминаниям бывших коллег, Николай Николаевич был врачом от Бога, когда он заходил в палату, «тяжело больные переставали стонать» [3]. В советское время Н. Н. Сыренский переехал в Москву, читал лекции по медицине, а после работал в городских поликлиниках. В 1930-е гг. он стал директором созданной им специализированной поликлиники для электриков. Скончался Н. Н. Сыренский после Великой Отечественной войны и был похоронен на Ваганьковском кладбище.

Среди 32 работников госпиталя большинство были уроженцами Санкт-Петербурга [7, л. 164]. Летом 1915 г., когда Георгиевские госпитали готовились к переезду из Полоцка в Витебск, в них насчитывалось более одной тысячи тяжело раненых больных.

Властями Российской империи широко пропагандировалось открытие по стране местных отделений РОКК, одно из которых было создано и в Полоцке. Его уполномоченным по городу и уезду был назначен предводитель уездного дворянства Александр Васильевич Вырубов [14, л. 237]. В 1914 г. местный комитет инициировал открытие в городе двух лазаретов для раненых и больных. Один из них занял помещения гостиницы Спасо-Евфросиниевского монастыря. Его возглавил известный в городе врач доктор медицины А. М. Мансветов. Второй лазарет разместился в центре города по улице Верхне-Покровской в доме купца Шпакова. Старшим врачом в нем стал практиковавший в Полоцке еще до войны Александр Антонович Фридман [6, л. 82].

В декабре 1915 г. и в июне 1916 г. местный комитет РОКК организовал для больных и раненых лазарета его Величества князя Олега Константиновича Романова два спектакля. Театральные представления с демонстрацией картин проходили в электро-театре «Гигант». Из документов известно, что сумма от проданных билетов в декабре 1915 г. составила почти 885 рублей, а в июне 1916 г. – 1418 рублей. [11, л. 39]. В Верхнем замке в корпусах обслуживающего персонала кадетского корпуса на протяжении всей войны размещался финский госпиталь РОКК. Он был хорошо оборудован, и после окончания военных действий на его базе стала действовать Полоцкая городская больница [4, л. 46].

РОКК непосредственно подчинялась и действующая в Полоцке комиссия ее Императорского Величества Великой княжны Татьяны Николаевны. Из документов 1916 г. известно, что при комиссии действовал пункт питания и теплой одежды [14, л. 237].

Вопросами оказания помощи беженцам Северо-Западного фронта занималась и общественная организация «Северопомощь», созданная членом государственного совета С. И. Зубчаниновым. Это была довольно крупная структура, куда входило множество различных учреждений: больницы, аптеки, жилые бараки, общественные приюты, школы и др. Уполномоченным «Северопомощи» по г. Полоцку и уезду был назначен Григорий Семенович Боборыкин [12, л. 19].

В 1915 г. в Полоцке действовали несколько учреждений этой организации. Медицинский уход за больными и ранеными оказывали в больнице «Северопомощи», которая заняла корпуса Полоцкой горбольницы. Главврачом был Григорий Иоффе, старшим врачом – Александр Иванов. Среди 38 служащих «Северопомощи» были жители Минской, Могилевской, Гродненской, Варшавской, Ковенской и других губерний, много специалистов из Москвы и Санкт-Петербурга [9, л. 238].

Вопросами всесторонней помощи военнослужащим и другим лицам, пострадавшим от войны, занимались также всероссийские Земский союз и Союз городов. С 1915 г. этими союзами в действующей армии и в тылу была создана сеть учреждений, формирований и заведений, которые помогали государству в деле санитарного и материально-технического обеспечения армии и оказания помощи беженцам. В ходе исследования были обнаружены материалы и о действиях данных организаций в Полоцке. Так, в зданиях Полоцкой земской больницы в Верхнем замке был открыт госпиталь Всероссийского союза городов (ВСГ), в здании 2-го городского училища – лазарет (главврач – доктор медицины Белвеков), в самом городе – несколько мастерских по ремонту оружия, автомобилей и самолетов. Уполномоченным ВСГ по Полоцку был назначен В. С. Фиргтенберг [16, л. 6].

Помощь больным и раненым оказывали в Полоцке и служители православной церкви. В первые месяцы войны женское епархиальное училище Спасо-Евфросиниевского монастыря было занято под временный лазарет Вологодского этапного общества Красного Креста (старший врач К. А. Линовский, младший врач И. П. Ласточкин) [6, л. 82]. Общее количество раненых, которых обслуживало всего 2 врача, было свыше 250 человек. В начале 1915 г. госпиталь был переведен в Вильно. Позже на его месте в помещениях училища было организовано 2 военных госпиталя общей численностью 600 человек. Известно, что в октябре 1914 г. начальница женского епархиального училища Нина Боянус в своей квартире также организовала лазарет на 5 коек и содержала его на собственные средства [20, л. 132].

К числу первых полоцких лазаретов времен Первой мировой войны относится лазарет на 47 мест, открытый 22 июля 1914 г. при больнице Николаевской железной дороги. Кроме постоянного ухода за ранеными и больными военнослужащими по распоряжению начальника санитарной части Полоцкого эвакуационного пункта на железнодорожных станциях врачи и фельдшеры должны были круглосуточно выявлять инфекционных больных и снимать их с военных и пассажирских поездов. После применения как на Западном, так и Восточном фронтах отравляющих газов главный врач больницы один раз в неделю подавал сведения о количестве солдат и офицеров, пострадавших от данного вида оружия.

В сентябре 1917 г. на заседании объединенного уездного врачебно-санитарного совета под руководством А. М. Именитова поднимались вопросы оказания врачами Полоцкой уездной больницы специальной ортопедической помощи увечным воинам, а также вопрос открытия при больнице венерологического барака на 50 коек для больных сифилисом [13, л. 26–27, 31].

Практически с первых месяцев войны в Полоцке за счет размещения новых медучреждений, организации мастерских по ремонту оборудования и техники, а также за счет неконтролируемого притока беженцев стала увеличиваться численность населения. Если в 1914 г. в городе проживало почти 24 тыс. человек, то летом 1915 г. – уже 35 тыс. [19, л. 45].

Вопросами обустройства быта прибывших людей занимались не только общественные организации. Главным координатором стали городские органы самоуправления. На заседаниях городской думы ежемесячно утверждались цены на товары первой необходимости. Например, в январе 1915 г. 1 фунт ржаного хлеба стоил 4 копейки, в следующем месяце – 5, в апреле – уже 7 [9, л. 79]. Во время войны цены повышались не только на продукты, но и на фураж, дрова, керосин и др. Не раз с просьбами на имя главного начальника Двинского военного округа обращались квартиросъемщики Полоцка, жалуясь на увеличение квартплаты на 50–100% [8, л. 3–3 об.]. В отношении семей военнослужащих власти проявляли заботу: за ними сохранялось наемное жилье, а если они по каким-то причинам от него отказывались, им выплачивали 1/5 часть оклада их родственника, мобилизованного в армию.

В городе после увеличения количества беженцев были образованы национальные комитеты по работе с лицами, пострадавшими от войны. В доме Подобеда возле Красного моста разместился Литовский комитет [17, л. 53]. В 1916–1917 гг. в Полоцке работал Еврейский комитет помощи беженцам. При нем были открыты еврейские мужская и женская беженские школы. Л. Сорин, заведующий Полоцкой талмуд-торой, в которой после объединения с беженской мужской школой обучалось более 140 человек, неоднократно обращался в инспекцию народных училищ с просьбой прислать к нему преподавателей общеобразовательных предметов из-за постоянного увеличения количества учащихся [18, л. 131]. Известно о существовании в Полоцке также Польского комитета помощи пострадавшим от военных действий и Латышского общества «Родина» (Журнал заседаний Полоцкого уездного училищного совета, 1917 г.) [18, л. 16 об.].

Летом 1915 г. в Полоцке активно стали распространяться слухи о нестабильном положении на фронте и поражениях русской армии. Это вызывало панику у местного населения: в уезде крестьяне продавали скотину и останавливали обработку полей. Администрация губернии, выполняя распоряжения вышестоящего руководства, постоянно следила за теми, кто распространял слухи, и

привлекала таких к административной ответственности. Ситуация начала меняться в лучшую сторону только осенью 1915 г. после стабилизации фронта.

Допустить развала сельского хозяйства в прифронтовой зоне было нельзя. Близость к театру военных действий в разы уменьшала государственные расходы и время на доставку продуктов питания и фуража для действующей армии. Поэтому неоднократно из департамента земледелия на имя витебского губернатора и земских управ приходили документы о содействии крестьянам в успешном развитии огородничества, о бесплатной раздаче семян и орудий. Министерство настоятельно рекомендовало привлекать к работам женщин и детей, сообщать о недостатке семян, выдавать авансы под гарантию общественных организаций [14, л. 33–34]. Для нужд медучреждений у населения закупали лекарственные травы.

После февральской и октябрьской революций 1917 г. ситуация на фронте начала меняться. В итоге ряд провальных операций русской армии привел новообразованное советское правительство за стол переговоров. В декабре 1917 г. было заключено временное перемирие, но через 2 месяца после срыва переговоров территория почти всей Беларуси оказалась захваченной немецкими войсками.

25 февраля 1918 г. части кайзеровской армии вошли в Полоцк. Деятельность Полоцкой городской думы практически с первых дней была подчинена новой власти. После подавления вооруженного сопротивления со стороны крестьян отдельных волостей Полоцкого уезда германские войска стали проводить активную оккупационную политику [2, с. 17].

В обязательном порядке всем полочанам в течение 24 часов нужно было сдать все оружие. Органы городского самоуправления должны были предоставлять по первому требованию новых хозяев свободные помещения, мебель, посуду, фураж, дрова, рабочие руки. В итоге все здания кадетского корпуса, лучшие гостиницы города, многие общественные и частные каменные здания были переданы немцам. Из городской казны «оплачивалось ежедневно на сотни рублей содержание легковых и ломовых извозчиков. Для офицерского казино управа должна была предоставлять посуду и

обстановку, для больницы – кровати, матрацы, столы, стулья, белье и др. За невыполнение изданных приказов в кратчайшие сроки на город накладывали арест и контрибуцию» [2, с. 20].

В дальнейшем новый комендант города подполковник Брейзинг потребовал описи у населения всего имущества, заявив при этом, что «на каждого жителя города может быть оставлено по одному стулу, ложке, вилке и т.д. Все лишнее забиралось для нужд немецкого войска» [2, с. 19]. Под угрозой штрафа в 200 марок или 4-недельного ареста жителям города было приказано приветствовать и уступать дорогу при приближении каждого германского солдата.

С каждым днем ситуация только ухудшалась. В городе был введен комендантский час, усилился поток беженцев, замерла торговля, началась безработица. В апреле многие члены городской думы за «антинемецкую агитацию» стали военнопленными и были высланы в концентрационный лагерь Гавельберг. Как говорил один из гласных думы: «Для полочан тюрьма теперь не страшна, так как весь город превратился в сплошную тюрьму при карцерном режиме» [2, с. 21].

На территории уезда уже в марте 1918 г. появились первые партизанские отряды, которые организовывали вооруженные нападения, рыли окопы, строили проволочные заграждения. Спустя два месяца в ряды партизан вступило около 13 тысяч человек [5, с. 91]. Им удалось удержать немецкие войска до прихода Красной Армии, не дав противнику перейти за реку Дриссу. В ноябре 1918 г., после начала революции в Германии, немецкие войска покинули города, полностью разорив почти все довоенные производства, разграбив склады армейского ведомства и общественных организаций.

Таким образом, события Первой мировой войны повлекли за собой масштабные изменения в социально-экономической сфере Полоцка и уезда. Уже с первых дней войны в городе, ставшем тыловым эвакуационным пунктом, начала разворачиваться большая сеть медицинских учреждений, где осуществлялась госпитализация больных различной степени тяжести. Под госпитали и лазареты как армейских военно-санитарных служб, так и российских общественных организаций были заняты лучшие помещения учебных

и административных учреждений, гостиниц, монастырей. С начала военных действий в Полоцке обострилась ситуация с ценами на товары первой необходимости. Меры по урегулированию такс на продукты и жилье решали органы городского самоуправления. Большую помощь в решении вопросов с организацией быта лиц, пострадавших от действий войны, оказывали общественные организации – Российское общество Красного Креста, «Северопомощь», Всероссийский союз городов и др. В городе были созданы национальные комитеты литовцев, поляков, евреев, латышей, открылись пункты питания, выдачи одежды, беженские школы и лазареты. К сожалению, после окончания военных действий на фронте нормализовать социально-экономическое положение в городе и уезде не удалось. С марта по ноябрь 1918 г. город и уезд были оккупированы кайзеровской армией, в результате жизнь на Полотчине еще больше ухудшилась. В 1919–1920 гг. город частично был захвачен белопольскими войсками. Ситуация начала стабилизироваться только к середине 1920-х гг., когда Полотчина вышла из арены боевых действий.

Краеведческий музей Полоцка в 2014–2018 гг. провел большую работу по популяризации событий 100-летней давности. Изучение архивных документов и научно-популярных материалов позволило сотрудникам музея Водневой И. П. и Гавриловой С. В. принять участие в научно-практических конференциях в Полоцке, Витебске и Вилейке. Для газеты «Полоцкий весник» Водневой И. П. была подготовлена серия материалов, посвященных малоизвестным страницам полоцкой истории. В 2014 г. на протяжении 2-х месяцев в музее работала выставка «На Западном фронте без перемен», которую посетило более 700 человек. В том же году была открыта еще одна временная экспозиция «Я – шлях, якому век няма спакою...». Это совместный проект Полоцка и Государственного литературного музея Янки Купалы из Минска. В годы Первой мировой войны белорусский поэт служил в железнодорожном батальоне Варшавской округи путей сообщений и около года со своей женой прожил в Полоцке. В рамках выставки посетители музея могли познакомиться с небольшим фильмом, рассказывающем о

связях будущего классика белорусской литературы с Полотчиной и полочанами, а также принять участие в акции «Чытаем Купалу разам». За месяц на базе выставки прошло почти 40 музейно-педагогических занятий для школьников и студентов. В феврале 2018 г. в музее работала выставка «Беларусь в годы Первой мировой войны», на которой были представлены фотографии из фондов белорусских музеев и частных коллекций. Выставка была дополнена и «фотосвидетелями» 100-летней давности о жизни города Полоцка. В период оккупации немецкие фотографы делали множество снимков, многие из которых позже печатались как открытки. В коллекции Полоцкого музея-заповедника сегодня хранится около 20 таких открыток с видами Полоцка 1918 г. На протяжении 4-х лет, с 2014 по 2018 г., полоцкие старшеклассники имели возможность посещать и музейно-педагогическое занятие «Полотчина в годы Первой мировой войны». Эта форма работы стала популярной и среди взрослых посетителев музея. По итогам проделанной за 4 года работы в фонды музея поступили новые уникальные экспонаты, а из личных архивов белорусов были переданы ценные документы и фотографии времен Первой мировой войны. Работа по сбору материалов о событиях столетней давности продолжается и сегодня. Сотрудники Краеведческого музея Полоцка будут и дальше хранить и популяризировать сведения об одной из самых трагичных страниц истории древней белорусской земли.

Список литературы и источников

1. Белявина, В. Н. Беларусь в годы Первой мировой войны / В. Н. Белявина. – Минск : Беларусь, 2013. – 98 с. : ил. – (Белорусская история).
2. В-ик, Л. Уголок немецкой оккупации / Л. В-ик. – Петроград : Петроградский Совет Рабочих и Красноармейских Депутатов, 1918. – С. 17.
3. Врангель, Н. Дни скорби : дневник 1914–1915 гг. / барон Н. Н. Врангель ; [публ., сост., коммент. А. А. Мурашева]. – Санкт-Петербург : журн. «Нева» ; Лет. сад, 2001. – 319 с.
4. Дэйніс, І. П. Полацкая даўніна / І. П. Дэйніс ; уклад., прад. і камент. М. Баўтовіча ; пер. з руск. мовы М. Ермалаева. – Мінск : Медисонт , 2007. – 330 с.

5. Манис, Н. А. Память о них жива в Белоруссии / Н. А. Манис. – Минск : Полымя, 1988. – 143 с. : ил.

6. Список лиц, допущенных к лечению и уходу за больными и ранеными воинами в нижеследующих лазаретах, расположенных в г. Полоцке, 1914 г. // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 1430. Оп. 1. Д. 49 010.

7. Список врачей и сестер милосердия лазарета Его Величества Князя Олега Константиновича, 1915 г. // НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 49 040.

8. Письмо-обращение квартиросъемщиков г. Полоцка к витебскому губернатору, 1915 г. // НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 49 349.

9. Доклад Полоцкой городской Думы от 15.01.1915 г. // НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 49 515.

10. Письмо начальника военно-окружного санитарного управления Двинского военного округа от 10.07.1915 г. // НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 49 555.

11. Прощение Полоцкого местного комитета Российского общества Красного Креста, состоящего под высочайшим покровительством Ее Императорского Величества Государыни императрицы Александры Федоровны № 1292 от 27 декабря 1915 г. // НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 49 797.

12. Список лиц, состоящих на службе по устройству беженцев Северо-Западного фронта, 1915 г. // НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 49 835.

13. Письмо Начальнику 26 тылового эвакуационного пункта в г. Полоцке доктору по заразным болезням Фальку о подготовке гигиенической выставки передвижной медицины // НИАБ. Ф. 2515. Оп. 1. Д. 207.

14. Письмо из департамента земледелия от 3.02.1916 г. // НИАБ. Ф. 2564. Оп. 1. Д. 95.

15. Рапорт делопроизводителя школьным отделом У. С. Гайковича от 29.07.1918 г. // НИАБ. Ф. 2564. Оп. 1. Д. 175.

16. Акт педагогического совета Полоцкого 1-го высшего начального училища о передаче здания под лазарет «Всероссийского союза городов», 1916 г. // НИАБ. Ф. 2671. Оп. 1. Д. 120.

17. Историческая записка о жизни и деятельности Полоцкого городского 4-классного училища // НИАБ. Ф. 2671. Оп. 2. Д. 7.

18. Журнал заседаний Полоцкого уездного училищного совета, 1917 г. // НИАБ. Ф. 3068. Оп. 1. Д. 11.

19. Список церковно-приходских школ Полоцкого уезда // НИАБ. Ф. 3068. Оп. 1. Д. 45.

20. Нина (Боянус). Наши беседы о жизни : жизнеописание, письма, воспоминания / игуменья Нина (Боянус). – Москва, 2004. – 208 с. // Полоцкий Спасо-Евфросиниевский монастырь : сайт. – URL : http://spas-monastery.by/history/abbess_nina/our_conversations_about_life.php.

21. Хиллинг, Г. Антон Макаренко contra Наталья Гирей / Хиллинг Гётц. – URL : <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=3084&level1=%20main&level2=articles> (дата обращения : 22.06.2014).

ХУДОЖНИКИ-БЛОКАДНИКИ: ЯРОСЛАВСКИЕ СТРАНИЦЫ (1942–1944)

В годы Великой Отечественной войны село Карабиха и его окрестности на два с половиной года стали базой Академии художеств – «ЯРБАХ», как в шутку называли свою коммуны ленинградцы. Этим обстоятельством объясняется наличие значительных коллекций работ ленинградских художников в ярославских музеях.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, блокада Ленинграда и Ярославль, Академия художеств в годы войны, Карабиха в годы войны, художники-блокадники.

«Эвакуация». Это страшное слово ворвалось в Ярославль в самом начале войны. Первые беженцы еще не имели официального статуса эвакуированных, не было организовано их прибытие, они приезжали стихийно, надеясь на помощь родственников или знакомых.

Но весь смысл, заключенный в слове «эвакуация», ярославцы поняли лишь тогда, когда на Всполье началась разгрузка эшелонов с ленинградцами, когда одна за другой школы стали превращаться в эвакупункты, клубы и дома культуры – в стационары; когда в импровизированных госпиталях стало тесно от коек с беспомощными, бледными, казалось, просвечивающими насквозь людьми.

Ярославцы прилагали героические усилия по приему беженцев, но город не был готов к масштабам этого бедствия. В Ярославле почти сразу начались проблемы с жильем, продуктами питания, ухудшилась эпидемиологическая обстановка. Норма жилой площади на 1 человека была уменьшена до 4 кв. м, излишки подлежали уплотнению. В городе была введена карточная система на продовольствие, установлена норма – 600 граммов хлеба в день на рабочую карточку и для эвакуированных, 400 граммов – всем остальным. Продовольствие с прилавков

магазинов стремительно исчезло, его можно было купить на рынке по очень высоким ценам или выменять на промышленные товары, которые тоже стали дефицитом.

Из дневника Михаила Михайловича Пришвина (в 1941 г. он эвакуировался в деревню Усолье Ярославской области): «4 февраля [1942]. Рассказ Фокина.

Фокин И. И. рассказывал о своем страдании на войне. С ним было две буханки черного хлеба и два куска сахара. В бараке от беженцев смрад, стон, крики детей. Человека не было. Он отрезал ломать и дал. Тогда показались признаки человека и лучезарной благодарности. Это понравилось ему, и он отрезал еще и так обе буханки отдал и жил двое суток кусочком сахара.

В Ярославле зашел к ученику своему, председателю облизполкома. У тех сыр, масло, яйца.

- А ты не знаешь, что делается в бараках?
- Нет. Я не был. Когда тут? Весь день в канцелярии.
- Надо бы посмотреть.
- Схожу.
- Сходи.

Через некоторое время, отведав всего, Фокин спросил:

- А ты это как получаешь?
- По ордеру. Хочешь, тебе устрою.
- Не стоит, как-нибудь обойдусь. А ты в барак-то сходи.
- Схожу.

В передней, когда прощались, председатель еще попросил:

- А то я тебе устроил бы.
- Не стоит, ты только в барак сходи.
- Схожу» [8].

Свой блокадный дневник академик архитектуры Александр Сергеевич Никольский (1884–1953) назвал «Пámжа. Ленинград в дни осады». Название дневника объясняет его эпитафия, взятый Никольским из рассуждений их домработницы Наташи: «...и такая памжа (невзгода, беда) приключилась с Ленинградом, что не приведи Бог». «Люди по улицам идут медленно, сосредоточенно, худые, везут за собой санки. Другие лежат и никогда не встанут...

А кругом люди слабеют и мрут (именно мрут, а не умирают). Мрут стоя в очередях. Мрут на ходу. Мрут у заборов, где придется.

...За три недели по статистике Союза умерло 40 архитекторов – членов Союза. Это по два человека в день.

Смерти уже не потрясают. Нервы притупились... Но сдавать город нельзя. Лучше умереть, чем сдать.

Я твердо верю в скорое снятие осады и начал думать о проекте триумфальных арок для встречи Героев» [7, с. 185, 197].

(Дивизии вермахта стояли вокруг Ленинграда и ждали сдачи города в то время, когда зодчие города спорили о том, как будет выглядеть парк Победы, и проектировали триумфальные арки в честь будущего разгрома фашистов под Ленинградом.)

В феврале 1942 г., после самых тяжелых месяцев блокады, когда Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры Всероссийской академии художеств потерял больше половины преподавателей и студентов, было принято решение об эвакуации в Самарканд. Уже позади была ледовая трасса через Ладогу, легендарная «Дорога жизни». Но несчастья продолжали преследовать этих людей: в железнодорожный состав попала бомба. Оставшихся в живых ленинградцев из поврежденных вагонов направили в Ярославль. После госпитализации разместили их в селе Карабиха и окрестностях: поселке Красные ткачи и пионерском лагере имени Серго Орджоникидзе, созданном в имении племянника поэта Владимира Федоровича Некрасова «Черелисино». Так, некрасовские места на два с половиной года стали базой Академии художеств – «ЯРБАХ», как ее называли художники, а себя «ярбаховцами». Среди ярбаховцев были известные академики и еще малоизвестные студенты, их семьи: академик, скульптор М. Г. Манизер, заслуженный деятель искусств, доктор архитектуры И. Г. Лангбард, академик С. В. Беляев, академик архитектуры А. С. Никольский, профессор живописи Р. Р. Френц, художники С. Б. Юдовин, А. А. Ефимов, Е. М. Ефимова, Е. Я. Хигер, В. Ф. Шилков, И. Н. Ефимов, М. Н. Орлова-Мочалова, М. И. Кукс, А. Н. Якобсон, Л. Г. Неймарк, скульпторы Ю. И. Козловский, Е. Н. Войнова, Е. А. Янсон-Манисер, архитекторы С. П. Светлицкий, К. В. Агафонова, художественный критик М. М. Ромм.

Академик Игорь Эммануилович Грабарь писал 22 октября 1942 г. из Самарканда брату Владимиру Эммануиловичу: «Карабиха уже закреплена за Академией. Это имение Н. А. Некрасова, превращенное лет 20 назад в Ярославский дом отдыха, или, вернее, в санаторий.

Кроме некрасовского дома в 14 комнат, лет 15 назад выстроили еще большой дом в 48 комнат, прекрасно устроенный, с электричеством, телефоном и всеми удобствами санаторного порядка.

...Ярославский облисполком обязан обеспечить достойным питанием и всем необходимым состав Академии в 300 человек, вместе с профессурой. Сейчас там только человек 40 истощавшей ленинградской профессуры с семьями, но они питаются превосходно. Ни в чем нет отказа, из Ярославля 3 раза в неделю на машинах привозят продукты, причем одного масла на семью чуть ли не до 10 кило приходится в месяц, как утверждает бывший директор Академии... Сегал, проживший там 1 ½ месяца после разлуки с Ленинградом и эвакуации Академии» [3].

Сведения, которыми располагал Грабарь, были явно преувеличены. Об этом свидетельствуют архивные материалы (хранятся в Центре документации новейшей истории, филиале Государственного архива Ярославской области (ГАЯО): Ф. Р-2258. Оп. 1. Д. 111. Переписка о работе Ярославского филиала Всероссийской Академии Художеств, 1942 г.; Ф. Р-2258. Оп. 1. Д. 107. Приказы и переписка о снабжении работников искусства, март – ноябрь 1942 г.; Ф. 865. Оп. 1. Д. 68. Директивы Союза Советских Художников. Переписка с разными лицами и организациями, 1941–1944; Ф. 865. Оп. 1. Д. 81. ССХ. Письма от Управления Искусств СССР и РСФСР, 1942–1944 гг.; Ф. 865. Оп. 1. Д. 82. ССХ. Переписка с Оргкомитетом ССХ СССР, 1942–1943 гг.). Но архивные документы свидетельствуют также и о том, что помощь Ленинграду приобрела в нашей области подлинно всенародный характер, что ярославцы делали возможное и невозможное для спасения людей, попавших в беду. «Жизнь в Ярославле очень дорогая, но для нас, для Академии, исключение, – пишет своей подруге художница Екатерина Матвеевна Ефимова, – все по ценам заготовок, кроме того, получаем паек, как творческие работники». Неслучайно блокадники называли Ярославль здравницей ленинградцев.

Конечно, военный быт требовал особой занятости: жили в основном своим огородом. Однако все ленинградские художники активно включились в художественную жизнь Ярославля, присоединившись к Ярославскому отделению Союза советских художников. Принимали участие в многочисленных выставках, которые организовывались в Ярославле и других городах.

К Всесоюзной художественной выставке 1942 г. «Великая Отечественная война» скульптор Матвей Генрихович Манизер (1891–1966) исполнил портретную статую Зои Космодемьянской (бронза, ГТГ), главной темой которой стал момент принятия Зоей твердого решения: «Умереть или вернуться героем» – последние ее слова, сказанные матери при прощании [10]. Макет статуи в гипсе выполнен на ярославской земле. За памятник Зое Космодемьянской М. Г. Манизер был удостоен Сталинской премии, которую передал в фонд обороны.

7 ноября 1943 г. газета «Северный рабочий» сообщила об открытии новой выставки: «В театре им. Волкова открылась областная выставка «Ярославский комсомол в Отечественной войне», организованная обкомом ВЛКСМ и Союзом советских художников. В фотографиях, документах и картинах выставка отражает героическую борьбу комсомольцев на фронте и в тылу.

...Выставка пронизана единой идеей: фронт не только там, где гремит канонада. Фронт проходит по колхозным полям, по цехам заводов и фабрик, на транспорте и в школе. Здесь показаны гвардейцы тыла, своим самоотверженным трудом кующие победу над ненавистным врагом...

Очень интересны гравюры Юдовина и монотипии Якобсон, исполненные с исключительным художественным мастерством» [6, с. 224].

Наиболее значительными в 1943 г. стали выставки «Великая Отечественная война» к XXV годовщине РККА и «Героический фронт и тыл» к XXVI годовщине Октября. Из каталога художественной выставки «Отечественная война»: Войнова Е. И. (Ленинград) «Портрет т. Аршинова» (скульптура, гипс); Ефимов А. А. (Ленинград) «Боевая дружба» (эскиз, акварель), «Фашистские

зверства» (эскиз, акварель), «Расстрел» (эскиз, акварель), «Портрет радиста т. Страхолет» (этюд, масло), «Портрет радиста» (этюд, масло), «Портрет радиста т. Портного» (этюд, масло), «В тылу врага» (масло), «Партизанка» (этюд, масло); Кукс М. И. (Ленинград) «Лыжники-разведчики» (масло); Козловский И. И. (Ленинград) «Партизан» (скульптура, пластилин), «Налет врага» (скульптура, пластилин), «Партизан» (вариант, скульптура, пластилин); Юдовин С. Б. (Ленинград) «Ленинград в борьбе» (8 гравюр); Светлицкий С. П. (Ленинград) «Помощь колхозу», «Ленинград в 1942 г.» (5 рисунков тушью); Якобсон А. Н. (Ленинград) «У переезда» (рисунок).

2 марта 1943 г. председатель правления Ярославского союза художников Александр Константинович Шиндыков писал М. Г. Манизеру: «Уважаемый Матвей Генрихович!.. Сообщаем Вам, что выставка наша, посвященная 25-й годовщине РККА открыта в Яр[ославском] Доме Красной Армии в двух залах. На выставке приняли участие 41 художник области... Представлено 120 работ живописи, графики, скульптуры.

За время с 23 февраля по 1-е марта посетило выставку свыше 1.500 человек неорганизованного зрителя и около 500 человек по приглашению С[оюза] С[оветских] Х[удожников] и Д[ома] К[расной] А[рмии].

Выставка рассчитана быть открытой до 23–25 марта. С целью популяризации выставки нами проделано:

- а) Дано несколько объявлений по радио Ярославской Сети.
- б) Одно объявление по радио по Союзу через корреспондента ТАСС.
- в) Через местную газету «Северный Рабочий».

На днях организуем радиозксурсию по выставке (подготовится т. Алехина) и даем объявления по всем газетам-многотиражкам области.

По согласованию с Обкомом ВКП(б) и отделом искусств намечено творческое обсуждение с приглашением всех участников выставки, общественности города и сил специалистов г. Москвы через Оргкомитет ССХ СССР и Всекохудожник» [9].

29 июня 1943 г. правление Союза художников постановило развернуть подготовку к выставке «Героический фронт и тыл» и с

этой целью организовать творческие командировки на объекты зарисовок. А. Н. Яковсон командировали в зенитную часть для создания серии рисунков «Девушки в Отечественной войне», М. Н. Орлову – на Тихменьевское торфопредприятие для сбора материалов к серии рисунков, А. А. Ефимова – в летную часть для продолжения ранее начатой серии портретов, А. С. Никольского и С. Б. Юдовина на зарисовки результатов вражеских налетов на Ярославль, М. И. Кукса – в конный совхоз Ростовского района и т.д.

Все ярбаховцы побывали в творческих командировках на фронте, в колхозах, на заводах, выполняли заказы для организаций, как иллюстраторы книг участвовали в работе ярославского издательства. Систематически проводились лекции, велась шефская работа в воинских частях и госпиталях, устраивались самоотчеты, была налажена работа художественного фонда.

Этими обстоятельствами объясняется наличие значительного количества работ ленинградских художников в ярославских музеях (Ярославском художественном музее, Ярославском государственном историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике, Государственном литературно-мемориальном музее-заповеднике Н. А. Некрасова «Карабиха»).

На ярославской земле были продолжены работы по «художественной фиксации ленинградских впечатлений» (по образному выражению Никольского [7, с. 43]): художники по памяти делали зарисовки страшной блокадной зимы, дорабатывали эскизы, выполненные непосредственно на улицах Ленинграда. Свой знаменитый дневник Никольский написал еще в первую блокадную зиму, а здесь, в некрасовских местах, оформил свои записи рисунками.

Создали ленинградские художники и серию работ «Ярославль в дни войны». Архивные документы свидетельствуют о том, что в условиях военного времени право на зарисовки городских объектов мог выдать только НКВД. НКВД также утверждал списки улиц, площадей, скверов, зданий, архитектурных ансамблей г. Ярославля, разрешенных для зарисовок художниками.

Графические листы Александра Сергеевича Никольского, акварели Сергея Павловича Светлицкого (1913–1992) погружают нас в Ярославль 1940-х. Хорошо узнаваемые улицы, площади, Волжская набережная – практически все с приметам военного времени.

Соломон Борисович (Шлема Борухович) Юдовин (1892–1954) в своих акварелях и линогравюрах ведет зрителя в неторопливую прогулку по бывшей усадьбе Н. А. Некрасова «Карабиха» (альбом линогравюр «Некрасовские места», 1944). «Мы приближаемся к некрасовским местам, – пишет биограф Юдовина, – и перед нами возникает деревня, дремлющая под пушистым покровом снега. Потом мы входим в деревню, видим старую церковь, сани на улице, людей, столбы электросети. Поворот, – и вот мы уже обходим кругом усадьбу, на каждом листе открывающуюся в иных ракурсах со своими флигелями, верандами, пристройками. А кругом – деревья в снегу, с оголенными зимними ветвями, особенно красивые в листе «Терраса в парке», такие легкие и прозрачные по рисунку, таящие в себе обещание летней зелени. Все ближе и ближе дом – и наконец открываются двери в комнату. Она пуста... Становится немного грустно – жизнь ушла из этих комнат. Осталось только бережно хранимое воспоминание» [2, с. 44].

Активно сотрудничал С. Б. Юдовин с Ярославским областным издательством, им выполнены иллюстрации к сборникам стихотворений А. А. Суркова, роману Б. А. Горина-Горайнова «Федор Волков», к повести Д. Я. Бондарева «Буйловцы», «Ярославскому альманаху»...

Художники-графики Александра Николаевна Яacobсон (1903–1966) и ее супруг Миней Ильич Кукс (1902–1979) работали по заданию Детгиза над иллюстрацией книг для детей.

Два года на ярославской земле Яacobсон много рисует, много лепит. Героини ее произведений девушки, девушки-бойцы. Александру Николаевну приглашают в Ярославский театр кукол – изготовить декорации и куклы к спектаклю «Василиса Прекрасная». В некрасовских местах она собирает частушки и делает к ним иллюстрации (10 листов). Яacobсон даже подготовила обложку «Ярославские частушки. Карабиха. 1943». Однако целую серию, которая составила бы альбом, сделать не успела.

Каждый художник открыл для себя что-то новое в наших местах.

С весны 1944 г. ярбаховцы начали свертывать свою творческую работу в Ярославле. 6 мая 1944 г. в газете «Северный рабочий» была размещена заметка «Новые экспонаты музея»: «Ярославский областной краеведческий музей приобрел много интересных экспонатов... Собрание живописи музея пополнилось серией рисунков академика Никольского «Ленинград в дни блокады», работами известного графика Юдовина на темы: «Ленинград в 1942 г.» и «Имение поэта Некрасова в Карабихе». Немало картин на местные темы выполнено художником Светлицким» [6, с. 275–276].

Об одной из последних выставок, которая стала своеобразным творческим отчетом С. Б. Юдовина, «Северный рабочий» рассказал 21 июля 1944 г.: «Представленные на выставке 400 разнообразнейших гравюр и рисунков вызывают всеобщее восхищение. Все они, созданные художником за краткий период его пребывания в Ярославле (с конца 1942 года по настоящее время), поражают своей глубокой содержательностью. Неслучайно одна посетительница сказала: «Я не знала, что такими скромными средствами можно так много выразить». Действительно, гравюры С. Б. Юдовина, отображающие разнообразнейшие темы: «Былое и настоящее», «Петроград в дни наступления Юденича», «Герои Балтики», «Ленинград в дни отечественной войны и блокады», «Некрасовские места» и т.д., говорят о многом.

В теме «Былое и настоящее» показана жизнь еврейского народа в царской России и СССР...

В работах, отражающих Ленинград в дни блокады, Юдовин сумел передать наиболее сильные, волнующие впечатления...

Значительное место среди гравюр занимают изображения пейзажа. В более ранний период творчества Юдовина пейзажи – исключительно городские. В них Юдовин отразил характер и поэтичность наших западных городов и местечек. В последних же работах выражено очарование местностью, окружающей имение поэта Некрасова. Работы: «Дом, где жил Некрасов», «Терраса, где работал Некрасов», «Камин в кабинете Некрасова», «Кедр, посаженный Некрасовым» создают в художественной форме наглядное представление об ушедшем в историю времени и обстановке, связанных с именем поэта.

Интересен Юдовин и как иллюстратор... Много сделано Юдовиным в оформлении и иллюстрации книг Ярославского издательства...

Выставка гравюр С. Юдовина – значительное культурное событие в Ярославле. Успех, который она имеет – лучшая оценка творчества талантливого художника» [1].

Осенью ленинградские художники вернулись в родной город на Неве.

Список литературы и источников

1. Алёхина, А. Гравюры С. Б. Юдовина / А. Алёхина // Северный рабочий. – 1944. – 21 июля.
2. Бродский, В. Я. Соломон Борисович Юдовин / В. Я. Бродский, А. М. Земцова. – Ленинград : Художник РСФСР, 1962. – 79 с.
3. Грабарь, И. Письма, 1941–1960 / И. Э. Грабарь ; ред. Н. А. Алпатова. – Москва : Наука, 1983. – С. 42–43.
4. Котова, Т. В. Проблемы эвакуации населения в годы Великой Отечественной войны в документах Государственного архива Ярославской области / Т. В. Котова // Прифронтовая полоса : Ярославская область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : сборник статей, документов и материалов / ГАЯО. – Ярославль : Ньюанс, 2005. – С. 70–85.
5. Леонтьева, Г. К. Александра Николаевна Якобсон / Г. К. Леонтьева. – Ленинград : Художник РСФСР, 1988. – 128 с. : ил.
6. Летопись Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : по материалам ярославской обл. газеты «Северный рабочий» : сборник / [авт.-сост. О. В. Кузнецова]. – Ярославль ; Рыбинск : Рыбинский дом печати, 2005. – 334 с. : ил.
7. Никольский, А. С. Ленинградский альбом : рисунки, гравюры, проекты военных лет / А. С. Никольский ; авт. вступ. ст. и сост. О. Н. Смелков – Ленинград : Искусство, 1984. – 226 с. : ил.
8. Пришвин, М. Повесть нашего времени / М. Пришвин. – Ярославль : Ярославское книжн. изд-во, 1957. – С. 243–244.
9. ССХ. Переписка с Оргкомитетом ССХ СССР, 1942–1943 гг. // ГАЯО. Ф. 865. Оп. 1. Д. 82. Л. 134.
10. Яхонь, О. В. Советская скульптура : пособие для учителей средней школы / О. В. Яхонь. – Москва : Просвещение, 1973. – С. 136.

ПЛЕННИКИ ЛЕНИНГРАДСКОЙ БЛОКАДЫ

Статья о судьбе жительницы поселка Норское г. Ярославля Тамары Павловны Озеровой (Махутиной) и ее семьи в годы ленинградской блокады.

Маленькая Тамара и ее пятилетний брат попали в детский концлагерь в Вырице, называемый фашистами «детским домом». Из воспоминаний узников узнаем о зверствах над детьми. Но в их сердцах сохранилась и благодарность, тем, кто помогал им выжить – местным жителям, среди которых был наш земляк Серафим Вырицкий.

Ключевые слова: блокада, Войтолово, Вырица, концлагерь, голод, карцер, преподобный Серафим Вырицкий, бывшие узники.

8 сентября 1941 г. началась длившаяся 872 дня ленинградская блокада. Общая площадь взятых в кольцо Ленинграда и пригородов составляла около 5.000 кв. км. Помимо войск в кольце блокады оказалось все гражданское население города – примерно 2,5 миллиона жителей и 340 тысяч человек, проживавших в пригородах [9, с. 271].

Блокада Ленинграда и судьбы его жителей становились главной темой работ у историков и писателей. Но в кольце оказались и жители пригородов. К сожалению, об их судьбах известно гораздо меньше.

Более десяти лет назад мне удалось убедить жительницу поселка Норское г. Ярославля Озерову (Махутину) Тамару Павловну (1935–2005) написать воспоминания о жизни ее семьи в годы оккупации. Тамара и ее брат Рудольф (1936–1997) стали узниками фашистского детского концлагеря, устроенного в поселке Вырица Гатчинского района Ленинградской области. Без слез вспоминать об этом она не могла.

Во время оккупации в Гатчинском районе базировались 18 и 16 армии группы «Север». По данным Иванченко Н. Ю. [6], именно здесь оккупанты устроили наибольшее количество – пятнадцать – концлагерей, но ни в одном документе не написано о деятельности детского лагеря.

Тамара Павловна родилась 11 июня 1935 г. в поселке Лисино Тосненского района Ленинградской области. В 1939 г. семья переехала к родителям отца, в деревню Войтолово Мгинского района.

В первые дни Великой Отечественной войны отца, Павла Ивановича Махутина, забрали на фронт. Батарея, где он служил, стояла в Зоологическом саду Ленинграда и была уничтожена. Раненый Махутин скончался после операции 10 ноября 1942 г. Лишь спустя 50 лет семья узнала, что он похоронен на Пискаревском кладбище в братской могиле.

В конце августа 1941-го в Войтолово появились мотоциклисты-разведчики, чуть позже грузовики с солдатами. Утром жители увидели повешенного односельчанина с табличкой на груди: «Кто будет укрывать красноармейцев, всем так будет!».

Солдаты селились в домах, выгоняя обитателей в сараи. Делали обыски, отбирая спрятанное, на огородах запрещали рвать зелень. Дети ходили в лес за земляникой в надежде получить в обмен кусок хлеба. «Набрали как-то земляники полную корзину, немец ягоды взял, а хлеба не дал. Мы так плакали!» – с горечью рассказывала Озерова.

Бесконечной вереницей мимо деревни шли пленные красноармейцы. «Загнали военнопленных в овин, и все умерли там, много тысяч (так казалось), даже ноги торчали из земли, не закопать было», – вспоминала Тамара Павловна [3, с. 2].

В один из последних дней мая 1942 г. немцы выгнали на улицу жителей Войтолово. В одну сторону оттеснили взрослых, в другую – детей от двух лет и старше. Из рассказа Озеровой: «Стоял ужасный вой и плач, который заглушал лай собак. Матерей, рвавшихся к детям, били прикладами. Нас погрузили в крытые машины и повезли. К вечеру подъехали к станции Вырица» [3, с. 2].

Детей загнали в здание бывшего дома отдыха. Усталые, ослабевшие от плача и голода, они уснули на холодном полу. Это были первые обитатели фашистского «детдома». Привезенные позже дети были из Шлиссельбурга, Павловского, Отрадного, близлежащих деревень Мгинского района.

Лагерь был отделен от леса забором с колючей проволокой. За оградой располагалось лагерное кладбище, за ним поле. По

воспоминаниям бывших узников, комендантом лагеря был итальянец Дель Фаббро, надзирателями – немцы. Запомнился один из них, Бруно, не расстававшийся с плеткой. Не менее жестоко обращались с детьми русские надзирательницы.

Вначале самые отчаянные пытались бежать, немцы ловили их и сажали в так называемую «штрафную» комнату в подвале. Подвал заливали водой, бегали крысы. Вместе с Махутиными из Войтолова привезли семью Барабиных. Александр Петрович Барабин вспоминал, что в свои пять лет день просидел в карцере. «А посадить могли и за то, что за обедом схватил два кусочка хлеба вместо положенного одного, и за то, что якобы украл две картофелины...» [5].

Как-то попал в штрафную комнату и Рудик Махутин. Он стащил на кухне банку из-под повидла. Налили воду, и получилась она сладкая. Но кто-то донес на него, и Рудика посадили в карцер. А банка сослужила им еще раз. Ребята тайком наскребли остатки теста с котла в кухне, развели водой, поставили на огонь, и получилась невероятно вкусная каша.

Екатерина Ефимовна, мать Махутиных, устроилась в «детдом». «Работали в лагере и дети, и мы. Рассказывать об этом нет сил. Помню только, что когда была моя очередь хлеб раздавать детям, то все время не хватало его мне, так как еще по дороге за каждым деревом ждал ребенок и просил хлеба. Кормили нас бульоном из коровьих маток» [1].

Три раза в день детям выдавали похлебку из турнепса, заболтанную мукой, иногда с кусочком протухшего мяса. Вспоминают, что маленький кусочек хлебца сосали как конфету. На редких прогулках дети выкапывали корешки и ели, особенно любили от осоки. После сбора урожая спрятанные листья турнепса тайком варили на воде.

Жители поселка помогали, кто чем мог. Босому Рудиду какая-то женщина дала большие старые галоши. Ходил в них, привязав к ногам мочалом. Известно, что в то время в Вырицах жил преподобный Серафим Вырицкий, наш земляк. Василий Николаевич Муравьев (1866–1949) родился в деревне Вахромеево, Арефинской волости, Рыбинского уезда. С 1905 г. состоял действительным членом

Ярославского благотворительного общества. В 1926 г. принимает схиму под именем Серафима и становится духовником Александроневской Лавры.

В Вырице отец Серафим провел последние годы жизни. В дни войны призывал жителей помогать детям, покупал и передавал в лагерь детское и постельное белье. Под конец оккупации ему удалось получить разрешение, чтобы детей по воскресеньям небольшими группками отпускали в Казанскую церковь. После службы дети заходили домой к старцу, и батюшка угощал голодных, чем мог, беседовал с ними.

Но не все так относились к узникам. Тамара Павловна вспоминала, как принесла дрова на кухню, а там девица блины печет. Голодная Тома остановилась и смотрит. Та на нее закричала: «Что смотришь?» – и ей горячий блин прямо со сковородки в рот засунула [3, с. 4].

По всем немецким документам лагерь проходил как детский дом. Так приказали называть и малолетним узникам. Все время, что жили дети в заточении, их не мыли, не выдавали одежды. Иногда фашисты собирали с них завшивевшую одежду, вилами закидывали в жарочные печи, вынимали, и дети разбирали каждый свое.

Зимой дети работали на переборке картофеля и овощей, летом в парниках и на полях. Работа по двенадцать часов, надзирательская плетка, карцер – так они жили. Слабели от недоедания, были постоянно грязными. Вскоре начался тиф, каждый день кто-то умирал.

Двое военнопленных из ближайшего концлагеря колотили ящики, в которых хоронили детей, затем мертвецов стало так много, что их зарывали прямо за забором. Переболели и Махутины, чудом остались в живых. Больше всего смертей было в бараке для «грудничков».

12 января 1943 г. началась операция «Искра» по прорыву блокады Ленинграда. Однако еще год ленинградская земля находилась на осадном положении. 27 января 1944 г. – день освобождения от блокады – навечно вошел в историю советского народа. 30 января немцы стали спешно эвакуировать концлагерь в Прибалтику. И только в этот момент Тома узнала от старших ребят, с какой целью их сюда согнали. Дети должны были стать донорами для раненых фашистов.

Вспоминает бывший узник Александр Рослов: «Моя сестра Лена умерла там, в лазарете. Говорила: «Саша, возьми меня отсюда. У меня уже и крови нет, а они все берут». На следующий день ее не стало» [4]. У Тамариной группы кровь не брали, и решили вывести как рабочую силу. Самые маленьких и слабых бросили в лагере.

Вырину освобождала 72 стрелковая дивизия под командованием генерал-майора И. И. Ястребова. Первыми в поселок вошли разведчики. Один из них, Г. К. Петрук, позднее рассказал местному краеведу Б. В. Тетюеву, как солдаты обнаружили дом с изможденными детьми.

Односельчане Озеровой, Барабины, хорошо запомнили день 30 января. Старших при наступлении наших войск немцы погнали на станцию. Шли они в сопровождении солдата с овчаркой. Когда рядом разорвался снаряд, все упали. Поднявшись, немец махнул на детей рукой, а сам скрылся.

Озерова вспоминает, что переночевали в какой-то землянке. Утром вышли на дорогу и встретили красных кавалеристов. Красноармейцы привезли детей к себе, накормили, вымыли, одели. Рудик съел много хлеба и чуть не умер. Вскоре Махутиных отыскала мать. Вернулись в Войтолово.

«Карточек не выдавали целый год. Считали, что мы должны прожить этот год за счет трофеев, – пишет Екатерина Ефимовна, – а сами же и отбирали эти трофеи» [1]. Трофеями считалось все, что было найдено на подорванных и брошенных машинах.

Чтобы прокормить детей, Екатерина Ефимовна устроилась на строительство железной дороги, затем вместе с ними уехала работать к финской границе на станцию Элисенвару. Жить было страшно – разбойничали банды «лесных братьев». Переехали в Таллин, где Антонова устроилась на фанерный завод, но вскоре вернулись в Войтолово.

В 1950 г. Тамара уехала на учебу в Ленинград. Затем работала кассиром в столовой на бумажной фабрике Гознака. В 1953 г. вышла замуж за Василия Николаевича Озерова. Жили с дочерьми в поселке Горы Ленинградской области. Пребывание в концлагере подорвало здоровье Тамары Павловны, развилась астма. Пришлось переехать на родину мужа, в Ярославль.

После Указа Президента № 12356 в 1992 г. страна признала детей, выживших в фашистской неволе, узниками, но о Вырицком лагере документов по-прежнему не было. Лишь в апреле 1996 г. в Вырице создали комиссию, которая опросив в качестве свидетелей бывших узников, постановила: «Считать установленным факт существования на территории поселка Вырица детского лагеря принудительного труда, созданного немецкими фашистами в период Великой Отечественной войны» [5].

Тамара Ивановна стала инвалидом I группы. Куда только не обращалась семья Озеровых, чтобы получить денежную компенсацию: в военные архивы России и Германии, в Красный крест, в архивы ФСБ. Отовсюду приходил ответ: «О концлагере в Вырицах данных нет». Это было и после 1996 г.

В 2003 г. Озеровы отпраздновали «золотую» свадьбу, а 1 мая 2005 г. Тамара Павловна ушла из жизни. 60 лет умер и ее брат.

В 1964 г. детские останки, обнаруженные за оградой лагеря, перенесли и захоронили рядом с поселковым кладбищем, поставили скромный обелиск. 20 июня 1985 г. установили новый памятник. 11 апреля 1998 г., в Международный день памяти освобождения узников Бухенвальда, в Вырице у памятника «Детям ленинградской земли» впервые официально встретились бывшие узники детского лагеря. Дети, выжившие наперекор всему.

Вырицкий лагерь и судьбы его обитателей, жертвы среди мирного населения, – маленькая частица того, что происходило на блокадной территории Ленинградской области.

Список литературы и источников

1. Автобиография Антоновой Екатерины Ефимовны, Ярославль, май 1995 г. [Рукопись] / Е. Е. Антонова // Архив музея средней школы № 17. – Л. 1 об.

2. Благословенная Вырица : история подвижничества / сост. Л. А. Ильюнина. – Санкт-Петербург : Искусство России, 2010. – 137 с.

3. Воспоминания Т. П. Озеровой, записанные внуком Александром Домановым, Ярославль, 2004 [Рукопись] / Т. П. Озерова, А. Доманов // Семейный архив Домановых. – 6 с.

4. Детям ленинградской земли [Электронный ресурс]. – URL : http://serafim.com.ru/site/nstr_50_60_deti.html.

5. Документы немецких оккупационных властей, действовавших на временно оккупированной территории Ленинградской области [Электронный ресурс] // Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 3355. Оп. 19. Д. 85. Л. 74. – URL : <https://spbarchives.ru>.

6. Иванченко, Н. Ю. К вопросу об уничтожении немецко-фашистскими оккупационными властями советских военнопленных в концентрационных лагерях на территории северо-западных областей страны (1941–1944 гг.) [Электронный ресурс] / Н. Ю. Иванченко. – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-unichtozhenii-nemetsko-fashistskimi-okkupatsionnymi-vlastyami-sovetskih-voennoplennyh-v-kontsentratsionnyh-lageryah-na>.

7. Из ада земного – к небесному раю [Электронный ресурс] / авт.-сост. Алексей Бакулин // Православный Санкт-Петербург. – 2010. – № 7 (223). – Июль. – URL : <http://www.pravpiter.ru/pspb/n223/ta011.htm>.

8. Карасев, А. В. Ленинградцы в годы блокады, 1941–1943 / А. В. Карасев. – Москва : АН СССР, 1959. – 312 с.

9. Россия и СССР в войнах XX века : потери вооруженных сил : статистическое исследование / общ. ред. Г. Ф. Кривошеев. – Москва : Олма-пресс, 2001. – 608 с. : карт., табл. – (Архив).

10. Указ Президента РФ от 15 октября 1992 г. N 1235 «О предоставлении льгот бывшим несовершеннолетним узникам концлагерей, гетто и других мест принудительного содержания, созданных фашистами и их союзниками в период второй мировой войны» [Электронный ресурс]. – URL : <http://base.garant.ru/101573/>.

Г. В. Островская, О. Т. Лойко, Л. А. Дементьев

ПРОФЕССОР БОРИС ВЕЙНБЕРГ И ЕГО ВКЛАД В СТРОИТЕЛЬСТВО «ДОРОГИ ЖИЗНИ»

В статье рассматривается деятельность одного из ведущих российских гляциологов, профессора Бориса Петровича Вейнберга (1870–1942). На основе научных трудов и публикаций прослеживается творческий путь ученого в области развития российской авиации. Особое внимание уделено вкладу ученого в разработку теории льда. Труды Б. П. Вейнберга способствовали разработке технических параметров ледового покрытия Ладожского озера для строительства «Дороги жизни» в период блокады Ленинграда. Дается сравнение двух блокад – Ленинградской и Берлинской. В статье представлены малоизученные факты жизни и деятельности российского гляциолога.

Ключевые слова: Вейнберг Б. П., «Дорога жизни», гляциология, теория льда, блокада, Томский технологический институт, Томский политехнический университет.

Профессор Вейнберг – становление ученого

Чем дальше во времени отходит от нас то или иное событие, тем значимее становится память о нем. Не один год шагает по городам нашей страны, а теперь уже и мира, Бессмертный полк. Его ряды постоянно пополняются именами солдат, которые внесли свою лепту в Великую победу. Но остаются имена людей, которые приближали победу своим трудом, не только на полях сражений, но и в исследовательских институтах, лабораториях, разрабатывая новые технологии, создавая приборы с одной целью – ускорить победу. Об одном из них – российском гляциологе, профессоре Борисе Петровиче Вейнберге (20.06.1870–18.04.1942) стоит рассказать особо. Он родился в семье инженеров. После окончания физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета и получения в 1909 г. Ломоносовской премии за исследование «О внутреннем трении льда» [2] переезжает в Томск – город, в

котором уже открыты два вуза: Томский императорский университет (1878) и Томский технологический институт (1896).

Именно в Томском технологическом институте (с 2009 г. – Ведущий Национальный исследовательский Томский политехнический университет) Борис Петрович возглавил кафедру физики, участвовал в открытии Сибирских женских курсов, разрабатывал проект создания кафедры воздухоплавания (совместно с профессорами В. П. Алексеевым и В. Л. Малеевым). Томская городская дума по просьбе ученых выделила участок для устройства аэротехнической лаборатории и аэродрома. В 1910 г. на собственные средства преподавателей и студентов института по инициативе профессора Вейнберга был создан второй в России аэрокосмический кружок. В 1911 г. над Лагерным садом, любимым местом отдыха и прогулок томичей, поднялся двухместный летательный аппарат. В этом кружке начинал свою летную карьеру выпускник механического факультета Николай Иванович Камов. Другой российский воздухоплаватель, Михаил Леонтьевич Миль, в возрасте 12 лет, работая в этом же кружке, сконструировал модель самолета (1912).

В 1923 г. в Томске по предложению профессора Вейнберга создается Институт изучения Сибири (в настоящее время Сибирский физико-технический институт). 1924 г. застает профессора Вейнберга директором, позже действительным членом Главной геофизической обсерватории в Ленинграде. Именно в это время он продолжил начатые ранее работы, посвященные льду.

«Ледниковый период» профессора Вейнберга

Работы по изучению льда, его свойств и возможностей использования были начаты Борисом Петровичем в Одессе. К одесскому периоду относится и публикация первой книги Б. П. Вейнберга «Лед. Свойства, возникновение и исчезновение льда» [4], которая, по мнению академика М. В. Котлякова, является первой русской монографией по гляциологии [5].

Учитывая огромную распространенность льда и снега на поверхности Земли и их влияние на условия жизни людей, ученый производил измерения удельного веса и прочности на излом льда реки Томи перед ледоходом. Исследования проводились как

непосредственно на реке, так и в лабораториях, и во дворе физического корпуса ТТИ. Исследуя разрыхление льда, он делал прогнозы начала ледохода, предупреждал местные власти о ледяных заторах на реке, могущих вызвать наводнения.

В 1913 г. Вейнберг, работая в Томске, по поручению городской думы Томска публикует статью «Приборы для быстрого и достаточно точного определения удельного веса льда и сопротивления его на излом» [3]. «В половине марта 1911 года комиссия по предупреждению наводнений при Томском городском общественном самоуправлении, – писал Вейнберг, – обратилась ко мне в лице ее председателя Е. Л. Зубашева, с просьбой выработать программу и методы наблюдений, которые могли бы дать материал для предсказаний и сроков наступления ледохода и интенсивности его вызываемых им наводнений» [3].

В 1930-е гг., когда началось широкомасштабное освоение Арктики, в деятельности Бориса Петровича наблюдается новый всплеск активности в области ледовых проблем, причем, помимо научного интереса, им движет стремление использовать свои знания и опыт для решения практических задач освоения Севера и прокладки Северного морского пути. Борис Петрович приводит план широкомасштабных исследований механических свойств снега, как в лабораторных, так и в природных условиях.

Ряд работ Б. П. Вейнберга этого периода посвящен явлению режеляции (смерзанию или, если точнее, «перезамерзанию») льда и снега [4]. Это явление основано на упомянутом ранее уникальном свойстве льда – уменьшении температуры его плавления с ростом давления. Именно режеляция приводит к примерзанию ко льду стоящих на нем предметов, а также к слеживанию снежного покрова. Таким образом, свойства снега зависят от всей истории его существования (времени выпадения, изменений температуры воздуха и т. д.).

Но особое значение работы профессора Вейнберга приобрели при строительстве «Дороги жизни».

Ленинград в кольце блокады

8 сентября 1941 г. были перерезаны все сухопутные дороги, и кольцо вражеской блокады окончательно замкнулось вокруг нашего города. Блокада продолжалась 872 дня (снята 27 января 1944 г.) и унесла жизни более 1 млн. ленинградцев, большая часть которых умерла от голода. Самой трудной была первая блокадная зима 1941–1942 гг.

Конец ноября – начало декабря 1941 г. стали критическими днями для жизни блокадного города. Ситуацию с голодом усугубляло отсутствие топлива и электроэнергии, а также прекращение функционирования водопровода и канализации. Все это привело к резкому росту в декабре 1941 г. смертности населения, которая достигла к февралю 1942 г. 130 тыс. человек в месяц и превысила довоенный уровень смертности более чем в 40 раз.

Для спасения Ленинграда от голодной смерти был разработан и реализован уникальный проект прокладки автомобильной дороги по льду Ладожского озера – легендарной «Дороги жизни».

Первым об участии Бориса Петровича в этом проекте написал И. Т. Лозовский в статье «Последний подвиг ученого» [7]. Сведения о роли Б. П. Вейнберга в проекте, как ведущего специалиста в области исследований физических и механических свойств льда, имеются в книге М. В. Котлякова: «Уже в первую военную зиму Ставка Верховного Главнокомандующего в осажденном городе поставила перед Б. П. Вейнбергом важнейшую задачу того времени – определить возможность движения тяжелой техники по льду Ладожского озера. Мы знаем об успехе этих работ: в короткий срок была создана на Ладоге «Дорога Жизни», обе зимы успешно служившая связующей нитью заблокированного города со всей страной» [6, с. 28]. Наверное, никто лучше Бориса Петровича, посвятившего исследованию льда большую часть своей жизни, не мог рассчитать при какой толщине лед сможет выдержать определенную нагрузку, но увеличить толщину льда не мог никто, кроме природы. Знал Борис Петрович, что по данным многолетних наблюдений надежный ледяной покров устанавливается на Ладоге не раньше начала января, и в то же время он понимал, что каждый день промедления уносит жизни тысяч ленинградцев, и, конечно же, искал

возможности скорейшего начала перевозок по ледовой дороге. В итоге было решено проложить по льду Ладоги автотрассу по маршруту Осинец – остров Зеленец – Кабона, длиной 29 км, производя усиление льда путем искусственного намораживания. Бесспорно, что знания и опыт Бориса Петровича, как известного гляциолога, и его советы были учтены и использованы при реализации этого проекта. Да и русская «Матушка-Зима» не подвела: аномально холодная погода с температурой – 25° установилась уже в середине ноября. Первый санный обоз с хлебом прошел по еще неокрепшему льду 20 ноября 1941 г., а 23 ноября по льду прошла первая автомобильная колонна (60 машин), но из-за хрупкости льда на каждую машину грузили всего 2–3 мешка. С начала декабря трехтонки идут по льду Ладоги с полной нагрузкой [8].

В создании и функционировании «Дороги жизни» участвовали сотни людей: ученые, инженеры, военные, строители, транспортники, водители, – которые с риском для жизни вели машины по тонкому льду. Это был их коллективный подвиг, благодаря которому было спасено от голодной смерти более миллиона ленинградцев. И свою посильную лепту в это общее дело внес профессор Вейнберг в последние месяцы своей жизни!

Борис Петрович умер от голода в своей ленинградской квартире 18 апреля 1942 г. У родных, живших тогда в блокадном Ленинграде, не было сил, чтобы проводить его в последний путь. На каком кладбище и в какой братской могиле он похоронен – неизвестно.

Две блокады – две памяти?

В современной литературе, посвященной Великой Отечественной войне, постоянно появляются новые и новые факты, которые, к сожалению, не всегда соответствуют реалиям этой великой трагедии. Так, например, блокаду Ленинграда, длившуюся 872 дня, сравнивают с блокадой Берлина (21 июня 1948 – 11 мая 1949). Сравнение, как исторический метод, способно придать значимость сравниваемым событиям. Но только не в этом случае. Блокада Берлина проходила совершенно в других условиях, население Берлина получало достаточное количество продуктов по воздушному мосту, организованному союзниками. По воспоминаниям жителей

Берлина 1948 г.: «Они [американцы] разбомбили наши города, теперь пусть бомбят картошкой» [1]. Электричество давали только по ночам. Жителей блокадного Ленинграда бомбили совсем не картошкой... А электричество было отключено еще в начале блокады. Есть события, которые в истории получили одинаковые наименования, но содержание и смысл этих событий – различны. И об этом необходимо помнить и восстанавливать имена людей, отдавших свою жизнь на благо процветания своего Отечества.

Список литературы

1. Берлин / Berlin 1948–1949 (CNN Cold War) [Электронный ресурс]. – URL : <https://www.youtube.com/watch?v=-IYeRAYVvA0> (дата обращения : 21.11.2017).

2. Вейнберг, Б. П. О внутреннем трении льда : монография / Б. П. Вейнберг. – Санкт-Петербург : Тип. В. Демакова-насл., 1906. – [2], 144 с. : черт., табл.

3. Вейнберг, Б. П. Приборы для быстрого и достаточно точного определения удельного веса льда и сопротивления его на излом [Электронный ресурс] / В. П. Вейнберг // Известия Томского технологического института. – Томск : ТТИ, 1913. – Т. 29. – № 1. – URL : <http://earchive.tpu.ru/handle/11683/7270> (дата обращения : 21.11.2017).

4. Вейнберг, Б. П. Режеляция льда и снега / В. П. Вейнберг // Труды Арктического института. – 1938. – Т. 110. – С. 5–13.

5. Вейнберг, Б. П. Лед : свойства, возникновение и исчезновение льда / Б. П. Вейнберг. – Москва ; Ленинград : Гостехиздат, 1940. – 524 с. : ил., черт., граф.

6. Котляков, М. В. Мир снега и льда : монография / М. В. Котляков. – Москва : Наука. – 1994. – 198 с.

7. Лозовский, И. Т. Последний подвиг ученого / И. Т. Лозовский // Красное знамя. – 1973. – 22 февраля.

8. Островская, Г. В. Дорога жизни профессора Б. П. Вейнберга и его ледяная гора : к 140-летию Б. П. Вейнберга и 70-летию дороги жизни / Г. В. Островская // Известия Томского политехнического университета. – 2011. – № 2. – С. 149–156.

КАРЕЛЬСКИЙ ФРОНТ В ВОСПОМИНАНИЯХ УЧАСТНИКА БОЕВ

Представлены воспоминания участника Великой Отечественной войны, учителя физики и астрономии Владимира Федоровича Пакшина (1922–2002). Даются описания драматических военных событий на Карельском фронте, интересные личные наблюдения, которые позволяют оживить давно ушедшее время.

Ключевые слова: Карелия, Морская бригада, потери, финны, противостояние, память.

Большинство россиян знают о событиях на Карельском фронте по фильмам «А зори здесь тихие», снятым по одноименной повести Бориса Васильева. Первая экранизация вышла в свет еще в начале 1970-х, т.е. более 40 лет тому назад. Авторы статьи очень хорошо помнят одну из премьер и встречу с создателями фильма и актерами Андреем Мартыновым и Ольгой Остроумовой. Встреча проходила в Москве в ДК Московского авиационного института. Запомнилось и то, какое сильное впечатление фильм произвел на зрителей. На успех картины, безусловно, повлиял тот факт, что и автор повести, и режиссер Станислав Ростоцкий – оба были участниками Великой Отечественной войны. Современная молодежь знакома с этим сюжетом скорее по фильму Рената Давлетьярова, который появился в 2015 г. Не будем сравнивать эти две экранизации, а посмотрим на Карельский фронт глазами В. Ф. Пакшина, одного из участников описываемых событий.

Владимир Федорович Пакшин родился 21 января 1922 г. в селе Атемар Саранского района Мордовской автономной области. В 1940 г. со второго курса пединститута был призван в ряды Красной Армии. Начинал свою службу на Дальнем Востоке. Прошел всю войну. Воевал в Карелии, Польше, Австрии, Венгрии. В ноябре 1945 г. демобилизован. В. Ф. Пакшин награжден медалями «За отвагу», «За

победу над Германией в Великой Отечественной войне», юбилейными медалями «20 лет победы в Великой Отечественной войне», «25 лет победы в Великой Отечественной войне», «50 лет вооруженных сил СССР», а также орденом Отечественной войны. После войны в 1948 г. закончил пединститут в Саранске, преподавал физику и астрономию. В Кочелаевской средней школе Мордовской АССР (ныне Республика Мордовия) он проработал тридцать лет. Кроме того, вел кружок «Рыболовство» и часто читал популярные лекции. В. Ф. Пакшин более полувека безвыездно прожил в селе Кочелаево. 24 февраля 2002 г. Владимир Федорович ушел из жизни.

В 1980-х гг. он написал воспоминания, значительная часть которых посвящена описанию драматических военных событий, происходивших на Карельском фронте. Много лет общая тетрадь в черном переплете с рукописью хранилась у его детей. И вот сейчас, спустя более тридцати лет, когда уже появились правнуки В. Ф. Пакшина, было решено напечатать мемуары типографским способом [1]. Они вышли в авторской редакции, без каких-либо изменений, единственно было добавлено несколько фотографий и копия приказа о награждении его медалью «За отвагу» с формулировкой: «...за то, что он умело управлял отделением хим. разведки, обеспечил захват образцов химвооружения противника и вынес с поля боя 11 раненых бойцов и офицеров с их оружием».

Поскольку в одной статье невозможно рассказать обо всем, сузим область повествования до первого периода его участия в Великой Отечественной войне. Расскажем о событиях на Карельском фронте, о тяжелых фронтовых буднях.

«С Дальнего Востока начался отбор воинских частей для отправки на фронт. Я оказался в составе 65 Морской Стрелковой бригады под командованием уже немолодого моряка подполковника Коробко. Нам выдали **морское обмундирование**, новое (как говорят, «с иголки»), и сказали, что немцы, как огня, боятся моряков. В общем, мы превратились в бригаду морской пехоты. Наспех стали изучать автомат, различные типы гранат» [1, с. 29]. (Выделение текста здесь и далее – *П. П., Н. П.*). Следует отметить, что это обмундирование окажется для многих из них роковым, поскольку в

Карелию они попадут, когда там уже ляжет снег, на котором очень хорошо различимы черные бушлаты.

«И вот настал день, когда нас построили в колонну по четыре и повели на станцию для отправки на фронт... После митинга мы под звуки духового оркестра прошли по улицам Владивостока. Улицы города были заполнены толпами народа. Нам махали платочками, руками, многие женщины плакали.

На станции нас погрузили в товарные вагоны и вскоре повезли на запад, ближе к фронту. В вагонах продолжали изучать материальную часть стрелкового оружия (автомат, пулемет, пистолет, гранаты и т.п.) Во всем эшелоне было несколько автоматов и пистолетов ТТ (личное оружие кадровых офицеров) и учебные гранаты. Одним словом, на фронт мы ехали без оружия. Нам сказали, что нам выдадут оружие недалеко от фронта... Приехав в Москву, мы остановились на какой-то станции. Все пути были забиты эшелонами с живой силой и боевой техникой. Здесь были **чуть ли не все национальности нашей страны**. Стоим день-другой. На третий день утром нас выстроили на перроне. Пришло большое начальство и объявило, что в войну против СССР вступила Финляндия и захватила часть нашей территории. «Наша задача, – сказал наш командир бригады, подполковник Коробко, – остановить продвижение финнов и занять оборону в районе станции Масельгская...». Вскоре мы сели в свои «телячьи» вагоны, и нас повезли навстречу войне и смерти, хотя о смерти никто еще не думал. Все были молодые, и всем хотелось жить» [1, с. 29–30].

«Наконец, паровоз остановился, и мы выгрузились. Нам сказали, что до передовой километров 30–40, пойдем пешком лесом, и чтобы мы не шумели и не курили (шли ночью, лесом по снегу). Перед рассветом, не доходя нескольких километров до передовой, нас остановили в небольшой деревне, и сказали, что здесь мы получим оружие и отдохнем до вечера. Как только совсем рассвело, нас стали вооружать. Каждому вручили винтовку со штыком образца 1891/30 гг. и 120 патронов (боекомплект)» [1, с. 30–31].

«Несмотря на все принятые меры предосторожности, при подходе к переднему краю обороны мы были обнаружены

противником и обстреляны беглым минометным огнем, в результате которого несколько солдат было ранено. Это было первое боевое крещение и первая алая кровь на белом снегу. К счастью, убитых не было. Было несколько раненых осколками мин. Недалеко находился домик лесника, в котором мы временно разместили раненых.

Первую фронттовую ночь переночевали в шалашах, сделанных из сосновых и еловых веток. Утром мы увидели людей в полушубках с автоматами, гранатами, «лимонками» и финками. Это были люди, которые держали оборону и которых мы должны были сменить. «Здорово, салажата», – приветствовали они нас пренебрежительно и насмешливо. Это были бойцы так называемой «Дикой дивизии», набранной из тюрем (воры, рецидивисты и т.п.), одним словом, отчаянные люди. Вот эта дивизия и сдержала наступление финнов, которые вынуждены были занять оборону. Потом мы узнали, что их было около 25 тысяч, а осталось 5–6 тысяч – остальные убитые и раненые» [1, с. 31].

«К вечеру мы заняли оборону в болотистой местности у подножия сопки. Траншею вырыли в снегу (снег был глубокий), а для прочности снег поливали водой. Работали ночью и старались сильно не шуметь, чтобы не привлечь противника, который находился метрах в 400–500 от нашей обороны. Между нами и финнами проходила железная дорога по высокой насыпи, т.к. местность была низкая, болотистая. На другой день мы начали рыть землянки. Каждое отделение (12 человек) рыло себе землянку. Первые землянки представляли собой ямы глубиной 2 м или 2 м 20 см. Сверху был накат из бревен, который забрасывался землей и маскировался ветками. В потолке оставлялось отверстие для выхода дыма. Оно также маскировалось ветками. В середине землянки было небольшое углубление, в котором жгли костер. Вокруг костра располагались бойцы, свободные от наряда» [1, с. 32].

«Первая зима 1941–42 гг. была для нас очень тяжелой. Людей было мало, и был двухсменный пост. Это значит, через каждые 2 часа надо было идти в траншею. Все время хотелось спать, и все время в голове кто-то говорил, что спать нельзя, впереди враг, он в любое время может напасть и убить тебя. Было какое-то возбужденное лихорадочное состояние. На другой или третий день после занятия

обороны противник нас обнаружил и начал обстреливать из минометов и пушек» [1, с. 32–33].

В воспоминаниях много подробных деталей военного быта: «Расскажу, как мы делили печеный хлеб. Поручали эту операцию самому надежному и честному бойцу. У меня в отделении таким бойцом был сибиряк Гаврилов Леонид. Он брал буханку хлеба, делили ее ниткой на равное число частей (порций), в зависимости от числа бойцов в отделении. Долго он взвешивал порции на руках и делал довески, отрезая их от одних больших порций и складывая на меньшие. Когда эта процедура была сделана, кто-нибудь из бойцов отделения отворачивался от порций хлеба, а Гаврилов, показывая на порцию, говорил: «Кому?»... Это было справедливое деление, и никто не обижался. Все мы были молодые, здоровые, большую часть суток находились на воздухе, и поэтому аппетит у нас был отменный, и хлеба многим не хватало. Некоторые бойцы делили хлеб на три раза (завтрак, обед, ужин), некоторые на два раза, а некоторые съедали пайку хлеба за один раз» [1, с. 34].

«...На фронт пришло новое пополнение, и пост стал трехсменным, т.е. два часа в обороне и четыре часа в землянке (отдыхаешь). Это было уже легче. Но к этому времени у нас стал развиваться авитаминоз, т.к. в продуктах питания не хватало витамина С. Мы стали пухнуть, десны кровоточить, зубы качаться и т.п. Нас стали поить настоем хвои, темно-зеленой горьковатой жидкостью, которая и вылечила нас от авитаминоза. Вскоре все пришло в норму: зубы окрепли, десны перестали кровоточить, опухоль на руках исчезла, и общее состояние улучшилось. Мы так привыкли к этой витаминной жидкости, что продолжали ее и пить и после того, как нам перестали ее давать. Мы заваривали веточки сосны и ели в котелках, кипятили и пили вместо чая. Жевали сосновые и еловые веточки и сок глотали» [1, с. 35].

«Наступила весна 1942-го. Природа начинала пробуждаться, и мы, вместо болотной воды, стали пить замечательный березовый сок» [1, с. 36]. «А однажды мы услышали характерные залпы знаменитых «катюш», как любовно прозвали солдаты реактивные минометы. Выстрелы батарей «катюш» были красивым зрелищем: по небу будто

летели змеи-горынычи с огненными хвостами. «Катюши» сыграли большую роль в разгроме врага» [1, с. 38].

Вспоминает В. Ф. Пакшин, как однажды его роте дали задание поймать «кукушку» – заброшенного вражеского лазутчика-снайпера. Чтобы взять его, пришлось под обстрелом пилить сосну, на которой тот сидел в специальном гамаке. Снайпером оказалась девушка-финка. Кстати, это не было исключением. Большие подразделения снайперов-женщин дислоцировались недалеко от мест боев в Медвежьегорске. Туда к ним приезжал К. Г. Э. Маннергейм, фотографии выступления Маннергейма перед женскими частями хранятся в Медвежьегорском музее. Поражают жесткие, фанатичные выражения лиц этих снайперов. «В один прекрасный день наступило затишье на фронте, и командиры сказали нам, что Финляндия капитулировала и вышла из войны. Мы радовались, как дети, хотя и знали, что на других фронтах шли еще упорные, кровопролитные бои с немцами» [1, с. 47].

Готовя к печати воспоминания, авторы статьи поняли, что просто необходимо побывать в Карелии, увидеть своими глазами места боев, где полегло столько однополчан Пакшина, и, главное, познакомить со всем этим правнука Владимира Федоровича Алешу. И мы увидели непреступные, выдолбленные в скалах оборонные сооружения финнов, противотанковые укрепления, построенные силами военнопленных. И братские могилы. В надписях к ним – только названия частей и количество покоящихся бойцов. Прочли мы там слова «**65 Морская стрелковая бригада**», та самая, в которой воевал 19-летний В. Ф. Пакшин. Прошло 75 лет, но на безымянные могилы, на проржавевшие каски невозможно глядеть без слез. Поездка стала незабываемой и не только для 10-летнего мальчика, но и для нас самих.

Список литературы

1. Пакшин, В. Ф. Воспоминания / В. Ф. Пакшин. – Нижний Новгород : НГТУ, 2017. – 87 с.

**РАБОТНИКИ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА
ЯРОСЛАВСКОЙ И КАЛИНИНСКОЙ ОБЛАСТЕЙ
НА СТРАЖЕ МИРА: К 75-ЛЕТИЮ
ВОИНСКОГО ПОДВИГА НА ТВЕРСКОМ ВОЛГОВЕРХОВЬЕ
(1941–1943)¹**

Статья посвящена проблеме освещения труда работников культуры и искусства Ярославской и Калининской областей во время баталий Великой Отечественной войны. Представлены новые сведения о деятельности учреждений просвещения, культуры и искусства, сделавших свой значительный и неопенимый вклад в становление мирного строительства на земле Верхневолжья.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Калининский фронт (1941–1943), образовательно-просветительская работа, театр, музыкальные концерты, клубы.

Одна из самых драматичных страниц нашей истории связана с Великой Отечественной войной, опалившей Верхневолжье в 1941–1943 гг. Сегодня эта тема волнует многих исследователей, что свидетельствует о востребованности и актуальности информации по данной проблеме. Не забыты великие смыслы науки о жизни, о сбережении ее как главной ценности в экстремальных событиях военного времени.

Постановка темы культурно-просветительской и музыкально-образовательной деятельности в эпоху чрезвычайных событий войны 1941–1945 гг. на территории местности, прилегающей к столице – Москве, даже в условиях современности как никогда актуальна: и ныне мир недостаточно прочен, и сейчас каждый новый день

¹ *Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Тверской области в рамках научно-исследовательского проекта №16-14-69005 (а/р).*

сопряжен со многими трудностями сдерживания социального спокойствия и сохранения жизненного и гуманистического начала.

На сегодня существуют издания, повествующие о культурных событиях середины XX в., заложены научные традиции изучения этой сферы знаний в эпоху военного времени. Это работы историков (Е. Л. Храмкова, Т. А. Павлова и др.); исследования литературоведов (Б. А. Леонов, Е. А. Окунькова и др.); труды искусствоведов (Л. В. Данилевич, М. Г. Виницковский и др.).

Именно первые два года войны стали самыми сложными. Это была эпоха, которая проверяла духовные устои человека, его гражданскую закалку и верность Отечеству. Мы не имеем права сегодня кого-то судить: каждый выбирал тогда свой путь. Но говорить и анализировать прошедшее есть необходимость понимания и гуманитарного выживания в запредельных условиях обыденности.

В 1941–1942 гг. были произведены общее видоизменение и санация большинства отраслей жизнеобеспечения. В их числе оказались учреждения культуры и образования.

Период начала Великой Отечественной войны назван учеными как исторический момент проявления высоких гражданских порывов, духовных устремлений, самозабвенного патриотизма. Калининская (теперь Тверская) область стала ристалищем смертельных батальев. Осенью 1941 г. войска Калининского фронта провели оборонительную операцию, сдержав врага и не допустив его к Москве. Наиболее ожесточенные сражения, которые поглотили и исковеркали миллионы жизней, относятся к 1942 г. С марта 1943 г. из Верхневолжья враг стал отступать.

Оккупация городов и районов Калининской области началась уже в конце лета 1941 г., на время которой в захваченных подневольных районах вражеские власти создавали свои местные органы управления и администрирования. К середине октября 1941 г. 38 районов из 69 оказались под пятой фашизма. Полное освобождение региона датируется июлем 1944 г. [1, 3]. Ярославская область была из первых, кто протянул руку помощи своим ближайшим соседям.

Уже с июля – августа 1941 г. началась проводиться отправка культурных и образовательных учреждений в регионы страны.

Калининский областной театр с сентября 1941 г. был эвакуирован в Кировскую область, г. Советск. Но уже с середины зимы 1942 г. он работает со зрителем. Здание во время военных действий было разрушено, и до 1951 г. репетиции и спектакли проходили в помещении Театра юного зрителя.

Ржевский театр, берущий свое начало с 1870-х гг., основу которого заложил еще А. Н. Островский, был тоже эвакуирован в сентябре 1941 г. Часть актеров вошла в труппу Кимрского театра. Ведущие артисты были рекомендованы для перевода в состав Ярославского театра [2, с. 211–221].

В декабре 1941 г. оккупанты открыли в Ржеве 2 школы. Но они существовали недолго, т.к. родители боялись отпускать детей: шли постоянные бои, обстрелы. А потом навалился голод, ударили морозы. Затем враги были одержимы идеей создания местного драматического коллектива. Были собраны театральные активисты, даже приготовлены роли, реквизит. Но дело так потом и застопорилось [3, с. 164–170].

Фронтная и прифронтная территории активных боевых действий – особая пограничная местность, когда население жило в устоявшемся жизненном страхе, когда раскаты орудий жутко сопровождали почти каждый новый день, когда боялись незнакомого прохожего, а порой даже и любого встречного путника.

На оккупированной земле использовались разные формы агитационной художественной деятельности. В ее число входила работа кинопередвижек. Зазывные объявления о кинопросмотрах развешивались в местах большого скопления жителей: на базарчиках, около почтовых домов, на перекрестках улиц. Киносеансы (причем, многие были бесплатные) имели, прежде всего, соответствующую тематику, где рассказывалось о роскошной германской жизни, сердечных отношениях и т.д., т.е. о том, чем всегда можно было «растрогать» эмоциональную русскую душу.

С конца 1941 г. и в 1942 г. в Калининской области распространялись немецкие газеты «Новая жизнь», «Путь к новой жизни», «Красноармейская газета», которые печатались на русском языке, дезинформируя и расшатывая мнение и настроения мирного населения [5].

Перед массовыми просмотрами киносеансов жителям раздавались газеты, рекламировались военные достижения. Иной раз собравшихся зрителей даже одаривали небольшими продуктовыми мешочками, вином, хлебом, одеждой, бытовыми предметами и медицинскими препаратами. Здесь же, походя, происходила «вербовка агентов, через которых как добывались, так и распространялись необходимые сведения» [1, с. 109].

На территориях, занятых вражеской оккупацией, для привлечения социального интереса к судьбам тайных пропагандистов, агитаторов и осведомителей, проводилась особая персонифицированная деятельность. Таких людей даже специально направляли в Германию, чтобы эти «политические экскурсанты» воочию увидели своими глазами и почувствовали вкус бытовых наслаждений в стране сегодняшнего врага. «Путешественников» выбирали из среды интеллигенции – учителей, врачей, инженеров, агротехников и др., которые были неоднократно «просвечены», зашифрованы и отмечены положительным агентурным маркером. Возвращавшиеся из «столь сладкого плена» обработанные жители уже были идеологически тонко и гибко вплавлены в сеть вражеских намерений.

В целях пропаганды враги не гнушались задействовать даже культурные учреждения и небольшие актерские труппы. Так, известно из архивов, что в г. Зубцове в самом начале 1942 г. немецкие власти организовали набор в театральную школу, где занимались 18 человек в возрасте от 18 до 23 лет.

Спектакли показывали, в том числе, и для местных жителей. Режиссура была отлажена не только в сценической фабуле и творческом решении зрительских симпатий, но и в обрамлении и «заражении» аудитории «аппетитом» и желанием приобщиться к реалиям «инога мира», который предлагает и несет в своих намерениях новый хозяин.

Эту школу возглавлял 60-летний уроженец Ленинграда, имевший высшее образование, сын бывшего купца [1, с. 108]. Художественными руководителями и постановщиками программ являлись местные работники искусств советского времени: актриса Ржевского

драматического театра и артист Калининского областного драматического театра. В архивных источниках не указаны их данные.

Воспитанники и участники театральной школы организовывали концерты для сотрудников комендатуры, полиции, в немецких госпиталях, перед военнослужащими. Им обеспечивали питание, одежду, небольшую заработную плату.

В репертуаре концертирующего коллектива были представлены балетные номера, цыганские романсы, песни из популярных кинофильмов, народные песни, саратовские частушки.

Идеологически врагом все выстраивалось безукоризненно: акцент на национальные традиции, народная любовь к сентиментальности, чувственности и мечтательности. И все это выставлялось на духовное растерзание, позорность и «общий смех», на порочность истин, которые тысячелетие были святыми и неприкосновенными, регулировавшие поведение в обществе и состояние духа «народного круга».

Особо враги глумились над духовными святынями мирного населения. Из воспоминаний жителей Высоковского района Калининской области (не ранее 1942 г.) об истязаниях над пожилыми: «У местных жителей [фашисты] просто уничтожили иконы, бросая их во двор или рубя топором, а в Мошковском сельском совете это было массовым явлением» [4].

В воспоминаниях воина-фронтовика, писателя К. Д. Воробьева (1919–1975) постоянно читается мысль о необходимости правил самосохранения на гранях смертельного существования. В неволе и плену выживает тот, кто до последнего момента сохраняет хоть подобие собственного достоинства – пытается следить за собой, пришивать пуговицы или хотя бы заменять их палочками, протирать лицо, чистить зубы щепкой. Опустивший руки быстро гибнет и пополняет собой огромную яму... [усопших] [6].

1942 г. стал переломным для нашего государства не только в характере военных баталий, но и в решимости и реконструкции культурно-образовательной и просветительской деятельности.

Для поддержания крепкого бойцовского духа в реальностях военного времени на передовые позиции фронтов, оберегающих

Москву, стали направлять лучшие кадры мастеров искусств и деятелей литературного ремесла. В первую очередь это были известные поэты-песенники, любимые народом писатели: А. Фадеев и А. Твардовский, К. Симонов и М. Бубеннов, Б. Полевой и А. Викчентаев и многие др.

Концертное обслуживание Калининского фронта обязательно включало литературно-поэтические встречи с яркими творческими личностями.

Ярославский театр драмы им. Ф. Г. Волкова с первых дней войны тоже «встал под присягу». Добровольцами ушли в ряды Красной армии директор театра П. П. Левашов, художественный руководитель Д. М. Манский, артисты В. К. Мосягин, В. К. Викторов, С. П. Аверичева и др.

Коллективом театра были организованы малые фронтовые бригады для обслуживания воинских частей. Всего за период войны ярославскими артистами было подготовлено 277 спектаклей и концертов на передовой линии фронта. 922 концерта состоялось в гарнизонах и частях области. В госпиталях было организовано 711 читок.

В 1941 г. показано 330 постановок: из них – 10 выездных, 31 в гастрольном варианте, 289 – на базе театра. Сотрудники театра организовали сбор средств в Фонд обороны, а также на именной самолет «Театр имени Волкова» и на подарки бойцам Красной Армии.

21–24 мая 1943 г. состоялись гастроли театра в Москве в зале Центрального Дома Красной Армии, где столичному зрителю были показаны пьесы «Старик» (автор – А. Горький), «Фронт» (А. Е. Корнейчук), «Генерал Брусилов» (И. Л. Сельвинский). За гастрольную деятельность Приказом Управления по делам искусств при СНК РСФСР (26 мая 1943 г.) художественному руководителю И. А. Ростовцеву и директору театра В. П. Топтыгину была объявлена благодарность [8, с. 366].

В 1943 г. при театре организуется учебная студия, ее руководителем назначен В. А. Орлов (позже – С. М. Комиссаров). В первый состав студии вошли 11 человек: 5 девушек и 6 юношей. Срок обучения – 3 года. Позже эта студия стала базой Ярославского театрального училища (ныне – Ярославский государственный

театральный институт). 6 июля 1944 г. Ярославский театр был введен в ранг республиканских театров.

На театральной сцене регулярно демонстрировались гастрольные проекты лучших исполнителей. Среди них: концерты А. Райкина; Ленинградского театра эстрады (1941) и оперного театра им. С. М. Кирова; Краснознаменного ансамбля Красноармейской песни и пляски СССР (рук. А. В. Александров, 1942 г.) и популярных артистов Московской госфилармонии; джаз-оркестра Д. Покрасса (1943) и скрипача Д. Ойстраха; пианиста Л. Оборина и театра мюзикомедии из г. Иваново (1944) [9, с. 178–183].

Бесперебойно в годы войны работал Рыбинский драматический театр (организован в 1919 г.). В 1941 г. в театре была создана радиостудия, где ведущие актеры до начала спектакля передавали боевые новости, а в антрактах демонстрировались литературные и музыкальные передачи [8, с. 232].

В марте 1943 г. на фронт выехала объединенная бригада артистов Рыбинского театра и Ярославского театра драмы им. Ф. Г. Волкова [8, с. 233].

Артисты театра обслуживали воинские части и гражданское население, организовали сбор средств в Фонд обороны и на строительство военно-воздушной эскадрильи «Советский артист», а также на подарки бойцам Красной Армии.

В заключение подчеркнем следующее. Хранилища архивов и библиотек, ресурсы Интернета хранят множество документов периода Великой Отечественной войны XX в., отсмотреть, исследовать, проанализировать и раскрыть содержание которых – насущная задача специалистов: теоретиков и практиков. Три четверти века минуло с той страшной години, и современному поколению важно знать, что наша общая Победа была выкована не только железным мечом, но и другим сильным щитом Отечества – его музой, силой духа и патриотизмом сынов и дочерей, трудившихся в тылу.

Список литературы и источников

1. Болокина, Л. А. Жизнь населения оккупированных районов Калининской области в годы Великой Отечественной войны : монография / Л. А. Болокина. – Тверь : ТГТУ, 2016. – 158 с.

2. Кузьмина, О. М. Культура и образование г. Ржева в 30-е и 40-е годы XX века / О. М. Кузьмина // 800 лет : История Ржева в лицах и событиях : материалы межрегиональной научно-практической конференции / авт.-сост. и ред. О. М. Кузьмина. – Ржев : Ржевская типография, 2017. – 233 с.

3. Федоров, Е. Правда о военном Ржеве : документы и факты / Е. С. Федоров. – Ржев : Ржевская типография, 1995. – 218 с.

4. Тверской центр документации новейшей истории (ТЦДНИ). Ф. 147. Оп. 3. Д. 556. Л. 54 об.

5. ТЦДНИ. Ф. 7849. Д. 12936-с. Л. 6, 7.

6. Беличенко, Д. Константин Воробьев : медаль за бессмертие / Дмитрий Беличенко. – URL : <http://www.pravoslavie.ru/94497.html>.

7. Кузьмина, О. М. Музыкально-художественная жизнь периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (новые архивные поиски) / О. М. Кузьмина // Ярослав Мудрый. Проблемы изучения, сохранения и интерпретации историко-культурного наследия : сборник материалов VII Международной научно-практической конференции, Ярославль, 25–26 февраля 2016 г. / отв. ред. М. Д. Данилова ; науч. ред. В. М. Марасанова. – Ярославль : Канцлер, 2017. – С. 175–182.

8. Ярославская область в годы Великой Отечественной войны : научно-популярное справочное издание / [сост. Г. А. Казаринова, О. В. Кузнецова]. – Ярославль : Индиго, 2010. – 398, [1] с., [32] л. ил., портр.

9. Летопись Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : по материалам ярославской обл. газеты «Северный рабочий» : сборник / [авт.-сост. О. В. Кузнецова]. – Ярославль ; Рыбинск : Рыбинск. дом печати, 2005. – 334 с., [8] л. ил., портр.

«РУССКИЙ МЕДВЕДЬ»: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА В КУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИКАХ

Статья посвящена репрезентации образа медведя в различных культурных практиках. Анализируются истоки и причины широкого использования этого образа в русском фольклоре, сказках, геральдике, мультипликации, символике общественных и политических мероприятий и организаций. В качестве показательного примера выделен регион, в котором образ медведя представлен наиболее репрезентативно – Ярославль и Ярославская область.

Ключевые слова: Россия, медведь, образ, культурный символ, геральдика, Комоедица, Ярославль, сказочный персонаж.

Медведь – один из самых колоритных и часто используемых зооморфных образов в России и о России. Медведи живут в России (хотя и не только в ней) с незапамятных времен. В Европе леса постоянно вырубались, и медведи постепенно превращались в диковинку. В России же лесов до сих пор много. «Возможно, неразрывная (для иностранца) связь медведей с Россией объясняется тем, что, начиная с XV века, русские послы часто дарили иностранным государям медвежьи шкуры. На старинных картах было принято рисовать животных, которые водятся на той или иной территории. В Московии жили медведи, в итоге они стали символом и Московии, и москвитов. К тому же медведь, вернее, Малая Медведица – это северное созвездие, где ж ему и быть на карте, как не над Россией? Австрийский дипломат Сигизмунд Герберштейн в начале XVI в. приезжал послом к Василию III. В тот год был страшный голод, и медведи действительно частенько заходили в города, чтобы чем-нибудь поживиться, – нормальная медвежья практика. Австриец описал увиденное в «Записках о Московии» – так родилась легенда о медведях, которые ходят по улицам русских городов» [2].

«Самая первая записанная русская сказка называлась «О поселянине и медведице». В ней рассказывалось, как мужик пошел искать мед и свалился в дупло. Меда там было столько, что мужика засасало по грудь. Леса на Руси дремучие, никто не услышал его крика. Два дня несчастный питался медом. Но случайно в это дупло забралась медведица. Поселянин схватился за медведицу, закричал, и та с испуга выскочила из дупла, вытащив за собой сластену-неудачника. Рассказал эту историю посол Дмитрий Герасимов, человек веселый и остроумный. А записал сказку на латыни в 1525 г. итальянский историк Павел Иовий Новокомский. И уже позже русскую сказку опять перевели на русский. Впрочем, Герасимов рассказал не совсем сказку, а историю, которая будто бы случилась с поселянином, который жил недалеко от него» [1, с. 87].

Сказка – совершенно особый вид инкультурации, который помогает ребенку выстраивать свои ценностные ориентиры, первичные представления о добре и зле. И в русской культуре, изобилующей сказками о медведях, у детей складывается определенный образ этого зверя и его важности и репрезентации как одного из ключевых действующих лиц. Образ этот спорный. С одной стороны, медведь в сказках «Вершки и корешки», «Три медведя», «Колобок», «Медведь и лиса», «Маша и медведь», «Теремок», «Медведь – липовая нога» показывается ленивым, глупым, агрессивным, однако, с другой стороны, эти же качества при более детальном рассмотрении могут раскрывать скорее неоднозначность популярного русского персонажа и трактоваться иначе – как доверчивость, неуклюжесть, некоторая суровость. Об этом же говорят и основные прилагательные и синонимы, часто употребляемые по отношению к медведю: косолапый, могучий, неловкий, увалень, топтыгин.

В фольклоре страны прочно закрепились устойчивые «медвежьи» фразеологизмы: «медведь на ухо наступил», «медвежья услуга», «медвежий угол», «медвежьи объятия», «медвежья болезнь», «делить шкуру неубитого медведя», «не будить спящего медведя». Само слово «медведь» исконно русское, происходит от словосочетания «ведать, где мед», то есть медведь – это зверь,

который «знает (ведает), где добыть мед». В старину медведей также называли *бер* (в английском языке это вариант и сохранился – bear), и корень «бер» этимологически связан со словами «берлога», «берег», «оберег», «беречь», «берегиня». Корреляция с *обережным* значением не случайна. Медведь был тотемным животным на многих русских территориях, особенно в Сибири, и в качестве оберегов использовали медвежьи лапы и медвежьи когти. Кроме того, почитаемый славянами Бог плодородия и скотоводства Велес также предстал часто именно в облике медведя.

Культурные корни культа медведя уходят глубоко в дохристианское языческое прошлое древних славян. Праздник весеннего равноденствия носил название Комоедицы. Все мы знаем поговорку «первый блин комом» и придаем ей сейчас скорее негативный оттенок, однако изначальный смысл никакого отношения к плохо запеченному блину не имел. Медведи были символом «пробуждения от зимней спячки». Блины (символы Солнца) часто называли «комами», они представляли собой обрядовые хлебцы, сделанные из овса, гороха и ячменя; сейчас их можно было бы назвать блины с комочками (подобный вид придавало им наличие среди компонентов гороха). Такие блины пекли старшие женщины в роду и относили в лес «для пробуждающегося Медведя». Мужчины и дети в это время строили снежные крепости и место для игр. После христианизации Руси праздник назвали Масленицей и приурочили к подготовке христиан к Пасхе.

В современной русской культуре образ медведя по-прежнему остается одним из самых «цитируемых» и привлекательных: начиная с политической партии «Единая Россия» и использования образа медведя как символа Олимпийских игр, проводимых Россией / СССР (в 1980 г. Олимпийский Мишка – основной символ-персонаж Московской летней Олимпиады, в 2014 г. Мишка – один из трех главных символов Сочинской зимней Олимпиады), до легендарных конфет «Мишка на Севере» и одного из самых популярных российских мультсериалов за последние два десятилетия – «Маша и Медведь». Упомянутый российский мультфильм сейчас обрел уже мировую славу, Сервис Netflix называет его «русским феноменом».

Кстати, когда запускали мультипликационный цикл о городах и достопримечательностях России («Мульти-Россия»), который активно транслируется на основных телеканалах и пользуется большой популярностью в Интернете, тоже избрали в качестве основного проводника Медведя (его озвучивает актер Д. Назаров).

Для Ярославской области «медвежья» тема особенно важна. Согласно легенде, раньше здесь было языческое селение Медвежий угол. В XI в. Ярослав Мудрый для того, чтобы утвердить свою власть на этих территориях, убил огромную медведицу, которая считалась священной для местных жителей. В память об этом на гербе города изображен медведь с золотой секирой. Благодаря этой легенде медведи поселились (разбежались!) по всему Ярославлю. «Настоящие, живые медведи живут в Ярославском зоопарке, медведица Машенька много лет веселит посетителей Ярославского историко-архитектурного музея-заповедника. Еще есть большущий бронзовый медведь в парке Тысячелетия Ярославля, подаренный самим президентом Российской академии художеств Зурабом Константиновичем Церетели. А на углу Московского проспекта и улицы Павлова на пенечке поселился маленький деревянный медвежонок. Недалеко от него, возле Дворца культуры «Нефтяник», медведь-нефтепереработчик беседует с сибирским соболем... Эта скульптура – тоже подарок городу... А самым знаменитым медведем стал маленький бронзовый медвежонок, подаренный городу группой меценатов. Этот медвежонок «залез» на большой камень на Первомайской улице, возле Богоявленской площади, и каждый час громко «рычит», стараясь показаться очень грозным. На камне написано, что этот медведь – символ России и легенда Ярославля» [3, с. 8–9]. Относительно недавно (2016) в самом центре Ярославля появился новый монумент: медведь с яблоком и секирой расположился на круглой скамейке на улице Кирова. Ярославская сувенирная продукция также активно использует образ Медведя.

В городе есть детский музей «Мой любимый мишка», в котором собраны косолапые друзья детства нескольких поколений ярославцев: плюшевые, фарфоровые, деревянные, соломенные. Среди экспонатов есть и американские медвежата Тедди, и мишки,

«рожденные в СССР» в 1930–1960-х гг. Один уникальный плюшевый экспонат даже пережил блокаду вместе со своим маленьким хозяином. Музей «Мой любимый мишка» открыли энтузиасты-«медведолобы», их мишки-игрушки стали первыми экспонатами, а позже «медвежья коллекция» активно стала пополняться благодаря участию друзей, знакомых и людей, случайно услышавших об этом начинании. Это пример скорее проектной инициативы и музеефикации любительского коллекционирования. Однако стоит заметить, что «медвежья» тема для русских игрушек очень репрезентативна. Один из самых популярных традиционных промыслов русских игрушек – так называемая богородская игрушка, где самый частый сюжет – совместная работа «мужика и медведя». Историки считают богородскую деревянную игрушку отголоском еще дохристианских времен – не даром ведущей темой в творчестве мастеров всегда оставались «звериные тотемы»: фигурки медведей, волков, козлов, мелких зверюшек и птиц.

Несмотря на обилие претендентов, в геральдике которых также есть медведи (Сыктывкар, Норильск, Хабаровский край, Козьмодемьянск, Карелия, Данилов, Вытерга, Ямало-Ненецкий АО, Пермь, Екатеринбург, Сергач, Анадырь и проч.), когда «определялась» «родина» сказочного Михайло Потапыча (он же Косолапый, он же Топтыгин) для масштабного российского проекта «Сказочная карта России», то выбор экспертов пал именно на Ярославскую область, город Пошехонье. Там же находится официальная резиденция Ярославского медведя – «Топтыгин дом», открывшаяся в 2008 г. «Здесь можно увидеть в экспозиции медвежью берлогу и охотничьи лабазы, чучела животных. В музее представлены экспонаты, связанные с медведями: книги, игрушки, сувениры. Каждый из них это частичка детства местных жителей Пошехонского района» [4]. Рассчитана сказочная «медвежья резиденция» скорее на детскую аудиторию: в музее проводятся интерактивные игровые программы, мастер-классы, выставки-конкурсы поделок, можно угоститься ложечкой местного меда и вдохнуть аромат настоящих сушеных грибов из Пошехонских лесов.

Нельзя сказать, что другие страны не используют образ медведя в сказках и геральдике. Так, герб Берлина, герб Брюгге, герб Гренландии тоже украшают медведи, но не так активно как в России (около 20 изображений в геральдике городов и областей). Мишка Тедди, рассказы о Медведе Паддингтоне, Винни-Пух – часть сказочной истории Англии и Америки. И все-таки большинство из этих сказок и образов за рубежом появилось лишь в XX в., в России же образ Медведя древнее и мощнее представлен.

Отличительной чертой использования образа медведя в отечественной культурной традиции является сохранение его мифологического статуса и символической функции по сравнению с его «олитературенными» образами в иностранной традиции. Этим часто оперируют западные СМИ, используя образ «русского медведя» как своеобразной неуправляемой и хтонической силы в пропагандистски-идеологических и политических представлениях о России.

Образ медведя есть в культурных традициях целого ряда стран, но самым узнаваемым остается именно «русский медведь».

Список литературы

1. Колпакова, О. Как жили в Древней Руси : [методическое пособие для взрослых] : [для чтения взрослыми детям] / О. Колпакова. – Москва : Белый город ; Воскресный день, 2014. – 143 с. : цв. ил. – (Моя первая книга).
2. Мильчин, К. 10 российских культурных брендов, известных в мире [Электронный ресурс] / К. Мильчин. – URL : http://expert.ru/russian_reporter/2014/22/10-rossijskih-kulturnyih-rendov-izvestnyih-v-mire/ (дата обращения : 24.12.2017).
3. Обнорская, Н. Н. Сказки, которые живут в Ярославле / Наталья Обнорская ; [худож. П. В. Зарослов] – Рыбинск : Цитата Плюс, 2014. – 103 с. : цв. ил.
4. Музей «Топтыгин дом» [Электронный ресурс] // МУК «Центр сохранения и развития культуры» Пошехонского муниципального района. – URL : <http://mukzentr.ru/muzey-toptygin-dom.html> (дата обращения : 24.12.2017).

ОБРАЩЕНИЕ К ДРЕВНЕРУССКОЙ ТЕМАТИКЕ В БАЛЛАДАХ А. К. ТОЛСТОГО

Рассматривается своеобразный подход поэта в его балладах к темам древнерусской истории: не только как к источнику родовой гордости, но и как к пророчеству в отношении современности (наиболее ярким подтверждением этой мысли стала баллада «Змей Тугарин»); а также к теме поэта и поэзии, представленной в балладах с помощью древнерусского и фольклорного материала.

Ключевые слова: Древняя Русь, Алексей Константинович Толстой, баллада, деспотизм.

Раздумывая о 200-летнем юбилее со дня рождения Алексея Константиновича Толстого, приходишь к выводу о недооцененности широчайшего диапазона творчества этого писателя, о неумении современного читателя войти вглубь его произведений и тем обогатить собственный внутренний мир, а то и открыть в самом себе непознанные черты. Совмещая в себе поэта-лирика и драматурга, исторического романиста, мистика и даже сатирика, Алексей Константинович неожиданен и ярок в каждой из этих ипостасей. Не являются исключением и его баллады, в которых прослеживается не только формат современной поэту формы жанра, но и неожиданный возврат к английской и шотландской народной балладе. Толстой возрождает характерный для этих баллад хоровой припев, отмерший в современной балладе, и этот припев словно включает в балладу наряду с голосом автора народное мнение, расширяет рамки происходящего.

Баллада – сюжетное поэтическое произведение преимущественно на историческом или легендарном материале, часто с мистическим колоритом, или воспевающая мужество подвига и трагическую гибель героев [4 ; 1, с. 422] – была любима в русской поэзии сентиментализма и романтизма. Среди самых известных баллад – «Светлана» Жуковского и «Песнь о вещем Олеге» Пушкина, «Воздушный корабль» Лермонтова и баллады 1920-х гг.

Э. Багрицкого, Н. Тихонова, С. Есенина. Но баллады Алексея Константиновича Толстого на древнерусские сюжеты, вписываясь в этот контекст, все же стоят особняком. В них Толстой поэтическими средствами обращался к наиболее болезненной для русской истории и современности проблеме власти. По словам русского философа Владимира Сергеевича Соловьева, *как патриот-поэт, Толстой был вправе избрать не историческую, а пророческую точку зрения. Он не останавливался на материальных необходимостях и условиях прошедшего, а мерил его сверху – нравственными потребностями настоящего и упованиями будущего* [6]. Такова лучшая, по мнению самого Толстого (письмо к А. Губернатису 1874 г.), баллада «Змей Тугарин» (1868).

В этой балладе на пиру у князя Владимира появляется со своей пророческой песней *на неведомый лад* [7 ; 1, с. 159] неожиданный гость, в котором, по всему раскладу и облику, узнается татарин. Он поет князю и богатырям русским о времени, когда *«...внуки твои будут внукам моим / Держать золоченое стремя!»* [7 ; 1, с. 159], *«И честь, государи, заменит вам кнут, / А вече – каганская воля!»* [7 ; 1, с. 160]. И в ответ на громовой хохот присутствующих, не поверивших в самую возможность бесчестья своих будущих потомков, продолжает пророчество в таком ключе, что вызывает оторопь узнавания и у современного читателя, заставляя задуматься о трагическом двадцатом веке: *Певец продолжает: «И время придет, / Уступит наш хан христианам, / И снова подыметя русский народ, / И землю единый из вас соберет, / Но сам же над ней станет ханом. / И в тереме будет сидеть он своем, / Подобен кумиру средь храма, / И будет он спины вам бить батожьем, / А вы ему стукать да стукать челом – / Ой срама, ой горького срама!»* [7 ; 1, с. 160]. Как тут не вспомнить Мандельштама, его знаменитое стихотворение о Сталине *«Мы живем под собою не чуя страны...»: ...Он играет услугами полулюдей. / Кто свистит, кто мяучит, кто хнычет, / Он один лишь бабачит и тычет...* [2 ; с. 312] – словно расшифровку оскорбительных пророчеств змея Тугарина: *«Обычай вы наш переймете, / На честь вы поруху научитесь класть, / И вот, наглотавшись татарщины всласть, / Вы Русью ее назовете!»* [7 ; 1, с. 160–161]. Богатыри

возмущены этой наглой песней, Добрыня Никитич прозревает в певце поганого змея Тугарина и натягивает свою каленую стрелу. Певец, действительно, оборачивается змеем и, ускользая от стрелы, *с шипом* бросается в воду и *по Днепру расстилаясь, плывет* [7 ; 1, с. 162], под улюлюканье присутствующих. Князь Владимир произносит слова, горячо поддержанные народом (*И весело слышать ему над Днепром: / «Ой ладо, ой ладушки-ладо!»* [7 ; 1, с. 162]): *Нет, шутишь! Живет наша русская Русь! / Татарской нам Руси не надо!.. / За честь нашей родины я не боюсь – / Ой ладо, ой ладушки-ладо! / А если б над нею беда и стряслась, / Потомки беду перемогут! / Бывает, – примолвил свет-солнышко-князь, – / Неволя заставит пройти через грязь / Купаться в ней – свиньи лишь могут! / Подайте ж мне чару большую мою, / Ту чару, добытую в сече, / Добытую с ханом хозарским в бою, – / За русский обычай до дна ее пью, / За древнее русское вече! / За вольный, за честный славянский народ! / За колокол пью Новаграда!..)* [7 ; 1, с. 162]. Мы видим, что Толстого в балладе заботит не историческая точность, а противопоставление достоинства предков позднему бесчестью. Ему важно найти в древней истории и явить соотечественникам то, чем можно гордиться, и это они должны почувствовать в собственных жилах; именно потому Толстой писал в «Князе Серебряном»: *Многое доброе и злое, что как загадочное явление существует поныне в русской жизни, таит свои корни в глубоких и темных недрах минувшего* [7 ; 2, с. 389]. Об этом баллада «Чужое горе» (1866), в которой богатырь вдруг ощущает невероятную тягу на своих плечах: и горе Ярослава, и *татарское горе, и Ивана Васильича горе* [7 ; 1, с. 156–157] – *И едут они на коне вчетвером, / И ломится конская сила* [7 ; 1, с. 157].

Ненависть перенесение восточного деспотизма в русскую жизнь, пиком которого стало для поэта царствование Ивана Грозного, с продолжением тенденций этого царствования Петром I, Алексей Константинович даже более осуждения самого тирана негодовал на общество, покорное тирании. В его исторических драмах, романе «Князь Серебряный» мы ощущаем эту ненависть поэта к деспотизму с противопоставлением ей жажды человечности, благородства, высокой жертвенности и любви, так откровенно пропетой в балладах.

Скажем, в балладе «Сватовство» (1871) князь Владимир внешне строго, но с весельем в душе прощает неожиданно вернувшихся, переодевшись в лохмотья, двух своих богатырей, отосланных им совершать подвиги на целые семь лет. Ведь причина возвращения двух друзей – это любовь к сестрам – дочерям Владимира. И вся природа ликует вместе с влюбленными и мудрым, человечным правителем: *«Коль быть хотят за вами, / Никто им не мешай! / Пускай решают сами / В веселый месяц май!» / Услыша слово это, / С Чурилой славный Дюк / От дочек ждут ответа, / Сердец их слышен стук... / Мы слов их не слышали, / Нам свист мешал дроздов, / Нам иволги мешали / И рокот соловьев!.. / Такая нам досада, / Расслышать не могли! / Ой ладо, диди-ладо! / Ой ладо, лель-люли!* [7 ; 1, с. 219].

Князь Ярослав в балладе «Гакон Слепой» (1869–1870) также не лишен человечности. Свояк князя Ярослава Мудрого могучий варяжский князь Гакон рубится с врагами Ярослава, однако, будучи слепым, продолжает рубиться и со своими – с самим Ярославом, пришедшим ему на подмогу. Но враги разогнаны, и Ярослав едет шагом, *сняв острый шолом, / С Гаконом вдвоем, / По бранному полю...* [7 ; 1, с. 184], печально глядя на тела товарищей. В балладе «Курган» (1840-е гг.) подчеркнуто, что кровавая слава в веках не живет. А старый богатырь Илья, обиженный князем Владимиром и покинувший его двор (баллада «Илья Муромец», 1871), светлеет лицом, въехав под сень бора: *Снова веет воли дикой / На него простор. / И смолой и земляникой / Пахнет темный бор* [7 ; 1, с. 204].

Домонгольская Русь в балладах А. К. Толстого представлена как европейская держава, тесно связанная и находящаяся в родстве со многими европейскими государствами. Поэт пишет 26 марта 1869 г. Болеславу Маркевичу: *Византия и Рим ссорились, но их ссоры не могли еще коснуться народов, лишь недавно принявших христианство и друживших между собой, чему свидетельство – бесчисленные браки между ними и другими европейскими династиями. Графиня Матильда де Белоозеро – каково?* [5, с. 265]. О таких связях – баллады «Песня о Гаральде и Ярославне» (1867) и «Три побоища» (1869).

Но Древняя Русь имеет собственную гордость и свой путь. *Правнуком Мономаха* [7 ; 1, с. 193] Владимиром повержен деревянный идол (баллада «Ругевит», 1870). Роман Мстиславич в балладе «Роман Галицкий» (1870) отвергает лукавую речь посланца римского папы, а князь Владимир в балладе «Песня о походе Владимира на Корсунь» превращен крещением из дикого варвара... в поэта: *Весна, мне неведомых полная сил, / И в сердце моем зеленеет!.. / Чем сам овладеть я оружием мнил, / То мною всесильно владеет!* [7 ; 1, с. 179]. И русский рыцарь «уноша Ростислав» из «Слова о полку Игореве», тоскующий на дне реки в смертном очарованном сне (баллада «Князь Ростислав», 1840-е гг.), изображен не менее прекрасным, чем герои любых западных баллад. Причем, пафос Толстому не грозит – в его балладах, по точному выражению Андрея Немзера, *жанр проходит испытание на прочность в пародиях* [3 ; с. 638], таких как «Порой веселой мая...» (отвергнутое цензурой название – «Баллада с тенденцией», 1871), «Поток-богатырь» (1871).

Темой последних трех баллад А. К. Толстого («Садко», «Канут» и «Слепой») становится природа искусства, власть слова и пения. В более ранней балладе «Алеша Попович» (1871) эта власть еще абсолютна. Алеша, увозя в лодке похищенную им царевну, снимает все ее сомнения своим пением и игрой на гусях: *Любит он иль лицемерит – / Для нее то все равно, / Этим звукам сердце верит / И дрожит, побеждено* [7 ; 1, с. 224]. Единство любви, искусства и природы здесь безусловно. Однако последние три баллады написаны в печальном и искреннем размышлении о том, чем может помочь миру певец (поэт), для чего он в этом мире, и есть ли надежда на благотворное влияние искусства, поэзии на человека и окружающий мир.

В балладе «Садко» (1873) читатель ощущает, что свободное пение под властью тирании невозможно. По тонкому замечанию А. Немзера, *в мертвом мире музыка (без слов!) служит «утилитарной» цели, она подчинена злой воле (у деспота другой нет) и в конечном итоге становится ее орудием (от пляски водяного царя корабли идут ко дну). Но такое положение враждебно самой природе искусства, которое, по Толстому, свободно и человечно* [3, с. 647–648]. Только

вырвавшись на волю, Садко обретает голос, *соединяет музыку и слово* [3, с. 648]. Но новгородцы не верят его свободному голосу.

В балладе «Канут» (1873) герой не в состоянии в спетой ему былинке расслышать предостережение о своем запланированном убийстве в гостях, куда он едет. Знающий о будущей трагедии певец, связанный клятвой, не может высказаться яснее, как и жена Канута, русская княгиня, дочь Мстислава Владимировича, которая в своем письме Кануту, посланном через чужие руки, умоляет его не ехать, ссылаясь на вещий сон. *Не чует погибели близкой Канут* [7 ; 1, с. 238], потому что, в лад красоте песни, невольно верит в благое устройство мира: *...Он едет к беде неминучей, / Кругом соловьи, заливаясь, поют, / Шиповник алеет пахучий* [7 ; 1, с. 238]. *Песня больше своего «смысла» и поэтому... обреченный герой этого «смысла» не замечает* [3, с. 652].

И, наконец, баллада «Слепой» (1873). Князь со своими гриднями желает послушать слепого певца, однако старый гуслир слишком долго добирался до места и никого уже не застал. Не подозревая, что слушателей нет, он поет свою лучшую песню: *...Проснулось, что в сердце дремало давно – / Что было от лет и от скорбей темно, / Воскресло прекрасно и чисто. / И лик озарен его тем же огнем, / Как в годы борьбы и надежды, / Явилась власть на челе поднятом, / И кажутся царской хламидой на нем / Лохмотья раздранной одежды* [7 ; 1, с. 241]. Когда старик узнает о своей ошибке, он не разочарован, потому что *...песня ему не в хвалу и не в суд, / Зане он над нею не волен! / Она, как река в половодье, сильна... / Как лютая смерть необорна!* [7 ; 1, с. 243]. Спевший такую песню способен любить и благословлять, он слит с природой, внимающей ему, с основой бытия.

Цитируя, в заключение, Владимира Соловьева, скажем, что *А. Толстой был поэт-борец. Но это была не та борьба, которая отнимает у человека духовную свободу...* Для него высшая цель борьбы есть правда Божия... [6], что и демонстрируют нам баллады Алексея Константиновича Толстого.

Список литературы

1. Жуков, Д. А. Алексей Константинович Толстой / Д. А. Жуков. – Москва : Молодая гвардия, 1982. – 383 с. : ил. – (Жизнь замечательных людей : сер. биогр. ; вып. 14 (631)).
2. Мандельштам, О. Э. Избранное / О. Э. Мандельштам. – Смоленск : Русич, 2000. – 446 с. – (Библиотека поэзии).
3. Немзер, А. С. При свете Жуковского : очерки истории русской литературы / А. С. Немзер. – Москва : Время, 2013. – 896 с. – (Диалог).
4. Никонов, В. А. Баллада / В. А. Никонов // Краткая литературная энциклопедия / гл. ред. А. А. Сурков. – Москва : Советская энциклопедия, 1962. – Т. 1. – С. 422–423.
5. Новиков, В. И. Алексей Константинович Толстой / Владимир Новиков. – Москва : Молодая гвардия, 2011. – 286, [2] с. : ил. – (Жизнь замечательных людей : сер. биогр. ; вып. 26).
6. Соловьев, В. С. Поэзия графа А. К. Толстого [Электронный ресурс] / В. С. Соловьев. – URL : <http://fanread.ru/book/3406460/?page=4> (дата обращения : 22.02.2018).
7. Толстой, А. К. Собрание сочинений : в 4 т. / А. К. Толстой ; под ред. И. Ямпольского. – Москва : Правда, 1980.

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ М. М. ХЕРАСКОВА В ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Предпринята попытка выявить место М. М. Хераскова в развитии отечественной литературы, опираясь на разработанную автором новую концепцию бессознательного. Анализ затекста произведений писателя в сравнении с другими авторами (жанрами) обнаружил важнейшие составляющие «творческого почерка» Хераскова как гения звукового баланса и создателя новых правил художественной коммуникации, до сих пор определяющих литературный процесс.

Ключевые слова: М. М. Херасков, древнерусская литература и фольклор, классицизм, бессознательное, код затекста, семантические поля.

Истинная роль Михаила Матвеевича Хераскова, поэта, драматурга, прозаика, в развитии отечественной литературы два века является предметом споров исследователей; она недооценена [2, 3, 4]. Попробуем определить, что нового внес этот классик, опираясь на представление о затексте как вместилище бессознательного.

Новая концепция бессознательного предполагает, что помимо семантики высказывания на читателя неосознаваемо действует фонетика, представленная в виде трех слоев: анаграмматического, «фабульного» и интегрального. Последний образован выборочной фонограммой: звуками и звукосочетаниями группы А (активирующих, мобилизующих психику) и Р (расслабляющих, гармонизирующих тело) [5]. Такая дополнительная стимуляция помогает читателю-слушателю точнее настроиться на восприятие и переживание смысла авторского послания, поскольку та или иная комбинация групп А и Р звуков и звукосочетаний (точнее, их количества – много, средне, мало в данной фонограмме) прямо выводит на определенное семантическое поле бессознательного, т.е.

является их триггером. Активируя те или иные семантические поля бессознательного, автор вызывает определенную эмоционально-ценностную реакцию слушателя-читателя.

Структура человеческого бессознательного может быть представлена в виде 3D модели цилиндра, в основании которого лежит круг с восемью секторами с малым, девятым, кругом в центре. Это четыре основных поля (сектора) и пять (включая центральное) промежуточных. Нумерацию их условно ведем по часовой стрелке слева направо. Первое семантическое поле («Забота») активируют у читателя многочисленные и воспринимаемые как сильная стимуляция звуки группы Р при немногих или вовсе отсутствующих звуках группы А; второе поле («Исследование») – многочисленные звуки групп А и Р; третье («Игра, юмор, творчество») – многочисленные А при отсутствии или малочисленности Р; четвертое («Борьба, власть») – малочисленные или отсутствующие звуки обеих групп. Средние же по количеству (силе стимуляции) звуки и звукосочетания образуют промежуточные семантические поля (1+2, 3+4 и пр.); они формируются в онтогенезе (индивидуальном развитии) и в культурогенезе позднее основных.

Круг с девятью (или тринадцатью, если разделить пополам промежуточные поля) полями оказывается универсальной и архетипической матрицей: на него могут проецироваться и цветовой круг (с белым цветом в центральном поле), и, возможно, двенадцатитоновая звуковая система А. Шенберга (тринадцатое, центральное поле – тишина), и сектора Ба-Гуа, хорошо известные любителям системы фэн-шуй, и последовательность чакр, и др.

«...За каждым текстом, – пишет М. М. Бахтин, – стоит система языка. В тексте ей соответствует все повторенное и воспроизведенное и повторимое и воспроизводимое, все, что может быть дано вне данного текста (данность). Но одновременно каждый текст (как высказывание) является чем-то индивидуальным, единственным и неповторимым, и в этом весь смысл его (его замысел, ради чего он создан). Это то в нем, что имеет отношение к истине, правде, добру, красоте, истории» [1]. Поэтому порождение и восприятие затекста произведения наиболее точно описывается в виде кода с двумя позициями; т.е. во время

творчества/прослушивания активируются обычно два поля: первое «запускается» отчетливыми, легко определяемыми звуками, вторая же позиция образована не только ими, но и слабо различимыми, и потому субъективно воспринимаемыми как «далекие», звуками. Автор имеет их в виду как возможное развитие событий; это его мнение, прогноз, отношение. Первая позиция, описывающая то, что сейчас реально происходит, есть содержание послания автора («данность»), а вторая – следствие его личностных установок: субъективно, ценностно окрашенная картина («смысл»).

Что нового внес М. М. Херасков в русскую литературу?

1) Виртуозное использование абсолютного баланса групп А и Р звуков и звукосочетаний (сравниться с тончайшим внутренним слухом Хераскова может только неизвестный автор популярной «Повести о Савве Грудцыне» 1660-х гг.). Абсолютный баланс (попадание звуков группы А или Р, либо тех и других одновременно в точку симметрии в промежуточных семантических полях или же равенство их интенсивности во втором поле) помогает читателю максимально настроиться на восприятие сообщаемого, быть, не напрягаясь, внимательным. Для Хераскова – это необходимое условие художественной коммуникации: забота о качестве и комфорте восприятия текста читателем. (Мы проанализировали 150 отрывков из эпических поэм «Россиада» и «Владимир возрожденный» и стихотворной повести «Бахариана»; кроме того, внутри группы «Поэзия XVIII века», были рассмотрены стихотворения классика «Иные строят лиру», «Птичка» и «Песенка» в сравнении (применялся анализ корреляций по формуле К. Пирсона) с 229 отрывками и полными текстами других жанров и авторов.)

2) Переход от нравоучительного, размышляющего, идеологического и серьезного «Слова о полку Игореве», от «магизма» древнерусской литературы и фольклора – к жизненности, тонкой дидактике и реализму поэзии «золотого века». Микроанализ эпических поэм и повести «Бахариана», содержащих несколько равноправных стилевых потоков, показывает, как Херасков (на неосознаваемом уровне – в затексте) преодолевал лобовую дидактику классицизма и двигался к жизненности своих произведений (см. Таблицу).

3) Смену парадигмы, переворот в художественном бессознательном русских авторов и читателей – подготовить наступление расцвета поэзии пушкинской поры. Молодым современникам Хераскова осталось только освоить готовую платформу, новый язык коммуникации на бессознательном уровне, закрепив, на уровне сознания, новую лексику и интонации.

Таблица 1

**Превалирование определенных семантических полей у жанров
(по 1 позиции кода затекста)**

Содержание семантических полей, статистически превалирующих над остальными полями в их совокупности, как смыслообразующая доминанта жанра: 1 – нравоучение, лобовая дидактика; 2 – размышление; 3 – магия, духовные практики; юмор, игра, двуплановость; 4 – жизненное, земное, а не идеологическое и ментальное. Примечание: ++ означает стопроцентное присутствие данного качества.

Жанр (со всеми элементами текста, кроме отмеченных «а») / поля	1	2	3	4
1. «Слово о полку Игореве»	+	+	–	–
2. Древнерусские былины	–	–	+	–
3. «Волшебное кольцо» русская народная волшебная сказка	–	0,5	+	–
<i>За. 30 русских народных волшебных сказок (только ключевые элементы)</i>	–	–	–	–
4. «Повесть о Савве Грудыне» XVII в.	–	+	+	–
<i>4а. 6 русских повестей XVI–XVII вв. (только ключевые элементы)</i>	+	0,5	–	–
5. Поэмы М. М. Хераскова «Россиада», «Владимир возрожденный» (1779–1785)	0,5	–	–	–
6. Поэзия XVIII в. от Кантемира до Державина	+	–	–	+
7. Повесть «Бахариана» М. М. Хераскова (1803)	–	–	–	+
8. Поэзия XIX в. («золотой век») от Батюшкова до Фета	–	–	–	+
Микроанализ эпических поэм «Россиада» и «Владимир возрожденный»:				
Архаический стиль: классицистские конструкции фраз	+	+	–	–
Архаический стиль: аллегории	+	–	–	–
Современный стиль	–	–	–	–
Микроанализ волшебной повести «Бахариана» (фазы становления 1 позиции в коде затекста):				
1. Архаический (народный) стиль: стилизация былин как эталона-идеала	+	–	–	+
2. Архаический (народный) стиль: экспериментальная (неустойчивая) модель	–	–	0,5	++
3. Современный стиль: опробование	–	–	–	++
4. Современный стиль: окончательная (удачная) модель	–	–	–	+

Этот переворот можно обозначить позаимствованным у эволюционистов словом ароморфоз. В тысячелетней истории русской литературы и фольклора их было всего два.

Первый – внутри фольклора: от его малых жанров (где автор – непосредственный участник магического или театрализованного действия; когда вторая позиция кода совпадает с первой) – к волшебным народным сказкам (где автор уже сказитель, т.е. находится на границах текста: «Автор вне изображенного (и в известном смысле созданного им) мира. Он осмысливает весь этот мир с более высоких и качественно иных позиций» [1], а именно, во втором поле, не совпадающем с полем первой позиции кода).

Интонации мудреца, «летописца Нестора», небожителя: весомо, поучительно, объективно... неподвижно. В редчайших случаях (когда в произведении повествование начинало идти от имени необычного или явно отрицательного героя) автор вынужден был на время уступить свою взвешенную надмирную позицию «неправильному» персонажу (тогда вместо двойки в коде появлялись поля 3 или 2+3).

Сколько процентов занимало это поле в авторской позиции? В «Слове о полку Игореве» – 100%, в русских народных волшебных сказках – 96, в древнерусских повестях (на древнерусском языке) – 95, в поэзии XVIII в. – 91 (а без стихотворений Хераскова – все 97). Зато в былинах – всего 80% (не потому ли М. М. Херасков в «Бахариане» сознательно им подражал как эталону?).

Только 2% отрывков эпических поэм Хераскова относятся не к каноническому второму авторскому полю, а к другим. В «Бахариане» таких уже 28%, в поэзии же «золотого века» – 40.

«Всякое живое, компетентное и беспристрастное наблюдение с любой позиции, с любой точки зрения всегда сохраняет свою ценность и свое значение» [1]. К необходимости смены авторской позиции, обретению ей гибкости и непосредственности, к перевороту в характере художественной коммуникации Херасков пришел через ряд промежуточных, «экспериментальных», этапов.

Так, в эпических поэмах он временами предельно усложняет первую позицию в коде, т.е. сообщаемое. Сквозь одно поле просвечивает второе, а то и третье: «Мечтается в уме моих мне

предков слава, / Я вижу храброго молодого Святослава, / Он зрится в поле мне между шумящих стрел...»; «О! вы счастливые грядущих лет певцы, / Завидны ваши мне Парнасские венцы: / Вы их получите воспев Екатерину; / Мне Музы не сию уставили судьбину...» и т.п.).

Классицизм изживал себя. Читателей (и автора) напрягала тяжеловесность сложной, многозвенной конструкции первой позиции, «сложенные по существующим тогда канонам – мысль, а не чувство» [6], где автор-комментатор видит не только героев, но и самого себя со стороны.

Оказалось, что воссоздать непосредственное чувство возможно: из *описания* («изображает мне картину мысль моя») перевести его в живое, здесь-и-сейчас *проживание*. А для этого (в «Бахариане») транспонировать из первой, ранее переусложненной позиции-сообщения с помещенным туда наблюдателем-комментатором, во вторую позицию кода – авторского отношения, видения и чувствования. (Ибо текст является непосредственной действительностью мысли и переживаний [1].) Из внешнего – во внутреннее; из размышления – в чувство. Переналадить свое художественное бессознательное: не «рассказываю, что я увидел, что N. смешон», но посмеюсь над N. Вместе с вами, читателями.

И явилась «пушкинская» легкость. (Если в обоих архаических стилях «Бахарианы» традиционное второе семантическое поле тотально в авторской позиции (100%), то в стиле современном, в той же «Бахариане», его всего 63%.)

Русская литература получила все, что ей надо для взлета. Для своей заслуженной всемирной славы.

Список литературы

1. Бахтин, М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках : опыт философского анализа [Электронный ресурс] / М. М. Бахтин. – URL : <http://www.infoliolib.info/philol/bahtin/probltext.html/>.

2. Гранцева, Н. А. Неизвестный рыцарь России / Н. А. Гранцева. – Санкт-Петербург : Журнал «Нева», 2015. – 240 с. : ил.

3. Гранцева, Н. А. Сказанья русского Гомера / Н. А. Гранцева. – Санкт-Петербург : Журнал «Нева», 2012. – 224 с.
4. Гранцева, Н. А. Чудо о князе-крестителе / Н. А. Гранцева. – Санкт-Петербург : Журнал «Нева», 2016. – 240 с.
5. Кабачек, О. Л. Врата в бессознательное, или Набоков + [Электронный ресурс] / Оксана Леонидовна Кабачек // Киев: Мультимедийное издательство Стрельбицкого, 2016. – URL : <http://7tor.co/viewtopic.php?t=3267323>.
6. Качмарский, О. Херасков и Пушкин. Два вида поэзии [Электронный ресурс] / О. Качмарский. – URL : <https://oleg-kaczmarski.livejournal.com>.

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ТЕКСТ В СВЕТЕ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА В. К. АРСЕНЬЕВА)

Поэтические особенности древнерусской литературы рассматриваются через призму их влияния на творчество путешественника и писателя XX в. В. К. Арсеньева. Исследуется роль традиции литературы путешествий, летописной традиции в истории развития молодой дальневосточной литературы.

Ключевые слова: летопись, хождение, туземцы, научно-художественный текст, историческое повествование.

Владимир Клавдиевич Арсеньев (1872–1930) является классиком дальневосточной литературы. Его тексты – результат масштабных дальневосточных экспедиционных исследований автора. Во Владивосток Арсеньев приехал молодым офицером в 1900 г. Став дальневосточником, 30 лет своей жизни он посвятил делу изучения, освоения, обороны этой части России, создав тетралогию, в которой рассказал о своих крупнейших экспедициях.

В 2017 г. отмечалось 145-летие со дня рождения путешественника и писателя, в 2018 г. исполняется 110 лет с момента начала самой крупной экспедиции Арсеньева, которая получила название «Юбилейная», была посвящена пятидесятилетию присоединения Приамурского края к России. Она длилась с 24 июня 1908 г. по 21 января 1910 г. (всего 19 месяцев) и проходила по северным территориям края.

Официально территория Приморского края, в столице которого, городе Владивостоке, Арсеньев жил с 1900 по 1906 гг., а затем с 1918 г. до конца жизни, стала принадлежать России с 1858 г. (Тяньцзиньский трактат, а затем Айгунский договор). Русские осваивали земли, коренные народы которых жили родовыми общинами, вели кочевой образ жизни, были не изучены и подвергались эксплуатации со стороны более развитых соседей. Не изучены были и сами земли.

Экспедиции Арсеньева носили комплексный характер, он осуществлял не только естественнонаучные, но и этнографические исследования. Писал не только научные книги и статьи, но и научно-художественные тексты. Знаменитым его сделали книги о двух первых экспедициях: 1906 г. – «По Уссурийскому краю» (1921) и 1907 г. – «Дерсу Узала» (1923). Благодаря этим книгам, переведенным на десятки языков, мир узнал Приморье и полюбил гольда Дерсу.

Стоит отметить, что, как в свое время Афанасий Никитин, Арсеньев приходит в мир, населенный людьми иной нации, иной веры. Сам исследователь сравнивал новый для себя край с другой планетой. Но этот край, в отличие от Индии, был частью России. Земля была очень далекой, мало изученной, но своей.

Никитина и Арсеньева объединяет сходный для удаленных друг от друга временных периодов дух эпохи. Как писал о «Хожении» Никитина Д. С. Лихачев: «Конец XV – начало XVI в. – время великих географических открытий... Русские «землепроходцы» еще в XV веке проникли в Персию и в Сибирь.

Особенно интенсивны были в конце XV в. поиски торгового пути в Индию – притягательный центр средневековья» [6, с. 299].

Вторая половина XIX – начало XX вв. в России стали временем крупных географических открытий на суше. Центром экспедиционно-исследовательской деятельности было Русское Географическое общество, возглавляемое П. П. Семеновым-Тянь-Шанским: «Это было время больших экспедиций Н. М. Пржевальского и славной плеяды русских путешественников-географов...» [9, с. 36–37].

Экспедиционная деятельность, как правило, сочеталась у этих исследователей с деятельностью литературной. В экспедиции велись записи, дневники, по результатам экспедиций создавались отчеты, все это являлось основой будущих книг.

Лихачев писал: «Все творчество Аввакума проникнуто резким автобиографизмом» [6, с. 352]. Это же можно сказать о других авторах, создавших описания своих путешествий: игумене Данииле, Афанасии Никитине, Арсеньеве. И если говорить о последнем, надо отметить, что именно автобиографизм превращает его

естественнонаучное описание в эмоционально напряженный, пронизанный философскими раздумьями текст, обладающий мощным воздействием на читателя, вызывающий доверие, сочувствие и сострадание к его героям.

Многочисленными читателями Арсеньева, так же, как Афанасия Никитина, Игумена Даниила и других авторов хождений, были те, кто не увидит эти земли никогда. Как писал Игумен Даниил: «...но любве ради святых мѣсть сихъ, исписах все, еже видѣхъ очима своима, дабы не забыть было то, еже ми показа Богъ видѣти недостойному... да сие написах вѣрных ради человекъ...» [7, с. 24, 26].

Любовь к странствиям и новой стране, которую хочется передать далеким и близким читателям – основа труда Арсеньева: «... надо иметь еще интерес к данной стране, необходима вера в то, что именно здесь, а не в другом месте можно найти интересные материалы» [2, с. 104].

Поэтому русские путешественники были так подробны и конкретны в своих описаниях, стремясь дать как можно более полное представление о далеких и малодоступных краях, которые они посетили. Понимая, что является одним из немногих сведущих, Арсеньев пишет: «Читатель ошибается, если представляет себе тайгу в виде роши. Уссурийская тайга – это девственный и первобытный лес...» [2, с. 126].

Арсеньев стремится быть в диалоге с читателем. Для него это означает говорить просто и ясно о сложном, необыкновенном, невиданном, подобно протопопу Аввакуму, о котором И. П. Еремин написал: «В заботе о «простом» читателе Аввакум... решил, один из немногих в ту эпоху, на очень смелый по тому времени шаг: он стал писать на живом, разговорном русском языке...» [4, с. 177].

Прошлое Русской земли было описано в «Повести временных лет» и других летописях, странствия в иные страны в хождениях, по дальним местностям Руси – в «Житии игумена Даниила». У Приморья и Приамурья было свое прошлое, связанное с коренными жителями, племенами. В. В. Колесов пишет: «...слово *родъ* употребляется только по отношению к своим. Стоило появиться легенде о призвании варягов на Русь, как варяги стали «своими», и у

них появились «роды». Всех прочих называли *языци, иноземци, тьземци* (той земли жители)» [6, с. 24]. «Туземное население», – так пишет и Арсеньев [2, с. 399]. И надо было установить родство русских с этой землей, возможно, поэтому Арсеньев, подобно летописцу, воссоздает территориальную историю «от Сотворения Мира», от «Золотого» к «Железному» веку. Так, в книге «Дерсу Узала» он пишет: «Дерсу стал вспоминать дни своего детства, когда корейцев не было вовсе... Но вот появились китайцы, а за ними – русские. Жить становилось с каждым годом все труднее и труднее. Потом пришли корейцы. Леса начали гореть; соболь отдалился и всякого другого зверя стало меньше. А теперь на берегу моря появились японцы. Как дальше жить?» [2, с. 517].

О «Повести временных лет» Еремин пишет: «Погодный» принцип изложения исторических событий... свидетельствует о закономерной тенденции летописца внести известный порядок в поток подлежащих его обзору фактов... Большую услугу оказала ему существовавшая в его эпоху система летосчисления – от сотворения мира. Благодаря этой системе летосчисления каждый летописный факт смог найти свое место...» [4, с. 50–51].

Цепь времен, которая по мысли древних летописцев прерываться не должна, присутствует и в концепции Арсеньева. Одним из свидетельств этого являются начальные страницы книги «В горах Сихотэ-Алиня». Здесь в хронологическом порядке автор пишет об исследователях «Амурского края», начиная со старшины Василия Пояркова (1643) и заканчивая геологом П. И. Яворским (1903) [3, с. 215–224]. Слова Дерсу – воссоздание картины туземной истории, начало «В горах Сихотэ-Алиня» – панорама развития русской истории Дальнего Востока.

Так, постепенно чужая неведомая земля становится родиной, знакомой, любимой, родной. В этом процессе перехода из чужой в свою, от «туземца» к «роду» много сложного, противоречивого, драматического и даже трагичного. В этом специфика истории и ее «погодного» изложения: «Фрагментарность и связанная с нею порою внутренняя противоречивость летописного повествования – особенности, определяющие всю структуру «Повести временных лет» как памятника литературы» [4, с. 51].

Повествование Арсеньева часто также фрагментарно и связано темой дороги, события, комические, драматические, трагические, нанизываются на путевую линию, создавая общее поле противоречия. Глобальной оппозицией в текстах Арсеньева выступает противостояние любви и интереса исследователя к новой земле и стремления ее изучить как можно более полно и понимание, что своеобразии территории уничтожается под напором цивилизации, проводником которой является в числе других и он сам: «Там, где раньше ревел тигр – ныне свистит паровоз... Край начал утрачивать свою оригинальность и претерпевать то превращение, которое неизбежно несет за собой цивилизация» [2, с. 45].

Внутренний конфликт трагически обостряется, когда от рук неизвестного преступника погибает друг героя-повествователя гольд (нанаец) Дерсу Узала, который не раз на протяжении повествования спасал жизнь и «капитану», и всем членам отряда [2, с. 639].

Следует отметить, что с древнерусскими путешественниками Арсеньева сближает дружелюбие по отношению к коренным жителям. Даже шокирующим древнерусское сознание обычаям Афанасий Никитин дает нейтральное описание: «А съѣдаются всѣ нагы, только на гузне платье, а жонкы всѣ нагы, толко на гузне фота...» [10, с. 24]. Миром решил дело с воинственными племенами Даурии протопоп Аввакум: «...онѣ с луками и обьсчочили нас. Я, су, вышедѣ обниматца с ними, што с чернцами, а самъ говорю: «Христос со мною, а с вами той же!» И онѣ до меня и добры стали, и жены своя к женѣ моей привели. Жена моя также с ними лицемѣритца...» [8, с. 375–376].

Авторы не выражают превосходства по отношению к «чужим», наряду с тем, что разъединяет, осмысливая и то, что объединяет. Представляется, что «родовая память» и Православие играют немаловажную роль в таком подходе к «иному».

Рожденный в Петербурге, Арсеньев воспринял Дальний Восток через призму национальной традиции. Благодаря такому подходу исследователя и писателя те земли, которые относительно недавно вошли в состав России, обрели в этой традиции свое место. Лихачев писал: «...сама Русская земля с ее многочисленными городами, урочищами, селами, могильными насыпями была как бы живую

книгою ее неписанной истории» [6, с. 53]. «Живой книгой истории», русской истории Дальнего Востока, постепенно стала и тайга, в самых глухих и труднодоступных уголках которой первопроходцы оставили память о себе. В книге «По Уссурийской тайге» Арсеньев пишет: «Тадушу! – Так вот та самая река, по которой первым прошел М. Венюков... При устье Тадушу Венюков поставил большой деревянный крест с надписью, что он здесь был в 1875 г. Креста этого я нигде не нашел... Следом за Венюковым Тадушу посетили Максимович, Будищев, Пржевальский» [1, с. 203].

Уничтоженные, упавшие памятные кресты и таблицы восстанавливали те, кто шел следом [3, с. 534]. Таким образом, русская история Дальнего Востока непрерывно продолжалась, а Дальневосточная земля становилась новой живой летописной страницей.

Список литературы

1. Арсеньев, В. К. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 1. По Уссурийской тайге / В. К. Арсеньев. – Владивосток : Примиздат, 1947. – 397 с.

2. Арсеньев, В. К. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 1. По Уссурийскому краю. Дерсу Узала / В. К. Арсеньев. – Владивосток : Рубеж, 2007. – 703 с.

3. Арсеньев, В. К. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 2. Жизнь и приключения в тайге. В горах Сихотэ-Алиня. Зимний поход по реке Хунгари. Сквозь тайгу / В. К. Арсеньев. – Владивосток : Рубеж, 2009. – 607 с.

4. Еремин, И. П. Лекции и статьи по истории древней русской литературы / И. П. Еремин ; ЛГУ им. А. А. Жданова. – 2-е изд., доп. – Ленинград : ЛГУ, 1987. – 326, [1] с.

5. Колесов, В. В. Мир человека в слове Древней Руси / В. В. Колесов. – Ленинград : ЛГУ, 1986. – 311 с.

6. Лихачев, Д. Великое наследие / Д. С. Лихачев. – Москва : Современник, 1979. – 412 с.

7. Памятники литературы Древней Руси : сборник / сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. – Москва : Художественная литература, 1980. – Вып. 2 : XII век. – 704, [3] с., [14] л. ил., цв. ил.
8. Памятники литературы Древней Руси : сборник / сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. – Москва : Художественная литература, 1989. – Вып. 11 : XVII век. Кн. 2. – 704, [4] с., [14] л. ил., цв. ил.
9. Семенов-Тянь-Шанский, П. П. Путешествие в Тянь-Шань / П. П. Семенов-Тянь-Шанский. – Москва : Географгиз, 1958. – 280 с.
10. Хождение за три моря Афанасия Никитина / Афанасий Никитин. – Ленинград : Наука, 1986. – 212, [1] с.

ПРОЕКТ «СЛАВУТЫЯ ІМЁНЫ БАЦЬКАЎШЧЫНЫ»: ЯНКА МАВР – ОСНОВАТЕЛЬ БЕЛОРУССКОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Рассматривается новый вид экскурсионной деятельности в Национальной библиотеке Беларуси – цикл учебно-познавательных экскурсий «Славутыя імёны Бацькаўшчыны». Главное внимание уделяется экскурсиям по творчеству Янки Мавра – основоположника белорусской детской литературы. Акцентируется внимание на книжном наследии и виртуальных проектах Национальной библиотеки Беларуси.

Ключевые слова: Национальная библиотека Беларуси, экскурсии, Славутыя імёны Бацькаўшчыны, Янка Мавр, белорусская литература, детская литература.

Библиотеки обладают мощными воспитательными и образовательными ресурсами и участвуют в формировании культурных норм и ценностей человека.

Национальная библиотека Беларуси (далее Библиотека) с момента открытия является крупным туристическим объектом, который ежегодно посещают более 40.000 человек в составе около 3.000 групп. Это различные категории экскурсантов. Поэтому с целью удовлетворения их запросов и интересов, а также привлечения новых гостей сотрудниками отдела экскурсионно-методической работы Библиотеки проводится активный поиск новых форм и методов работы с посетителями.

Анализ процентного соотношения количества экскурсантов в Библиотеке свидетельствует о том, что основная аудитория – учащиеся. Этот показатель с каждым годом увеличивается. В связи с этим в 2016 г. были подготовлены и проведены пилотные учебно-познавательные экскурсии «Славутыя імёны Бацькаўшчыны» по творчеству знаменитых белорусских писателей М. Богдановича, М. Зарецкого и К. Крапивы. Они вызвали интерес со стороны как

учителей и учащихся, так и средств массовой информации, что подтвердило своевременность и актуальность такой формы работы. Поэтому следующим этапом была намечена разработка проекта «Экскурсии «Славутыя імёны Бацькаўшчыны», в основе которой – идея создания среды для воспитания эстетически развитой, обогащенной национальным культурным опытом и знаниями личности через расширение образовательного пространства путем включения в него цикла интерактивных учебно-познавательных экскурсий, посвященных классикам литературы и деятелям культуры Беларуси. Данный проект рассчитан на учащихся и учителей учреждений общего среднего и среднего специального образования. Он, с одной стороны, будет содействовать расширению кругозора, приобщению к достижениям белорусской культуры. С другой стороны, будет стимулировать повышение интереса к чтению и формирование информационной культуры школьников.

Новация проекта «Экскурсии «Славутыя імёны Бацькаўшчыны» в том, что впервые в Республике Беларусь в библиотеке разрабатывается цикл интерактивных экскурсий, в которых используются информационные ресурсы Библиотеки с учетом школьной программы по белорусской литературе и юбилейных дат. Материал каждой экскурсии не повторяется, что будет давать возможность учащимся и педагогам посещать Библиотеку в течение нескольких лет и каждый раз знакомиться с жизнью и творчеством новых ярких представителей белорусской литературы и культуры. Материалы проекта будут размещены на Интернет-портале Библиотеки (www.nlb.by), что позволит использовать их учителям отдаленных районов Беларуси и за границей для подготовки и проведения тематических уроков и внеклассных мероприятий, направленных на организацию культурного отдыха. Таким образом, расширится доступ к культурным и образовательным ресурсам нашей страны. Это будет содействовать повышению востребованности и популярности организаций культуры среди широких масс населения, увеличению использования потенциала информационных ресурсов этих организаций и культурного наследия белорусского народа в целом.

В проекте «Экскурсии «Славутыя імёны Бацькаўшчыны» будут освещаться биографии следующих ярких представителей

белорусской литературы и их произведения: Якуб Колас, «Новая земля»; Янка Купала, «Павлинка»; Янка Мавр, «Полесские робинзоны»; Владимир Короткевич, «Дикая охота короля Стаха».

Один из разделов данного проекта будет посвящен жизненному и творческому пути Янки Мавра, произведения которого изучают в 6 классе учреждений общего среднего образования.

Янка Мавр (Иван Михайлович Федоров, 1883–1971) – белорусский писатель, один из основателей белорусской детской литературы, основоположник приключенческого и научно-познавательного жанров в белорусской литературе, создатель первой белорусской научно-фантастической повести. В литературной деятельности Янка Мавр дебютировал как фельетонист. Известность ему как писателю принесли произведения для детей, которые он начал писать, уже имея 20-летний педагогический стаж работы в школах Беларуси. Его первая повесть на белорусском языке – «Человек идет» – была напечатана в 1926 г. в журнале «Белорусский пионер» и положила начало развитию научно-популярного жанра в национальной литературе. Кроме того, Янка Мавр проявил себя как мастер приключенческого жанра в своих последующих произведениях – «В стране райской птицы» (1927), «Сын воды» (1928), «Амок» (1929), в которых знакомил юных читателей с далекими зарубежными странами [2, с. 35]. Янка Мавр обладал богатой фантазией: он никогда не бывал за границей, но точно передавал в своих произведениях экзотичность природы и жизнь иноземных народов. В этом неоценимую помощь ему оказывало отличное владение международным языком эсперанто и его активная переписка с учителями многих стран: Англии, Новой Зеландии, Индонезии, Америки.

Детям особенно полюбились его повести «Полесские робинзоны» (1930) и «ТВТ» (1934). Так, в повести «Полесские робинзоны», написанной в приключенческом жанре, рассказывается о путешествии двух подростков по родному Полесью. Это произведение не только дополняет знания юных читателей о белорусской природе, но и содействует их патриотическому воспитанию.

Приключенческая повесть «ТВТ» получила первую премию на Всебелорусском конкурсе детской книги. По просьбе Максима Горького Янка Мавр перевел ее на русский язык. С. Маршак в своем докладе на Первом всесоюзном съезде советских писателей отметил ее среди других произведений, написанных для детей в этот период [1, с. 6].

В жанре фантастики Янкой Мавром написано произведение «Повесть будущих дней» (1932), где автор пытается заглянуть в будущее нашей страны на несколько десятилетий вперед.

На протяжении 1946–1948 гг. Я. Мавр вместе с П. Рунцом занимался сбором и редактированием детских воспоминаний про Великую Отечественную войну для книги «Никогда не забудем», которая вышла в 1948 г. с предисловием Якуба Коласа и получила высокую оценку общественности не только в Беларуси, но широко за ее пределами. Это произведение способствует воспитанию чувства патриотизма у подрастающего поколения, что особенно актуально в современных реалиях.

В фондах Библиотеки находятся 107 единиц хранения произведений Янки Мавра на белорусском, русском, польском, армянском, литовском, казахском, таджикском, украинском языках, из которых 75 – прижизненные издания [3].

В фондах Библиотеки также хранятся его переводы на белорусский язык произведений русских классиков – М. М. Пришвина, Д. Н. Мамина-Сибиряка, а также зарубежных писателей – Р. Киплинга, М. Твена, Х. К. Андерсена. Все они оцифрованы и с ними можно познакомиться в депозитарии электронных документов Библиотеки.

Для удаленных пользователей (в том числе учителей, которые хотят подготовить урок по творчеству Я. Мавра) действует проект «Виртуальное путешествие с Янкой Мавром», разработанный к 130-летию со дня рождения писателя и размещенный на Интернет-портале Библиотеки. Там представлены оцифрованные издания его произведений и богатый иллюстративный материал, который позволяет мысленно перенестись в экзотические уголки Земли, а также посетить красивейшие места Беларуси, описываемые Янкой

Мавром. Проект помогает совершить виртуальное путешествие по Новой Гвинее (повесть «В стране райской птицы»), Огненной Земле (повесть «Сын воды»), острову Ява (роман «Амок») и белорусскому Полесью (повесть «Полесские робинзоны»). Безусловно, что такие виртуальные проекты содействуют популяризации фондов Библиотеки и расширению знаний по белорусской культуре и истории; предоставляют свободный широкий доступ потенциальным пользователям к культурному и историческому наследию нашего народа.

В процессе проведения по Библиотеке экскурсий «Славутыя імёны Бацькаўшчыны» главная задача экскурсоводов – установление не только контакта с учащимися, но и диалога с ними. Экскурсанты, в свою очередь, должны быть не просто пассивными слушателями и наблюдателями, а активными участниками всего процесса. Вниманию педагогов и школьников представляется электронная презентация о жизни и творчестве писателя, в которой отображены не только факты из биографии, но и фото документов из фондов Библиотеки. Участники экскурсионного процесса складывают пазлы, разгадывают кроссворды, выполняют задания. В конце – знакомятся с изданиями произведений писателя и исследований о нем.

Бесспорно, такая форма работы содействует расширению кругозора учащихся, закреплению знаний, полученных в школе. Но самое главное – это дает возможность учащимся при посещении Библиотеки каждый раз получать новую информацию в занимательной, интерактивной форме. А реализация новаторского проекта «Экскурсии «Славутыя імёны Бацькаўшчыны» направлена на пропаганду и популяризацию достижений белорусской культуры и искусства в Республике Беларусь и за рубежом.

Список литературы

1. Маршак, С. О большой литературе для маленьких : доклад на Первом Всесоюзном съезде советских писателей / С. Я. Маршак. – Москва : Художественная литература, 1934. – 63, [1] с. : 1 портр.

2. Яфімава, М. Б. Янка Маўр : [жыццё і творчасць] / М. Б. Яфімава. – Мінск : Дзяржаўнае выдавецтва БССР, 1960. – 128 с.

3. Электронный каталог Национальной библиотеки Беларуси [Электронный ресурс] // Интернет-портал Национальной библиотеки Беларуси / Национальная библиотека Беларуси. – Минск : Национальная библиотека Беларуси, 2006. – URL : <http://catalog.nlb.by> (дата обращения : 22.02.2018).

ФОРМЫ И МЕТОДЫ ПРЕЗЕНТАЦИИ ТРАДИЦИОННОЙ ИГРЫ В РАМКАХ ТУРИСТСКИХ КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ²

Рассматривается презентация традиционной игры посредством различных форм и методов культурно-образовательной деятельности, основанных на интерактивности, взаимодействии с участниками. Трансляция традиционных игр в рамках реализации туристских программ видится как эффективное средство актуализации наследия. Определяются возможные формы презентации игры, выявляются адаптивные методы актуализации историко-культурного наследия.

Ключевые слова: нематериальное наследие, традиционная игра, культурно-образовательная программа, актуализация, презентация.

Культурный туризм – одно из наиболее интенсивно развивающихся направлений на сегодняшний день. Одним из перспективных видов культурного туризма является этнографический туризм, который предполагает познание туристом культуры, архитектуры, быта и традиций определенного народа. В рамках этнографического туризма презентуются различные аспекты традиционной культуры. Эффективным видится актуализация традиционной игры в рамках этнографического туризма, что определяется природой самой игры.

Игра – это вид непродуктивной деятельности человека, мотив которой заключается не в результате, а в самом процессе [1]. Традиционная игра, наряду с другими объектами нематериального наследия, является носителем информации о культуре того или иного народа. Так как истоки игры отсылают нас к ритуалу, то она способна раскрыть различные стороны хозяйственной деятельности и быта народа, отразить особенности его менталитета и верований. Вместе с тем на сегодняшний день данный элемент культуры стремительно

² Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 17-11-42003

утрачивается или же искажается до неузнаваемости. На фоне распространения в современном мире этнографического туризма, повышения интереса к традиционной культуре народов, появляется необходимость включения традиционной игры в современную социокультурную среду.

Согласно классификации историко-культурного наследия, традиционная игра относится к нематериальному наследию. Объекты нематериального наследия могут презентоваться в рамках этнографического туризма посредством различных методов и форм культурно-образовательной деятельности. Форма и метод зависят от конкретного вида объекта нематериального наследия, которые, в свою очередь, можно разделить на три категории.

К первой категории относятся объекты, выраженные в физической форме. К данной категории относятся аспекты культуры и традиции определенного человеческого сообщества: обряды, танцы, ремесла, производственные и бытовые процессы. Вторая категория представлена объектами, имеющими только вербальную форму выражения. К данной категории можно отнести язык, вербальные и фольклорные формы. И, наконец, объекты третьей категории не имеют формы выражения вообще. Это символические и метафорические значения объектов, составляющих материальное культурное наследие: мировоззрение, суеверные представления и т. д. [4].

Традиционная игра относится к первой категории, так как не только имеет форму выражения, но и овеществленные компоненты, к которым можно отнести игровую атрибутику. Соответственно в рамках культурного туризма может быть презентована как сама технология традиционных игр, так и предметы, использовавшиеся в игровом процессе.

Культурно-образовательные программы одинаково успешно позволяют презентовать как игры с предметами, так и иные виды игр, не предполагающие игровую атрибутику. Это возможно посредством моделирования игровых действий на основе принципов интерактивности. Моделирование предполагает воспроизведение игр с долей условности, с применением гипотез и аналогий, однако с высокой степенью достоверности. Интерактивность характеризуется высокой интенсивностью коммуникации, общения, взаимодействия, а также сменой и разнообразием видов деятельности участников [3, с. 37].

Презентация игры в рамках культурно-познавательного туризма может осуществляться на основе различных методов. Среди методов актуализации нематериального культурного наследия наиболее широко применимыми являются фиксация, реконструкция, моделирование и интерпретация.

Фиксация – это трансляция объекта его носителем, таким образом, презентация игры осуществляется самим носителем традиции. Соответственно в данном случае необходимо наличие носителя традиции, в противном случае метод не может быть применен.

Реконструкция предполагает воссоздание объекта с максимальной степенью достоверности на основе исчерпывающих свидетельств. Данный метод также не всегда возможно реализовать, так как в большинстве случаев исчерпывающие сведения об объекте отсутствуют, особенно в том случае, если объект утрачен в среде бытования достаточно давно. В данном случае можно прибегнуть к методу моделирования, предполагающего воссоздание объекта нематериального наследия с долей условности, на основе гипотез и аналогий. Интерпретация – представление нематериального объекта посредством материального носителя. В данном случае раскрывается информационное поле предмета – овеществленного компонента нематериального объекта.

В зависимости от ситуации, сложившейся в современной социокультурной среде, одинаково эффективно по отношению к традиционной игре могут применяться методы фиксации и моделирования. Метод фиксации может использоваться в рамках мастер-класса, метод моделирования адаптивен к ролевой игре. Метод интерпретации может применяться в рамках такой формы как театрализованная экскурсия, где в увлекательной форме будет рассказано об игровой атрибутике.

Презентация игры может осуществляться в рамках различных форм культурно-образовательной деятельности: ролевая игра, мастер-класс, конкурсные формы, театрализованная экскурсия. Оптимальной формой культурно-образовательной деятельности является музейная программа, включающая в себя элементарные базовые формы.

Ролевая игра предлагает примерить участникам на себя роль водящего и игроков. На практике воссоздаются игровые действия с подлинными или смоделированными атрибутами.

Театрализованная экскурсия позволит презентовать игровую атрибутику на основе метода интерпретации. Требуется создания обогащенной предметно-пространственной среды, сочетания разнообразных видов деятельности: традиционная экскурсия чередуется с творческими заданиями и игровыми действиями. Конкурсные формы позволяют создать состязательную атмосферу. Интерактивная программа может включить все обозначенные формы.

Мастер-класс может быть нацелен как на обучение самой игры, так и, например, изготовление игровой атрибутики. Интерактивная музейная программа – комплексная форма культурно-образовательной деятельности, основанная на активном взаимодействии посетителей с подлинными музеефицированными объектами историко-культурного наследия. Музейный праздник – это комплексная форма культурно-образовательной деятельности, в которой единой темой объединены элементы экскурсии, творческого вечера, театрализованного представления и других элементарных форм [5, с. 485]. Игра в данном случае выступает частью целой программы.

На базе Кемеровского государственного института культуры в рамках проекта «живые уроки» разработана интерактивная программа «Игры из прошлого», направленная на презентацию традиционных игр коренных малочисленных народов, шорцев и телеутов, и русских старожилов Притомья. Источниками при формировании программы стали как материалы музейных собраний, так и полевые этнографические материалы, полученные в ходе экспедиционных исследований. В рамках программы посредством театрализованной экскурсии презентуются сначала основные элементы культуры народа: предметы быта, костюм, хозяйственные орудия, – после чего с помощью метода интерактивного моделирования актуализируется собственно игровая традиция. «Погрузиться» в прошлое позволяют костюмы интерпретаторов, изготовленные на основе метода реконструкции (с использованием приема адаптации), также на основе материалов музейных собраний воссоздается игровая атрибутика.

Обязательным условием является использование подлинных музейных предметов. Программа выстроена следующим образом: интерпретатор в воссозданном традиционном костюме рассказывает о том, где презентуемый им народ проживает, демонстрируя подлинные музейные предметы и их воспроизведения и раскрывая их информационные поля, позволяет участникам программы узнать о разных сторонах материальной и духовной культуры. Экскурсия носит не только театрализованный, но и интерактивный характер. Экскурсантам предлагается самим включиться в смоделированные действия: прогладить рушник, используя рубель, измельчить ячмень на ручной мельнице «тербен» для приготовления «талкана» – традиционного блюда шорцев, поиграть на «комусе» – музыкальном инструменте телеутов. Активно используются методические приемы вопросов-ответов, заданий. После знакомства с традиционной культурой интерпретатор презентует игровую атрибутику, рассказывает правила игры и предлагает экскурсантам сыграть в нее. Таким образом, презентация игры осуществляется в рамках такой формы как ролевая игра, а основным методом актуализации становится моделирование. Предпочтение отдается играм с простыми правилами, наиболее распространенным в народной практике, носящим соревновательный характер.

Программы, направленные на презентацию традиционных игр, реализуются как средовыми, так и музеями коллекционного типа. Наиболее эффективна презентация игры в музеях под открытым небом. В Этнографическом музее народов Забайкалья была представлена программа «Лето в бурятском улусе», где был проведен мастер-класс по традиционной игре «шагай» представителями бурятского этноса с применением метода фиксации. Данный метод используется и в историко-этнографическом музее «Чолкой», находящемся в телеутской деревне. Здесь применяются конкурсные формы и мастер-классы, в рамках которых носители традиции учат играть в такие игры, как «тебек» и «малакай». В историко-этнографическом музее-заповеднике «Шушенское» основным методом становится метод интерпретации посредством материальных носителей: здесь для детей проводятся тематические экскурсии, один

из разделов посвящен русским народным играм и забавам. В этноэкологическом музее-заповеднике «Гюльберский городок» широко применяется метод моделирования во время проведения календарных праздников русских-сибиряков, актуализации сезонных обрядов шорцев и телеутов.

Реализованная в рамках культурно-познавательного туризма традиционная игра способствует не только актуализации исчезающего пласта историко-культурного наследия, но и, несомненно, может являться фактором привлечения посетителей. Через игру туристы знакомятся с традиционным мировоззрением, различными элементами культуры. Вовлекаясь в игровой процесс, туристы ощущают свою сопричастность историко-культурному наследию. Однако основой реализации традиционной игры должна стать опора на подлинные объекты историко-культурного наследия, зафиксированные и включенные в материалы музейных собраний. В данном случае можно будет говорить об актуализации подлинной традиции, а не формировании псевдотрадиции.

Список литературы

1. Гуревич, П. С. Игра [Электронный ресурс] / П. С. Гуревич // Культурология : XX век : энциклопедия / гл. ред. С. Я. Левит. – URL : <http://culture.niv.ru/doc/culture/encyclopedia-xx-vek/178.htm>.
2. Каулен, М. Е. Музеефикация историко-культурного наследия России / М. Е. Каулен. – Москва : Этерна, 2012. – 432 с.
3. Кашлев, С. С. Интерактивные методы обучения : учебно-методическое пособие / С. С. Кашлев. – Минск : ТетраСистемс, 2011. – 224 с.
4. Российская музейная энциклопедия [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.museum.ru/rme/dictionary.asp>.
5. Юренева, Т. Ю. Музееведение : учебник для высшей школы / Т. Ю. Юренева. – Москва : Академический Проект, 2004. – 560 с.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СЕЛЬСКАЯ МЕСТНОСТЬ КАК ТИП КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА: СПЕЦИФИКА СИБИРИ

С позиции культурно-ландшафтного подхода рассматривается историческая сельская местность. Авторы указывают на необходимость комплексного подхода к изучению наследия, учитывая взаимосвязь его культурных и природных компонентов. На примере Чебулинского муниципального района Кемеровской области выделяются такие особенности исторической сельской местности Сибири, как полиэтничность происхождения, многообразие материальных объектов наследия.

Ключевые слова: историко-культурное наследие, культурно-ландшафтный подход, исторический город, внутренний туризм.

Сохранение наследия сегодня получило детальное методологическое обоснование в культурно-ландшафтном подходе, учитывающем фундаментальную значимость наследия, его комплексный характер, а также взаимодействие с внешней средой. Данный подход называет в качестве основ формирования наследия процессы взаимодействия между культурой и природой во временном и пространственном измерениях, объектами наследия и окружающей их средой, материальными и нематериальными ценностями, определяющими значимость наследия как носителя множества историко-культурных кодов [1, с. 67].

Применение культурно-ландшафтного подхода позволяет преодолеть кажущуюся существенной в общественном сознании грань между культурным и природным наследием. Так, сегодня наследие воспринимается как системное явление, включающее как культурные, так и природные объекты. Они в свою очередь обладают научно-исторической, эстетической и сакральной ценностью. Основываясь на этом, некоторые природные объекты в Списке Всемирного наследия ЮНЕСКО рассматриваются как ассоциативные культурные ландшафты и отнесены к группе культурного наследия.

Принципиальные основания культурно-ландшафтного подхода как нельзя лучше отвечают задачам сохранения исторической сельской местности. Первоначально, по мнению ЮНЕСКО, именно сельская местность только и могла рассматриваться как культурный ландшафт, «поскольку в процессе ее формирования человек и природа выступали в роли равноправных партнеров» [1, с. 71]. Однако сохранение сельской местности как культурного ландшафта возможно при одном условии – сохранность и продолжение традиционных функций, которые обусловили эту территорию как культурный ландшафт. Сюда можно отнести традиционную сельскохозяйственную деятельность, нормальное функционирование местного социума, включая традиционный образ жизни коренного населения. Только тогда можно охарактеризовать сельскую местность как подлинный объект наследия в его целостности и документальности.

В современных условиях депопуляции коренного населения сельских поселений, замены его горожанами или дачниками сохранение сельского культурного ландшафта становится во многом возможным посредством реализации целенаправленной политики по организации и развитию сельского туризма.

В качестве примера сохранения и актуализации объектов и традиций исторической сельской местности как культурного ландшафта можно привести деятельность историко-культурного комплекса имени Е. А. Анкудиновой «Вятское» [2], расположенного в Ярославской области.

Признаками культурного ландшафта обладает и множество сельских территорий Сибири. Казалось бы, задачи сохранения наследия здесь возможно решать по аналогии с европейской частью России. Однако характерные особенности развития данных территорий делают необходимой адаптацию основных принципов культурно-ландшафтного подхода к сибирской специфике.

Рассмотрим особенности исторической сельской местности Сибири на примере Чебулинского муниципального района Кемеровской области. Здесь в зоне охраняемого природного ландшафта сосредоточено большое количество объектов наследия.

Особую значимость имеет Шестаковский историко-культурный комплекс памятников археологии и палеонтологических местонахождений. В 1953 г. здесь обнаружили самое большое и уникальное захоронение скелетов динозавров, черепах, живших около 130 млн. лет назад. Исследователи насчитали более 500 их разновидностей, в том числе впервые найденный вид Пситтакозавр Сибирский и ранее неизвестный вид вымерших крокодилов, единственный на территории России. На данной территории также находятся памятники гражданской войны и периода массовых репрессий. Чебулинский муниципальный район привлекателен и уникальными природными объектами: интересными геологическими образованиями, в том числе потухшими вулканами, орнитологическим водно-болотным комплексом «Шестаковские болота», озером Большой Базыр, местом отдыха северных водоплавающих птиц.

Интересна данная территория также объектами историко-культурного наследия. Как и большая часть сибирских земель, территория Чебулинского района характеризовалась этнической неоднородностью. Эта особенность наблюдается и на сегодняшний день. До присоединения юга Западной Сибири к Сибири рассматриваемая местность была заселена автохтонными этническими группами – чулымскими тюрками. В XVII–XVIII вв. здесь обосновались представители восточнославянских народностей, потомки которых стали именоваться старожилами. Во второй половине XIX – начале XX вв. на этих землях расположились переселенцы новой волны, сохранившие хозяйственный уклад Европейской части России [4, с. 57–58].

В итоге процесс поэтапного присоединения сибирских земель к России и их освоения, а также события социально-политической истории России обусловили наличие следующих типов поселений: русские старожильческие села, новосельческие села, села старообрядцев, села с локализацией автохтонного населения. Уровень их изученности и музеефикации компонентов материальной культуры различен. От сохранившихся, например, жилых, хозяйственных и культовых сооружений русских переселенцев до

полностью утраченных традиционных жилищ коренных народов Сибири, которые теперь могут быть реконструированы только на основе археологических данных.

Историко-культурные и природные объекты Чебулинского муниципального района, рассматриваемые с позиции культурно-ландшафтного подхода, иллюстрируют особенности исторической сельской местности Сибири, заключающиеся в полиэтничности происхождения и, следовательно, в наличии множества смысловых полей, которые могут быть раскрыты с научной и просветительской точки зрения, а также использоваться в туристских целях. Вместе с тем, серьезной проблемой для достижения результатов в этой области является отдаленность рассматриваемого района от крупных населенных пунктов, разбросанность объектов.

Специалистами Кемеровского государственного института культуры была предложена концепция решения этих задач [3, 4]. В ее основе лежит условие соблюдения принципов культурно-ландшафтного подхода для изучения и актуализации сохранившихся и реконструкции утраченных объектов. В рамках концепции особый упор делается на развитии форм внутреннего семейного сельского туризма.

Таким образом, историческая сельская местность как тип культурного ландшафта имеет потенциал дальнейшего научного изучения и практического использования, однако не всегда типичные практики, апробированные в европейской части России, механически могут быть перенесены на специфичную сибирскую территорию. В этой связи требуется адаптация методологических подходов, и необходима корректировка методик реставрации и реконструкции объектов наследия.

Список литературы

1. Веденин, Ю. А. Культурно-ландшафтный подход к сохранению наследия / Ю. А. Веденин // Обсерватория культуры. – 2013. – № 1. – С. 66–73.

2. Историко-культурный комплекс «Вятское» имени Е. А. Анкудиновой : официальный сайт [Электронный ресурс]. – URL : <http://вятское-село.рф/> (дата обращения : 22.12.2017).

3. Кудрина, Е. Л. Социально-культурные технологии туристской деятельности : проектный подход / Е. Л. Кудрина, А. И. Юдина, С. А. Мухамедиева // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2015. – № 31. – С. 207–215.

4. Родионова, Д. Д. Историческая основа и стратегические перспективы проектирования муниципального туристского продукта в Кемеровской области (на примере Чебулинского муниципального района) / Д. Д. Родионова, П. В. Глушкова, А. А. Насонов // Сервис plus. – 2016. – Т. 10. – № 1. – С. 56–63.

МОТИВАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В РАМКАХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НЕДВИЖИМЫХ ОБЪЕКТОВ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В ТУРИЗМЕ

Рассматривается вопрос мотивации государственно-частного партнерства в рамках использования недвижимых объектов историко-культурного наследия в туризме. Авторами выделяются мотивационные аспекты государства и частных структур. Делается вывод о необходимости создания оптимальных условий для государственно-частного партнерства.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, недвижимые объекты историко-культурного наследия, мотивация партнерства.

В настоящее время применение различных форм государственно-частного партнерства приобретает особое значение ввиду того, что это дает возможность государству, привлекая коммерческие образования, заниматься сохранением недвижимых объектов историко-культурного наследия, а также развитием туристической индустрии, совершенствуя инфраструктуру как отдельных регионов, так и страны в целом.

Под государственно-частным партнерством следует понимать совокупность форм долгосрочного взаимодействия государства и частного партнера для решения общественно значимых задач на взаимовыгодных условиях, то есть систему отношений государства и бизнеса в договорной форме.

Также государственно-частное партнерство, согласно законодательству Российской Федерации, представляет собой юридически оформленное на определенный срок и основанное на объединении ресурсов, распределении рисков сотрудничество публичного партнера, с одной стороны, и частного партнера, с другой стороны, которое осуществляется на основании соглашения о государственно-частном партнерстве, соглашения о муниципально-

частном партнерстве, заключенных в соответствии с настоящим Федеральным законом в целях привлечения в экономику частных инвестиций, обеспечения органами государственной власти и органами местного самоуправления доступности товаров, работ, услуг и повышения их качества [3].

Под частным партнером подразумевается физическое или юридическое лицо, а также индивидуальный предприниматель, располагающий необходимым и достаточным количеством средств на восстановление объекта историко-культурного наследия.

Для характеристики модели государственно-частного партнерства были рассмотрены отношения по поводу недвижимых объектов историко-культурного наследия.

На данный момент государство и частные структуры создают совместные проекты, имеющие большое значение в различных областях человеческой деятельности, в том числе и в сфере туризма. Такое сотрудничество власти и частных структур, закрепленное на законодательном уровне, является характерной чертой господствующего ныне смешанного типа экономики.

Проекты, утверждаемые в рамках государственно-частного партнерства, являются не только соединением государственных ресурсов с ресурсами публичного партнера, но еще и особой совокупностью конкретных правомочий указанных субъектов. Государство, являясь одной из сторон партнерства, представляет наиболее значимые потребности общества, выявляет его важные цели, одновременно осуществляя функцию контроля над ним.

Как показывает практика, государственно-частное взаимодействие имеет ряд отличий от иных форм договорного сотрудничества. К основным следует отнести: длительный характер взаимодействия; совместное инвестирование проектов; распределение рисков между частными структурами и государством; участие частного партнера не только в создании или реконструкции объекта историко-культурного наследия, но и дальнейшей его эксплуатации.

Длительный характер взаимодействия подразумевает возможность долгосрочного сотрудничества государства и частных лиц по сохранению объектов историко-культурного наследия.

Законодательством установлено, что любой желающий может взять в аренду на 49 лет ветхий объект материального культурного наследия при наличии необходимого количества средств для осуществления действий по его сохранению, при этом частные структуры могут сдавать данный объект в субаренду.

Совместное инвестирование объектов историко-культурного наследия предполагает государственную поддержку частного партнера в проведении мер, направленных на обеспечение физической сохранности и сбережение ценности историко-культурного объекта. В случае если партнерство построено на основе договора аренды – арендатор объекта историко-культурного наследия имеет право на льготные условия аренды, полностью или частично покрывающие его затраты.

Говоря о распределении рисков между государством и частным партнером, следует отметить, что, несмотря на главную цель такого партнерства – сохранение объектов историко-культурного наследия, а также ряд других целей, связанных с удовлетворением потребностей общества, частный партнер стремится к максимизации прибыли, получаемой в результате своей деятельности, а государство – обезопасить себя от недобросовестного партнера. Помимо этого, существует опасность ненадлежащего выполнения частным партнером своих обязательств, в таком случае государство имеет право изъять объект историко-культурного наследия. Недостаточно высокий уровень квалификации частного партнера – еще один риск, с которым можно столкнуться в процессе работы по сохранению объекта историко-культурного наследия [4, с. 18].

Частные структуры также могут столкнуться с рядом препятствий, негативно влияющих на эффективность работы, производимой над объектом, в частности, отсутствие реальной ответственности государственных структур за ходом и результатом работы, либо излишний контроль, препятствующий самостоятельному выбору методов работы, специалистов и времени, за которое объект должен быть восстановлен, а также отсутствие или прекращение финансирования проекта в случае выбора иного направления бюджетной политики.

В этой связи государственным структурам необходимо предпринять ряд мер, способствующих привлечению частного сектора, потому как, привлекая его, можно компенсировать нехватку бюджетных средств на восстановление и введение в эксплуатацию объектов историко-культурного наследия, а также развивать инфраструктуру, необходимую для их оптимального функционирования, что, в конечном итоге, может породить экономический рост как региона, так и всей страны в целом [2, с. 107].

Не менее значимым последствием государственно-частного партнерства в сфере сохранения объектов историко-культурного наследия является увеличение числа рабочих мест, которое происходит посредством функционирования как самого объекта, так и коммерческой деятельности, реализованной на его основе. В качестве примера выступает фортификационное сооружение XVI в. в г. Выборге, на базе которого функционирует ресторан «Круглая башня». Такое решение позволяет привлекать большее число посетителей и в сам объект, и в коммерческие образования, функционирующие на его основе, что может привести к увеличению прибыли, которая может быть направлена на улучшение состояния объекта историко-культурного наследия, а также к увеличению его популярности, узнаваемости.

Следует отметить, что на практике довольно сложно реализовать проекты государственно-частного партнерства без применения таких форм финансовой поддержки, как бюджетные субсидии, налоговые льготы, а также определенные гарантии со стороны государства, однако в России существуют примеры, иллюстрирующие возможность успешной их реализации. Одним из самых ярких примеров выступает Музей современного искусства «Гараж», расположенный и успешно функционирующий в Москве [1]; Усадебный комплекс «Полотняный завод» и Ансамбль городской усадьбы Хлюстина в Калужской области, а также некоторые усадьбы Москвы и Подмосковья осуществляют свою деятельность ввиду их восстановления посредством проектов государственно-частного партнерства.

Государство же, в свою очередь, в условиях ограниченного бюджета, рассматривает сотрудничество с бизнесом как эффективный способ развития и поддержки развития сферы культуры.

Однако аттрактивность подобных механизмов для частного партнера делает вопросом времени их применение ввиду существующих в этой сфере проблем, особенно это касается недвижимых объектов историко-культурного наследия.

На данном этапе частный сектор не имеет должного уровня заинтересованности в сохранении объектов историко-культурного наследия ввиду того, что посредством этой деятельности очень трудно добиться достижения коммерческого эффекта. Международный опыт показывает: конкурентным преимуществом обладают не отдельные объекты, а комплексный продукт, в который, в данном случае, входит не только какой-либо объект историко-культурного наследия, памятник архитектуры, но и набор, состоящий из следующих компонентов: развитая инфраструктура, обеспечивающая комфортное размещение посетителей, транспорт для перевозки и т.д.; надлежащий уровень экскурсионного обслуживания; наличие сувенирной продукции и, конечно же, наличие высококвалифицированного персонала. Нельзя забывать и об уникальности услуг, что, в условиях пресыщения на рынке услуг, является обязательным.

Разработка и создание такого комплексного продукта предполагает активные усилия как в маркетинге, так и в поиске грамотных специалистов, способных, во-первых, совершить ряд действий по введению объекта историко-культурного наследия в эксплуатацию, во-вторых, создать все условия для привлечения в него посетителей, что, несомненно, является весьма сложной, а для кого-то и непосильной задачей, а посему привлекательность такого проекта даже в сотрудничестве с государством крайне низка.

Поводя итог, хочется отметить, что государственно-частное партнерство – весьма действенный механизм, с помощью которого можно решить множество проблем, связанных не только с объектами историко-культурного наследия, но и с другими областями деятельности, однако попытка его распространения показала, что существует великое множество проблем, связанных с правовым, финансово-экономическим и организационным регулированием, поэтому требуется приложить большое количество усилий как

государству, так и частным структурам, создать условия, располагающие сотрудничать, и в конечном итоге предотвратить господствующий ныне неблагоприятный деловой климат.

Список литературы

1. Ахмедова, А. Государственно-частное партнерство приходит в культуру [Электронный ресурс] / А. Ахмедова, Е. Зусман // Российская газета. – 2011. – № 5617. – URL : <https://rg.ru/2011/10/27/kultura.html> (дата обращения : 02.04.2017).

2. О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 1 июля 2015 г. № 224-ФЗ (с изм. и доп.) [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=201066&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.4680200581155256#0> (дата обращения : 02.04.2017).

3. Савченко, И. И. Государственно-частное партнерство в России : современное состояние и проблемы развития / И. И. Савченко, Н. Г. Сидорова, Е. В. Кочева, Н. А. Матев // Экономика и экономические науки. – 2015. – № 1. – С. 99–111.

4. Сергеев, А. А. Особенности рисков в государственно-частном партнерстве / А. А. Сергеев // Экономика и экономические науки. – 2011. – № 11. – Т. 4. – С. 17–22.

АДАПТАЦИЯ КУЛЬТУРНО-ЛАНДШАФТНОГО ПОДХОДА К СОХРАНЕНИЮ И ТУРИСТСКОМУ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ НАСЛЕДИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ГОРОДОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ

В статье актуализируется исторический город в контексте культурно-ландшафтного подхода. Авторы дают краткую характеристику процесса возникновения и развития городов Сибири, обозначают тенденции восприятия современным обществом наследия разных периодов истории России. Обосновываются направления адаптации культурно-ландшафтного подхода к специфике исторических городов Южной Сибири.

Ключевые слова: историко-культурное наследие, культурно-ландшафтный подход, исторический город, городская среда, внутренний туризм.

На современном этапе развития научных представлений о наследии одни из наиболее оптимальных способов его выявления, изучения, сохранения и трансляции базируются на культурно-ландшафтном подходе. С одной стороны, этот подход интегрирует достижения различных профессиональных областей для решения вышеуказанных задач, с другой стороны – органично сочетает эти достижения, позволяя избежать эклектизма или утилитарного восприятия наследия.

Согласно Ю. А. Веденину, основу культурно-ландшафтного подхода составляет понимание наследия как системного явления. Этот подход позволяет учесть комплексный характер и фундаментальную значимость наследия. Исследователь в рамках культурно-ландшафтного подхода выделяет такие признаки наследия, как подлинность и целостность (значительную степень сохранности объекта в целом или его основных составляющих, сохранение исторически значимых связей между его элементами), историческую репрезентативность (целостное представление этапов развития

объектов во временной ретроспективе), документальность наследия (функция хранения и передачи информации, ценной для общества во взаимосвязи культуры и природной окружающей среды) [2, с. 66–67].

Одним из типов культурных ландшафтов является исторический город, который отличает высокая степень концентрации объектов преобразовательной деятельности человеческого общества, возникших в результате сочетания, как правило, нескольких факторов. Известно, что исторически города как разновидность поселения возникали в местах пересечения торговых путей, пунктах возведения защитных укреплений, развивались из родоплеменных центров. Исторический центр являлся ядром города. Именно он рассматривается как наиболее репрезентативный с точки зрения культурно-ландшафтного подхода. Особенности и факторы развития центров исторических городов анализировались в ряде исследований, обзор которых в своей статье приводит В. В. Прохненко [3].

Однако с точки зрения культурно-ландшафтного подхода важны не только антропогенные компоненты городских комплексов, но и географическая среда. Здесь город понимается как культурно-природное образование [2, с. 69]. И, действительно, внимательное изучение исторического прошлого показывает, что по многим характеристикам отличались становление и эволюция южных и северных городов Руси. Кроме того, наблюдались особенности развития исторических городов европейской и азиатской частей Российского государства.

В теории культурно-ландшафтного подхода учитывается главным образом фактический материал возникновения и развития исторических городов европейской части России: городов Северо-Восточной Руси, включенных в туристский маршрут большое «Золотое кольцо России», городов Русского Севера, Поволжья и других. Однако такое явление как исторический город характерно для обширной территории Сибири, не только воспринявшей русские традиции градостроительства, но и имевшей свою специфику.

История сибирских городов началась в XVII в. со строительства укрепленных пунктов российских первопроходцев – острогов. От острогов берут свое начало Тюмень, Тобольск, Томск и другие

города. Они возникали в стратегически оправданных местах, которые были выбраны с учетом благоприятных условий для ведения торговых операций, промыслов, сельского хозяйства. Как и на Восточно-Европейской равнине, города преимущественно сосредотачивались по берегам крупных рек. Градостроительство Сибири допетровского времени характеризовалось иррегулярной, свободной планировкой и застройкой, в XVIII–XIX вв. проекты регулярной планировки и их реализация не оказали определяющего влияния на планировку сибирских городов, изменив их архитектурный облик [1, с. 93–94].

XVIII – начало XX в. стали периодом промышленного освоения Сибири. Эта тенденция развития повлияла на формирование индустриальных компонентов исторических городов (например, частью городского ландшафта Барнаула стал сереброплавильный завод). Мощный потенциал развития в конце XIX в. получили те сибирские города и иные населенные пункты, через которые прошла Транссибирская железнодорожная магистраль. Более того, реализация этого масштабного проекта предопределила бурное становление новых городов, разросшихся из деревень близ железной дороги. Самым ярким примером является Ново-Николаевск (нынешний Новосибирск). Ряд сибирских поселений приобрели статус города в XX в., их становление непосредственно связано с периодом индустриализации.

Во второй половине XX в. историческая среда сибирских городов, как и в целом городов СССР, столкнулась с серьезным противоречием: с одной стороны, необходимость изучения и сохранения наследия как ценности стало особо осознаваться обществом, с другой стороны – получила бурное развитие городская инфраструктура, следуя за социально-экономическими потребностями современности. Эта проблема остается актуальной и на сегодняшний день.

Отдельно следует обратить внимание на специфику восприятия обществом временных слоев наследия. Для нее характерна определенная избирательность, выражающаяся в ностальгии, часто сопровождающаяся идеализацией, и желании максимально сберечь материальные объекты наследия и память одного исторического

периода при критическом отношении к другому, наследие которого на данный момент не обладает в массовом сознании ценностью. Примером этому была ностальгия по дореволюционному периоду в конце XX в. после распада СССР. Ярко проявлялось стремление реставрировать сохранившиеся и реконструировать утраченные объекты этой эпохи. При этом наследие советского периода отвергалось, и вследствие этого ряд объектов, его олицетворяющих, был утрачен. На сегодняшний день уже по отношению к периоду СССР наблюдается ностальгия. Повышенный интерес проявляется к архитектурным объектам этого времени, увеличивается количество экспозиций по советской тематике, актуализируются советские праздники в культурно-образовательной деятельности музея. Вместе с тем период Перестройки и 1990-х гг. значительной частью общества воспринимается негативно, хотя также иллюстрирует исторический этап нашего общества и государства, при этом обладая специфическим наследием.

Методология культурно-ландшафтного подхода на сегодняшний день часто становится основой сохранения и туристского использования объектов исторических городов. В европейской части России, как правило, наиболее ярко презентуется наследие Древнерусского государства периодов его расцвета и феодальной раздробленности, а также губернский период XVIII – начала XX вв. В Сибири вследствие более позднего времени освоения территории славянским населением актуализируется наследие как исторических городов дореволюционного периода (если оно присутствует), так и периода СССР. В этой связи необходима адаптация культурно-ландшафтного подхода с учетом специфики Южной Сибири и расширение понятие «исторический город», посредством включения в его смысловое содержание не только культурных пластов, относящихся к российской истории XVII–XIX вв., но и новейшего периода.

Одним из перспективных направлений такой адаптации является историко-культурное зонирование пространства городов, сочетающее просветительские цели с задачами досуга населения. Наиболее удобными и репрезентативными с точки зрения культурно-ландшафтного подхода частями городского пространства для

воплощения этой идеи выступают исторические улицы и площади, городские парки и скверы, набережные. Традиционно они задействуются для проведения городских мероприятий разной направленности, следовательно, становятся точками сосредоточения досуговых интересов городских жителей. К сожалению, на сегодняшний день эти части городского пространства заполняются арт-объектами, не связанными с историей городов и отвлекающими внимание от подлинных объектов, которые зачастую деградируют и разрушаются. В свою очередь зонирование позволяет локально презентовать различные периоды, отразившиеся в развитии конкретной части городского пространства. При этом оно должно опираться на приемы мягкой музеефикации, позволяющие использовать функционирующие объекты или объекты, которым возвращено первоначальное назначение, при раскрытии их культурной значимости.

Анализируя перспективы развития городских парков как составляющей городской среды, М. Н. Силкина предлагает реконструировать фрагменты городских садов (беседки, аллеи со скульптурами, танцевальные площадки, сцены под открытым небом), презентующих различные десятилетия советского периода [5, с. 511–512].

Историко-культурное зонирование должно дополнять решение основной проблемы городов с точки зрения сохранения и грамотного использования историко-культурного наследия: значительное видоизменение городского пространства вследствие современной застройки и развития инфраструктуры, утраты подлинных объектов. Сегодня специалистами предлагаются пути трансформации негативных последствий нарушения ландшафта сибирских городов [4].

Таким образом, при обосновании направлений рассматриваемой адаптации принципиально учитывать разновременные слои наследия с целью их презентации. Потенциал культурно-ландшафтного подхода на примере исторического города наиболее удачно может быть раскрыт только с учетом специфики территории, в пределах которой сконцентрированы объекты наследия.

Список литературы

1. Акимова, М. И. Влияние природного ландшафта на формирование исторических центров городов Западной Сибири / М. И. Акимова // Известия вузов. Строительство. – 2016. – № 12. – С. 92–101.
2. Веденин, Ю. А. Культурно-ландшафтный подход к сохранению наследия / Ю. А. Веденин // Обсерватория культуры. – 2013. – № 1. – С. 66–73.
3. Прохненко, В. В. Эволюция центров исторических городов и проблемы сохранения образа города / В. В. Прохненко // Историческая урбанистика : прошлое и настоящее города : сб. науч. статей Всероссийской конференции с международным участием, г. Сургут, СурГУ, 14 ноября 2014 г. / отв. ред. И. Н. Стась. – Курган : Курганский дом печати, 2015. – С. 755–764.
4. Романова, Л. С. Принципы трансформации современной деструктивной застройки в историческом центре города (на примере города Томска) / Л. С. Романова, О. Г. Литвинова // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. – 2010. – № 1. – С. 94–101.
5. Силкина, М. Н. Исторические парки и перспективы применения культурно-ландшафтного подхода к современной городской среде / М. Н. Силкина // Кузбасс : образование, наука, инновации : материалы Инновационного конвента / Сиб. гос. индустр. ун-т. – Кемерово ; Новокузнецк : СибГИУ, 2016. – С. 508–512.

ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРЕЗЕНТАЦИИ ИСТОРИКО- КУЛЬТУРНЫХ ЛАНДШАФТОВ

Предпринята попытка обобщения опыта отечественных и зарубежных музеев использования информационно-коммуникационных технологий для презентации историко-культурных ландшафтов. Авторы полагают, что такой подход позволит музеям привлечь большее количество посетителей, а также более подробно и целостно раскрыть смысловые поля объектов историко-культурного наследия и взаимосвязанной с ними окружающей природной средой.

Ключевые слова: историко-культурный ландшафт; информационно-коммуникационные технологии, музей, актуализация наследия, презентация, популяризация музейных собраний.

В современных условиях, когда наблюдается виртуальная активность посетителей музейных сайтов для получения определенной информации, огромную важность приобретают вопросы наполненности, удобства и доступности информации в веб-пространстве. Современные музеи стараются активно использовать новые способы и методы популяризации своих собраний и отдельных коллекций для обеспечения доступности культурного наследия широким слоям общества. В связи с этим большое значение приобрел вопрос популяризации музеями объектов наследия, что приводит к решению одной из приоритетных государственных программ культурной политики Российской Федерации, а именно сохранение объектов культурного наследия и возрождение традиционной культуры [8, с. 200].

Так, например, одной из проблем, связанных с презентацией историко-культурного ландшафта, является его актуализация посредством информационно-коммуникационных технологий.

Под «историко-культурным ландшафтом» понимается следующее – это определенный аспект культурного ландшафта, учитывающий не только существующие на данный момент культурные реалии, определяющие его основные характеристики, но и исторические особенности формирования культурного наследия на данной территории, а также, возможно, и те исторические объекты культурного наследия, которые не сохранились до наших дней [4].

В свою очередь информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) представляют собой совокупность методов, производственных процессов и программно-технических средств, интегрированных с целью сбора, обработки, хранения, распространения, отображения и использования информации в интересах ее пользователей [5].

Известно, что многие музеи, как России, так и мира, уже используют информационно-коммуникационные технологии в презентации своих выставок. Такой подход позволяет музеям привлечь большее количество посетителей, а также более подробно и целостно осветить определенную тему. Однако использование такого метода связано с определенными трудностями, например, отсутствие необходимых специалистов в штате музея, недостаток оборудования для создания и продвижения создаваемого информационного продукта, высокая стоимость подобных работ, также отсутствие рекомендаций по разработке и внедрению проекта.

Целью настоящей статьи является анализ имеющегося зарубежного и отечественного опыта использования информационно-коммуникационных технологий музеями в презентации историко-культурного ландшафта.

Музей естественных наук MUSE в итальянском городе Тренто интересен специальным мультимедийным тоннелем. Этот тоннель создает для посетителей иллюзию реальности всего происходящего и позволяет в полной мере погрузиться в экскурсию, наглядно увидеть и услышать все происходящее по теме презентуемого историко-культурного ландшафта, благодаря видеопроекциям и объемному звуку. Также в музее есть интерактивный глобус – копия планеты Земля, какой она выглядит из космоса. Специальная программа в режиме онлайн воспроизводит движение атмосферных масс, океанов и континентов, изменение климата и многое другое [1].

Музей истории польских евреев в Варшаве использует компьютерные технологии ради эффекта полного погружения в традиции и быт еврейского народа. Аудио и видеоряд позволяет посетителям оказаться в таверне, синагоге, школе, увидеть из окна виртуального трамвая панораму города и улицы прошлого столетия, услышать речь и национальную музыку восточноевропейских евреев [9].

Не только в зарубежных музеях используются информационно-коммуникационные технологии, но и в отечественной музейной практике встречается данное явление

В Михайловском замке (Русский музей) презентуется историко-культурный ландшафт с помощью виртуальных окон, которые установлены в кордегардии. В боковые окна одного из выставочных залов кордегардии, выходящие на южный фасад Михайловского замка, установили жидкокристаллические мультимедийные панели Mitsubishi LM55P1 с диагональю 55 дюймов. Со стороны зала панели задекорированы фальшрамами так, что они выглядят как настоящие окна. Центральное окно осталось неизменным. В течение года велась непрерывная съемка материала с одного места. Из этого огромного количества снимков был создан видеофрагмент, на котором в течение нескольких минут презентуется вид на фасад замка в разное время года. Вид, который демонстрируется на жидкокристаллических панелях, является настолько реалистичным, что некоторые посетители, когда впервые видят это, верят в происходящее на экранах [2].

В парке «Зарядье» применяется большое количество информационно-коммуникационных технологий. В цифровом медиахолле используется цилиндрический экран и интерактивное изображение. С помощью этих технологий зрители переносятся во времена образования города Москвы, становятся свидетелями Бородинской битвы, могут ощутить, как будто они присутствуют на военном совете в Филях. Стилизованный под ледяную пещеру павильон с интерактивной экспозицией расскажет посетителям парка об истории освоения Крайнего Севера. Окунуться в атмосферу Заполярья поможет специальное оборудование: видеопроекционная система и технология фонового звукоусиления. Увидеть прекрасные историко-культурные ландшафты Кавказа, Уральских гор смогут

посетители 4D-аттракциона «Полет над Россией». На 12-метровом параболическом экране зрителям, сидящим на специальных динамических платформах, покажут около 30 уникальных природных локаций России, снятых с высоты. Благодаря «эффекту присутствия» люди могут ощутить погодные условия [7].

В государственном военно-историческом и природном музее-заповеднике «Куликово поле» применяются информационные технологии, задействованные в экспозиции «Сказание о Мамаевом побоище. Новое прочтение». Это разнообразные интерактивные сенсорные киоски и планшеты, проекционные зоны, анимированные инсталляции и макеты, аудиокресла и системы направленного звука и фонового звучания, панорамный кинозал и интерактивная информационная система с управлением посредством жестов. Все это помогает закрепить полученную в ходе экскурсии информацию [6].

Данные примеры ярко иллюстрируют разнообразие использования современных информационно-коммуникационных технологий для популяризации историко-культурных ландшафтов, что на наш взгляд позволяет музеям привлечь больше посетителей, сделать экскурсии более интересными и подробно и целостно осветить определенную тему. В музеях посетители могут увидеть презентуемые объекты в разные времена года, почувствовать, что они находятся в том месте, о котором рассказывают.

Историко-культурные ландшафты обладают огромным информационным потенциалом, вследствие чего их презентация может способствовать созданию максимально целостного представления о традиционном мировоззрении и мировосприятии, духовной культуре определенного исторического периода. Таким образом, процесс превращения историко-культурного ландшафта в музейный информационный продукт, рассчитанный на запросы аудитории и созданный с их учетом, позволяет максимально раскрыть информационные поля входящих в его состав объектов музейного значения.

Список литературы

1. Science Museum MUSE : официальный сайт [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.muse.it/it/Pagine/default.aspx>.
2. Виртуальные окна в кордегардии Михайловского замка [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.avclub.pro/news/kultura-i-iskusstvo/virtualnye-okna-v-kordegardii-mikhaylovskogo-zamka/>.
3. Высокие технологии в современных музеях [Электронный ресурс] // Культура.РФ : портал культурного наследия и традиций России. – URL : <https://www.culture.ru/materials/50729/vysokie-tehnologii-v-sovremennykh-muzeyakh>.
4. Дахин, С. Д. Историко-культурный ландшафт как основа комплексного анализа материального культурного наследия поликультурного региона [Электронный ресурс] / С. Д. Дахин. – URL : http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2012/3/kulturologiya/dakhin.pdf.
5. Игушева, И. А. Информационно-коммуникационные технологии в современной начальной школе [Электронный ресурс] / И. А. Игушева // Школа России : учебно-методический комплекс : сайт / Издательство «Просвещение». – URL : http://school-russia.prosv.ru/info.aspx?ob_no=27022.
6. Информационные технологии в музее [Электронный ресурс] // Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово поле» : официальный сайт. – URL : <https://www.kulpole.ru/news/4085/>.
7. Парк «Зарядье» [Электронный ресурс] // Комплекс градостроительной политики и строительства города Москвы : официальный сайт. – URL : <https://stroj.mos.ru/park-zariad-je>.
8. Родионова, Д. Д. Расширение возможностей практико-ориентированного обучения посредством внедрения современных информационных-коммуникационных технологий (на примере профессиональной подготовки музеологов) / Д. Д. Родионова // Современное образование. – 2017. – № 1. – С. 196–202.
9. Полин : музей истории польских евреев [Электронный ресурс] : официальный сайт. – URL : <http://www.polin.pl/pl/o-muzeum>.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аверьянов Константин Александрович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Россия, г. Москва)

Бердикова Елизавета Сергеевна – студент Кемеровского государственного института культуры (Россия, г. Кемерово)

Боровиков Сергей Владимирович – магистрант исторического факультета Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова (Россия, г. Ярославль)

Бородкин Александр Викторович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин Ярославского филиала Московского финансово-юридического университета (Россия, г. Ярославль)

Ваганова Ирина Вениаминовна – кандидат филологических наук, главный редактор газеты «Городские новости» (Россия, г. Ярославль)

Варнаев Владимир Николаевич – старший научный сотрудник Новгородского государственного объединенного музея-заповедника (Россия, г. Великий Новгород)

Воднева Ирина Петровна – заведующая Краеведческим музеем, филиалом Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника (Республика Беларусь, г. Полоцк)

Волкова Анна Константиновна – студент Кемеровского государственного института культуры (Россия, г. Кемерово)

Галунова Светлана Николаевна – кандидат искусствоведения, доцент кафедры профессионального и технологического образования Череповецкого государственного университета, член Союза художников РФ и АИАП ЮНЕСКО (Россия, Вологодская область, г. Череповец)

Глушкова Полина Валерьевна – кандидат культурологии, доцент кафедры музейного дела Кемеровского государственного института культуры (Россия, г. Кемерово)

Данилова Марина Дмитриевна – главный библиотекарь Центральной детской библиотеки им. Ярослава Мудрого Централизованной системы детских библиотек г. Ярославля (Россия, г. Ярославль)

Дементьев Леонид Антонович – студент Юридического института Томского государственного педагогического университета (Россия, г. Томск)

Иванов Егор Витальевич – студент Кемеровского государственного института культуры (Россия, г. Кемерово)

Иерей Александр Парфенов – преподаватель Ярославской духовной семинарии (Россия, г. Ярославль)

Кабачек Оксана Леонидовна – кандидат психологических наук, фрилансер (Сербия, г. Сопот)

Каретников Алексей Леонидович – заведующий археологическим отделом Государственного музея-заповедника «Ростовский кремль»

Кириллов Андрей Александрович – кандидат философских наук, доцент Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета (Россия, г. Ростов-на Дону)

Кириллова Ольга Сергеевна – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры теории культуры, этики и эстетики Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета (Россия, г. Ростов-на Дону)

Климаков Юрий Викторович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры библиотековедения и книговедения Московского государственного института культуры (Россия, г. Москва)

Комаровская Людмила Викторовна – заведующая отделом экскурсионно-методической работы Национальной библиотеки Беларуси (Республика Беларусь, г. Минск)

Круглова Дарья Евгеньевна – магистрант Кемеровского государственного института культуры (Россия, г. Кемерово)

Кузьмина Ольга Михайловна – кандидат педагогических наук, доцент Ржевского филиала Тверского государственного технического университета, Почетный работник культуры и искусства Тверской области, член Союза композиторов России (Россия, Тверская область, г. Ржев)

Левагина Светлана Николаевна – ведущий методист научно-методического отдела государственного учреждения культуры Ярославской области «Областная юношеская библиотека имени А. А. Суркова» (Россия, г. Ярославль)

Лойко Ольга Тимофеевна – доктор философских наук, профессор кафедры экономической теории Томского государственного педагогического университета (Россия, г. Томск)

Насонов Александр Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры музейного дела Кемеровского государственного института культуры (Россия, г. Кемерово)

Островская Галя Всеволодовна – доктор физико-математических наук, ведущий научный сотрудник Физико-технического института им. А. Ф. Иоффе РАН (Россия, г. Санкт-Петербург)

Пакшин Павел Владимирович – доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой Арзамасского политехнического института (филиала) Нижегородского государственного технического университета им. Р. Е. Алексеева (Россия, Нижегородская область, г. Арзамас)

Пакшина Наталья Алексеевна – кандидат технических наук, доцент Арзамасского политехнического института (филиала) Нижегородского государственного технического университета им. Р. Е. Алексеева (Россия, Нижегородская область, г. Арзамас)

Попова Ирина Олеговна – старший научный сотрудник Новгородского государственного объединенного музея-заповедника (Россия, г. Великий Новгород)

Родионов Семен Григорьевич – аспирант кафедры музейного дела Кемеровского государственного института культуры (Россия, г. Кемерово)

Родионова Дарья Дмитриевна – кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой музейного дела Кемеровского государственного института культуры (Россия, г. Кемерово)

Розина Ольга Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета, Почетный работник высшего профессионального образования РФ (Россия, г. Москва)

Рукавичникова Валентина Викторовна – кандидат филологических наук, заведующая сектором научной библиотеки Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого (Россия, г. Великий Новгород)

Русинова Наталья Александровна – заведующая библиотекой средней общеобразовательной школы № 17, педагог дополнительного образования, Почетный работник общего образования РФ (Россия, г. Ярославль)

Серова Ирина Александровна – старший научный сотрудник Музея истории города Ярославля (Россия, г. Ярославль)

Сильев Александр Николаевич – студент Кемеровского государственного института культуры (Россия, г. Кемерово)

Темушев Степан Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России исторического факультета Белорусского государственного университета (Республика Беларусь, г. Минск)

Яроцкая Юлия Александровна – кандидат филологических наук, доцент Дальневосточного федерального университета (Россия, г. Владивосток)

СОДЕРЖАНИЕ

Аверьянов К. А.	
Когда был составлен «Ряд Ярослава»	6
Темушев С. Н.	
Политика Ярослава Мудрого в отношении периферийных «конфедератов»	15
Розина О. В.	
Святая равноапостольная княгиня Ольга как первая русская паломница	27
Боровиков С. В.	
Город Юрьев – средневековая история	34
Варнаев В. Н.	
Эсхатологические аспекты событий 1170 года	40
Попова И. О.	
Битва новгородцев с суздальцами: особенности подачи сложного историко-культурологического материала для младших школьников	51
Каретников А. Л., иерей А. Парфенов	
Достопримечательное место «Гора святой Марии»: проектирование территории и археологические исследования	57
Парфенов А., иерей	
Историко-культурная атрибуция урочища «Гора святой Марии» как религиозно-исторического места	63
Кириллов А. А.	
Историческое воображение в действии: «Донская Троя» – анатомия мотивов и поэтика перспектив	73
Рукавичникова В. В.	
Некрополь Новгородского Антониева монастыря	80
Бородкин А. В.	
Казаки в Ярославле в эпоху «Смутного времени»	87
Климаков Ю. В.	
«Ярославские епархиальные ведомости» (1860–1917) как источник изучения историко-культурного наследия Ярославского края	94

Галунова С. Н.	
Образование и духовное состояние общества в Череповецком уезде в конце XIX – начале XX вв.	102
Ваганова И. В.	
К. Ф. Некрасов – коллекционер древнерусского и восточного искусства.....	108
Серова И. А.	
Ярославль в монархическом сценарии власти последнего российского императора	115
Воднева И. П.	
Полоцк в годы Первой мировой войны: прошлое и настоящее	122
Данилова М. Д.	
Художники-блокадники: ярославские страницы (1942–1944)	134
Русинова Н. А.	
Пленники ленинградской блокады.....	144
Островская Г. В., Лойко О. Т., Дементьев Л. А.	
Профессор Борис Вейнберг и его вклад в строительство «Дороги жизни»	151
Пакшин П. В., Пакшина Н. А.	
Карельский фронт в воспоминаниях участника боев.....	157
Кузьмина О. М.	
Работники культуры и искусства Ярославской и Калининской областей на страже мира: к 75-летию воинского подвига на Тверском Волговерховье (1941–1943)	163
Кириллова О. С.	
«Русский медведь»: репрезентация образа в культурных практиках	171
Левагина С. Н.	
Обращение к древнерусской тематике в балладах А. К. Толстого ...	177
Кабачек О. Л.	
К вопросу о месте М. М. Хераскова в истории русской литературы	184
Яроцкая Ю. А.	
Дальневосточный краеведческий текст в свете древнерусской литературной традиции (на примере творчества В. К. Арсеньева).....	191

Комаровская Л. В.	
Проект «Славутыя імёны Бацькаўшчыны»: Янка Мавр – основатель белорусской детской литературы	198
Глушкова П. В., Бердикова Е. С.	
Формы и методы презентации традиционной игры в рамках туристских культурно-образовательных программ	204
Насонов А. А., Волкова А. К.	
Историческая сельская местность как тип культурного ландшафта: специфика Сибири	210
Круглова Д. Е., Родионов С. Г.	
Мотивация государственно-частного партнерства в рамках использования недвижимых объектов историко-культурного наследия в туризме	215
Насонов А. А., Иванов Е. В.	
Адаптация культурно-ландшафтного подхода к сохранению и туристскому использованию наследия исторических городов Южной Сибири	221
Родионова Д. Д., Сильев А. Н.	
Информационно-коммуникационные технологии в презентации историко-культурных ландшафтов	227
Сведения об авторах	233

Научное издание

**ЯРОСЛАВ МУДРЫЙ. ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ,
СОХРАНЕНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ**

Сборник материалов
IX Международной научно-практической конференции.

Ответственный за выпуск
Труфанова Т. А.

Ответственный редактор
Данилова М. Д.

Научный редактор
Аверьянов К. А.

Верстка
Плечева Н. В.

Подписано в печать 26.03.2018. Формат 60x90/16.

Усл. печ. л. 15; уч. изд. л. 11.

Тираж 320 экз. Заказ № 1463.

Отпечатано в ООО «Канцлер»
150008, г. Ярославль, ул. Клубная 4-49.
Тел.: (4852) 58-76-33, 58-76-37.